

ТАМАРА БОРДЖАНОВА

Магическая
П О Э З И Я
КАЛМЫКОВ

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

ТАМАРА БОРДЖАНОВА

**Магическая
П О Э З И Я
КАЛМЫКОВ**

Исследование и материалы

**Элиста
Калмыцкое книжное издательство
1999**

ББК 84 (Калм.)
Б 82

Замысел оформления книги принадлежит автору

Борджанова Т. Г.

Б 82 Магическая поэзия калмыков: Исследование и материалы.— Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999.—182 с. Прил. с. 131—182.

ISBN 5-7539-0414-9

Монография представляет собой исследование как известных, так и малоизвестных жанров калмыцкого фольклора. Собранный, выявленный автором из разных источников материал подвергнут системному анализу. Наряду с образцами народной поэзии привлечен материал из обрядовой практики калмыков. В Приложении даются калмыцкие фольклорные тексты и их переводы на русский язык.

Издание рассчитано на этнологов, фольклористов, доступно широкому кругу читателей.

Б 4702260105 — 002
М 126(03) — 99

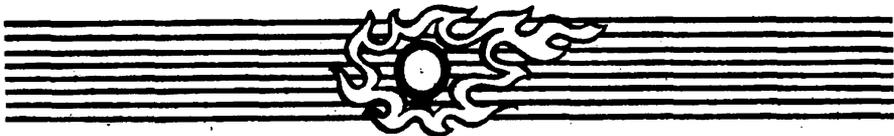
Без объявл.

ББК 84 (Калм.)

ISBN 5-7539-0414-9

© Т. Г. Борджанова, 1999

© Оформление. Ф. М. Дубров, 1999

ВВЕДЕНИЕ

Самое большое национальное богатство народа — его фольклор. Устная народная литература — это душа народа, его психология, его история, зеркало его надежд и чаяний, представлений и взглядов, духовного мира.

Знание фольклора позволяет понять особенности психического склада того или иного этноса, его систему жизненных ценностей, мировоззрение, верования и культуру, обряды и обычаи. Фольклор, увековечиваясь в разных жанрах — эпосе, сказках, пословицах, поговорках и других традиционных произведениях устно-поэтического творчества: заговорах, благопожеланиях, проклятиях, приметах, бытование которых в народной среде настоящего времени дает возможность определить национальный образ мышления, характер мировоззрения, — не позволяет людям забыть свое происхождение, какого они рода-племени, выполняет консолидирующую роль в обществе.

С этой точки зрения особое значение приобретает фольклор калмыков, в силу различных причин оторванных от основной массы своих сородичей — бурят и других монгольских народов, что не могло не отразиться в целом на культурной традиции. Здесь речь может идти о фольклорной традиции изолированной, но сохраняющей важные жанры словесного творчества монголоязычных народов и развивающейся в том же русле. Многие процессы, происходящие в фольклорной традиции монгольских народов, родственны калмыцкой. Разработка жанровой системы калмыцкого фольклора находится на начальной стадии, в силу многих процессов, связанных с историей народа — носителя фольклора. Фольклорная традиция, органически связанная с жизнью народа, непрерывно меняется. Современное бытование жанров калмыцкого фольклора говорит о том, что функции традиционных жанров заметно сузились по сравнению с теми, которые были зафик-

сированы рядом исследователей в 18 — начале 20 века. Одной из важных проблем в изучении жанровой системы калмыцкого фольклора является функционирование его в годы сибирской ссылки калмыков (1943—56 гг.). Калмыцкая культура, язык, религия были под запретом, но народ даже в трудных условиях обращался к духовенству, совершал необходимые обряды, праздновал национальные праздники — Зул, Цаган Сар. Люди и в ссылке собирались вечерами, по свидетельству очевидцев, у кого-нибудь в доме, слушали сказки, пели народные песни. Фольклор, записанный в 60-е годы по возвращении из сибирской ссылки — эпос "Джангар", фрагменты эпоса "Гэсэр", сказки, афористическая поэзия, образцы обрядовой и магической поэзии, свидетельствует о том, что калмыки, разбросанные в ссылке по всей территории Сибири, Казахстана, Сахалина, Крайнего Севера, сохранили многие элементы хозяйственно-культурного слоя. К сожалению, в сибирской ссылке многие обряды, обрядовый фольклор, в силу запрета на язык и совершение действий, связанных с религиозными предписаниями и национальными традициями, подверглись сильной унификации. Частично был утерян обрядовый фольклор, сказки, йорелы, магталы, песни, предсказания. Но ценным является то, что в 60-х годах, когда после восстановления автономии калмыцкие фольклористы начали полевую работу, были выявлены новые джангарчи — исполнители эпоса "Джангар", йорелчи, туульчи¹.

В 60-е годы усилиями калмыцких ученых и писателей была подготовлена "Антология калмыцкой поэзии"², куда вошли традиционные жанры калмыцкого фольклора. Один из составителей "Антологии..." народный поэт Калмыкии Санджи Каляев включил в нее заклинания, проклятия и йорелы, но впоследствии эти жанры были исключены из сборника по идеологическим соображениям — ссылались на наличие в них религиозного налета. К сожалению, эту часть, изъятую из "Антологии...", восстановить не удалось.

В годы депортации обряды исполнялись в усеченном виде, поэтому в современном бытовании детали обрядовых действий утрачены, утеряны многие устно-поэтические тексты, сопровождавшие обряд или ритуал. Из репертуара знатоков фольклора постепенно ушли заговоры, проклятия, к наиболее

распространенным и употребляемым ныне жанрам относятся благопожелания.

Малые жанры фольклора не были зафиксированы в полной мере в предвоенные годы, в работах исследователей 19 — начала 20 века они также не нашли широкого отражения.

Но и в 60-х годах малые жанры фольклора, куда входит и магическая поэзия (йорелы, харалы [проклятия], тарни [заклинания], йор [приметы]), не были в поле зрения исследователей. Полная жанровая система калмыцкого фольклора невозможна без восстановления всех ее форм, ибо каждый жанр охватывает свою определенную сферу художественного осмысления мира. Вместе с реконструкцией текста, сопровождавшего тот или иной обряд или ритуал, идет восстановление обрядового комплекса в целом. Слово, сопровождавшее обряд или обрядовое действие, имело магическое значение. Как пишет Г. И. Михайлов: "Художественное слово играло в ту пору определенную роль. Надо думать, трудовые процессы и военные мероприятия наших отдаленных предков сопровождались различными обрядами, отправление которых не обходилось, по-видимому, без каких-то песен, кличей, заклинаний"³.

О том, что магии слова калмыки придавали большое значение, свидетельствуют образцы афористической поэзии.

Ценилось в народе краткое слово ("үгин ахрнь сән"), слово точное, ясное ("үгин илнь сән"), осторожное слово, что подтверждают калмыцкие пословицы.

Татад келсн үг	Осторожные слова
Гемшэл уга болдг,	Не обвиняют,
Татулж гүүсн мөрн	Хорошо запряженный конь
Бүдрлтән уга болдг.	Бежит не спотыкаясь.*

Калмыки ценили такие качества, как сдержанность и умение человека не разбрасываться словами, об однажды сказанном слове они говорили, что это срубленное дерево: "келсн үг — керчсн модн".

* Здесь и далее по тексту переводы автора.

Из-за неосторожно сказанного слова могла возникнуть ссора, об этом говорит пословица:

Үүлн өөрдхлэ — боран болдг,
Үг сөрхлэ — керүл болдг.
Приблизятся тучи — пойдет дождь,
Заденешь словом — будет ссора.

Слово "үг" (изречение, афоризм) вошло в название фольклорных жанров монгольских народов.

В монгольской фольклористике термин "үг" объединяет "зүйр үг" — пословицы и поговорки, "түргэн үг" — скороговорки, "цецн үг" — мудрые слова. В группе малых фольклорных форм особое место принадлежит "бэлэг дэмберлг үг" — благодатным словам, состоящим из одной или двух строф, приближающих их по форме к заговорам. Пожелание в благодатном слове обычно направлено на социальное действие — успешный трудовой процесс, благополучие в жизни в ее различных проявлениях. Слово "үг" вошло в терминологию фольклора других монгольских народов.

В бурятском фольклоре пословицы и поговорки именуются как "оньһон" — "оньһон үгэнүүд"⁴.

Слово "үг" употребляется в народной терминологии для обозначения жанров калмыцкого фольклора: "йөрәлин үг" — благожелательные слова, "харалын үг" — проклинающие слова. Монгольский исследователь Ш. Гаадамба также полагает, что "поэтому монголы ранее любую монгольскую литературу обозначали словом "үг"⁵.

Г. И. Михайлов, исследуя жанры магической поэзии, выявил в сохранившихся рукописных материалах, летописях, других литературных образцах некоторые обрядовые действия, такие как "тахил" (жертвоприношение), "даллага" (призывание), "санг" (очищение), "цацал" (кропление), "тарни" (заклинание), они были определены им одновременно и как фольклорные жанры. Это свидетельствует о том, что в древности слово и действие были неразделимы и в своей слитности представляли магическую силу⁶.

Говоря о письменных источниках древней магической поэзии, Г. И. Михайлов считает, что "между устным и письменным бытованием древнего фольклора есть большая разница,

рукописям придавался более монументальный вид, и достигалось это путем включения в одно произведение фрагментов другого”⁷.

Однако нами поставлена цель изучить бытование жанров магической поэзии в устной фольклорной традиции калмыков, и потому в основу исследования положен полевой материал, собранный в экспедициях от разных информантов в районах Калмыкии и городе Элисте.

В современной фольклорной традиции калмыков жанры магической поэзии бытуют и поныне, большой пласт ее нашел художественное отражение в произведениях калмыцких писателей, которые были знатоками фольклора и этнографии.

Исследователями, знатоками фольклора были созданы этнографические книги⁸. Магической поэзии Калмыкии посвящены некоторые разделы монографий профессоров У. Э. Эрдниева (“Калмыки”) и Г. И. Михайлова (“Проблемы фольклора монгольских народов”). Процесс жанрообразования — процесс длительный. Ранее объединенные в фольклоре монгольских народов словом “үг” в фольклорной традиции калмыков жанры, составляющие магическую поэзию, обозначены другими терминами: “йөрөл” — благопожелание, “харал” — проклятие, “төрн” — заклинание.

Терминологическое обозначение жанров магического фольклора обнаруживается в текстах “Джангара”. Богатырь Бардатын Очир Герел-нойон обладает десятью книгами сильных заклинаний (арви арвс төрни номта). Йорел (благопожелание) в “Джангаре” называется “бадмин сээхн йөрөл” (лотосоподобный йорел), “эрднь сээхн йөрөл” (драгоценный йорел). В “Джангаре” также запечатлен ритуал произнесения проклятия (харала)⁹.

Йорелы и харалы — два подюсных жанра. Жанровая характеристика йорелов и харалов дана Номто Очировым в работе “Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд “хара келе утулган” у калмыков”. В статье Номто Очирова впервые в монголоведении, несмотря на ее краткость, поднята проблема жанровой характеристики йорелов и харалов, а также взаимосвязи устной и письменной литератур у калмыков¹⁰. В работе использован полевой материал автора, собранный в двух поездках по Калмыцкой степи. Смысл жанра йорелов и харалов раскрывается в пословице, приведенной в начале

статьи: "Благопожелания (йорелы) — начало блаженства, а проклятия и дурные помыслы (харалы) — несчастья и раздоры". Б. Я. Владимирцов считал, что благопожелание — это твердое решение, обет. Говоря о применении этого жанра в быту, он пришел к выводу, что "благопожелания произносились чаще всего во время свадебного действия"¹¹. В современной фольклорной традиции исполнители этих жанров носят названия: харалчи — человек, умеющий исполнять харалы, и йорелчи — человек, обладающий мастерством произносить йорелы.

Исследователи прежде всего под термином "магическая поэзия" имеют в виду заговоры. А между тем магическая поэзия — понятие весьма обширное. Оно подразумевает не один, а несколько жанров, которые имеют в основе своей магию слова, четко выраженную колдовскую, чудодейственную функцию и свое определенное значение. Заговоры, благопожелания, проклятия, заклинательные песни используются в календарных, свадебных, родильных обрядах, сюда входят также заговорные формулы, употребляющиеся в народной обрядности калмыков. В обрядах нашла отражение вербальная магия, которая сопровождала ряд магических процедур — вредоносных, лечебных. Магические приемы и действия, совершаемые отправителями обряда, усиливались вербальным сопровождением, которое определялось мастерством исполнителя и степенью сохранности заговорного текста, зависящей от времени его письменной фиксации и частоты употребления в народной среде микрообряда или обряда.

Произнося слова, которые, по мнению исполнителей, обладают магической силой, и сопровождая их определенным церемониалом, они пытались положительно воздействовать на природные стихии, излечить человека от болезни или же наслать вредоносную кару, несчастья.

Магическая поэзия охватывает все сферы человеческой деятельности — трудовые и бытовые процессы, личную жизнь от рождения до смерти.

В современной фольклорной традиции калмыков магическая поэзия сохранилась начиная с простых жанровых форм до больших поэтических произведений. Характерно, что магическая поэзия калмыков развивается в русле общемонголь-

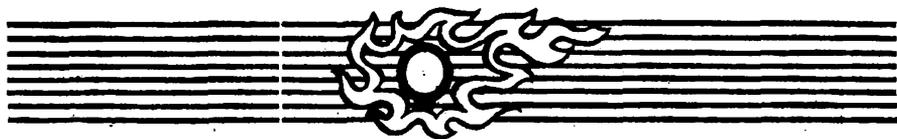
ких фольклорных традиций как в художественно-поэтическом плане, так и в сфере терминологических наименований.

При исполнении произведений магической поэзии особое значение придавалось ритуалу их произнесения. В лечебной, промысловой магии применялись имитативные приемы. Элементы магии сохранились не только в обрядах и обрядовых действиях, они нашли отражение в героическом эпосе "Джангар", пословицах и поговорках, в прозаических жанрах — сказках, легендах и преданиях. В произведениях калмыцких писателей они составляют обширный пласт. Традиционно тексты магической поэзии, легко вычлняясь из более крупных жанров, переходили при воспроизведении из текста в текст. Они представляли собою вполне самостоятельное высокохудожественное фольклорное произведение со своей поэтической структурой.

Жанрам заклинаний, проклятий и некоторым видам йорелов только в последнее время фольклористы стали придавать значение, и активный сбор их образцов и научное изучение можно отнести к современному периоду.

Таким образом, человек в прошлом верил в чудодейственную сверхъестественную силу различных образцов магической поэзии и практиковал их исполнение в целях улучшения своей нелегкой жизни и тяжелого труда скотовода, охотника, в целях обретения удачи на всех этапах жизненного цикла. Полная картина жанров магической поэзии и форм ее участия в совершении обрядов и обрядовых действий возможна при сравнительном изучении бытования аналогичных жанров в фольклоре монгольских народов.

ПРИМЕТЫ

Одним из интересных архаических жанров калмыцкого фольклора являются приметы, которые, по существу, оставались вне поля зрения ученых. Отдельные образцы примет обнаруживаются в произведениях калмыцких писателей, некоторые из них отмечены в описаниях семейной обрядности калмыков в этнографической литературе.

Терминологически примета в калмыцкой фольклористике еще не обозначена. Примету можно обозначать словом "йор", в сознании калмыков приметы бывают хорошие и плохие, соответственно — "му йор" (плохие приметы) и "сән йор" (хорошие приметы). Кроме того, примета может быть обозначена словом "цеерлһн" — "запрет", т. е. запрет совершать какие-либо действия. Впервые это понятие открыл Д. К. Зеленин у бурят: "На той же боязни дурного глаза основан бурятский запрет выносить ребенка в течение первого года его жизни из юрты на свет и воздух, запрет показывать чужим людям, для этого запрета у бурят отмечен и особый термин "сер"¹.

Приметы охватывают все обряды, совершаемые калмыками от рождения до смерти, есть ряд примет, касающийся природных явлений.

Знание примет входило в обучение детей нормам этикета: ребенку нельзя было сидеть, соединив пятки ног, ходить на пятках, обхватывать руками ноги — это были плохие приметы (му йор), которые по представлениям суеверных людей могут принести вред ребенку и его семье. Если ребенок совершал плохие поступки и действия, то для характеристики их существовало выражение "му йорта" (с плохими приметами). Словосочетание "цер бәрх" означает, что человек следует этим запретам, чтобы оградить свою семью от несчастий, иногда это касалось здоровья человека. Человек обращался за помощью к духовному лицу, и он накладывал табу на какую-либо пищу,

одежду или утварь, которые были в пользовании до сей поры. Обычно духовным лицом назывались те предметы, которые, по его мнению, вредили, мешали человеку. Таким образом устранялись некоторые несчастья, постигшие данную семью или человека. При нарушении запретов "му йор" — "грех" и "цер бэрх" — "держат себя в чистоте" могли произойти несчастья.

Источниками изучения калмыцких примет являются произведения устного народного творчества калмыков — эпос "Джангар", пословицы и поговорки, детский фольклор, произведения современных калмыцких писателей, а также ряд материалов, опубликованных на страницах газеты "Хальмг үнн" от Д. Нандышева, Б. Амбековой, И. Мутяева, Л. Хохловой и др., а также собственные полевые записи.

Древние верования, приметы, которых придерживались калмыки, отражены в книге У. Душана "Хальмг улсын йорлһн, цеерлһн болн му бэрц-бөөдл". Глава из книги этнографических сюжетов К. Эрендженова "Цецн булг" также посвящена приметам, которые бытуют и ныне в повседневной жизни калмыков. Современный калмыцкий поэт Эрдни Эльдышев изложил приметы в форме двустихий и трехстихий².

Худгт нульмдм биш.

Хо бүрүллэ унтдмн биш.

Хара зөндөн уульдмн биш.

Не плюют в колодец.

В сумерки не ложатся спать.

Без причины — не плачут.

Хойр тавган хархулдмн биш.

Хар ус буслһдмн биш.

Не сидят, соединив пятки.

Зря простую воду не кипятят

долго.

Всего поэтом опубликованы пятьдесят шесть образцов примет — это своеобразный этический кодекс калмыков.

Э. Эльдышеву удалось в приметах-двустихиях отразить многие этнографические детали из жизни калмыков: "цэһэр аман зээлдмн биш" — нельзя ополаскивать рот чаем, ибо чай относится к "цаһан идэн" — к молочным продуктам, с которыми у калмыков было связано множество магических представлений, и молочные продукты относились к "почетной пище" (дееж). "Худгт нульмдм биш" — нельзя было осквернять воду, ибо у воды есть хозяин "лусын хан", хедуки (колодцы) были также местом освящения земли и воды в месяц "урюс".

Существующие приметы свидетельствуют о том, что они, как мы уже отмечали, являлись своеобразными нормами этикета, были тематически разнообразны и охватывали все стороны быта кочевников. Кроме того, ни у кого не вызывало сомнения, что приметы и их магическое содержание способствовали сохранению жизни и традиционного быта калмыков, имели оберегающий характер. Знание примет характерно и для современных калмыков, они охотно их называют, кроме того, этим приметам они стараются следовать в жизненных ситуациях. Как сказки и пословицы, приметы передавались традиционно из поколения в поколение.

Существовал комплекс примет, которые должен был иметь в виду человек, отправляющийся в путь. Соблюдался ряд запретов для того, чтобы дорога была благополучной. Плохой приметой для путника была лежащая поперек дороги лисица, не к добру было, если кто-то навстречу путнику насыпал золу или выливал воду. Оставшиеся дома также должны своими действиями обеспечить счастливую дорогу: нельзя было подметать в доме, стирать одежду, громко разговаривать. Отправившемуся в путь человеку следовало говорить благопожелания.

В пути сам человек должен был также соблюдать ряд табу, например, нельзя было подбирать предметы, лежащие поперек дороги. Калмыки никогда не брали предметы на месте привязи молодняка (зел), расположенной недалеко от жилья, если дети собирали кизяк в этой местности, то его нельзя было делить между собой, в противном случае оборвется веревка "зел". Это действие соответствовало по своим последствиям проклятию "Зел тасртха!" ("Пусть оборвется привязь!"), что в конечном счете обозначало: "Пусть погибнет весь молодняк"³. Также бытует мнение, что кизяк, найденный в месте, где есть привязь, сделанная из волосяной веревки, обладает магической силой: у подобравшего этот кизяк исчезают все грехи.

Жизнь кочевника, которая была всегда суровой, зачастую находилась во власти природных явлений. Насколько благополучной и обеспеченной она будет, зависело во многом от окружающей среды. Поэтому природная среда охранялась целой системой примет: запрещалось рубить одинокое дерево, копать землю в определенные дни, бить землю кнудом, детям запрещалось ходить на пятках, ибо земля взрыхлится, земле будет больно, нельзя убивать лебедей, иначе в течение трех

цней умрет кто-нибудь из близких, нельзя убивать лягушку — пойдет сильный ливень⁴.

Эти оберегающие функции примет формировались у кочевников как образ жизни, образ действий с раннего детства, и им они следовали всю жизнь. Приметы в этом случае оберегали хозяйственную деятельность номадов и устанавливали нормы поведения человека в природной среде, где он обитал.

В древности человек сильно зависел от окружающей его природы и был незащищен против ее сил, в страхе он невольно преклонялся перед ее явлениями. Небо было особо почитаемо предками калмыков. Калмыки чтили также огонь как источник жизни, в его честь совершались обряды "һал төклһн" — освящение огня с принесением жертв, чтобы умиловать духов огня.

Калмыки ежегодно в определенное время совершали обряд "һазр-ус төклһн" — освящение земли и воды, — издревле способствовавший приспособлению к природной среде. Так постепенно возникал диалог человека с природой.

Умиловливая природу с ее непредсказуемостью с помощью заговоров, макро- и микрообрядов, человек развивался сам, развивал заложенные в нем природой чувства, выливающиеся в слова, в осмысленное отношение к миру, в конечном счете рождались рассказы, сказки, эпические произведения, а также разные поверья, приметы.

Карканье вороны, по мнению калмыков, приносит несчастье. Когда калмык слышит карканье вороны, то непременно призывает ее: "Сә кел! Сә кел!" — "Говори только хорошее!" Характерно, что эту формулу записал также Ц.-Д. Номинханов в Северо-Западной Монголии⁵.

По широко распространенной примете, если калмык застрелил журавля, то его проклянет журавлиная стая. Поэтому существовал запрет на отстрел журавлей. Журавлиное проклятие, по воззрениям наших предков, всегда достигнет своей цели. У калмыков бытовала протяжная песня (ут дун) "Хар келн тоһрун" — "Журавль с черным языком". (Для сравнения: человек, произносящий проклятие, для усиления его действия намазывает язык черной сажей)⁶. Согласно легендам эта протяжная песня не что иное, как пение журавушки, потерявшей птенцов и кружащей над местом их гибели с печальным криком. Это песня-проклинание тем, кто уничто-

жил ее птенцов. У калмыков бытовало поверье: убить птенца журавля — это убить гелюнга, творящего добродетельные деяния.

С самого детства воспитывалась у степняков любовь к миру, который окружал их. Путем изучения этнологических легенд, преданий о своем роде, человек должен был постигать сведения об истории и кочевках своего рода, с детства он должен знакомиться с хозяйственной деятельностью — пасти скот, собирать аргал, знать повадки животных, знать названия окружающей местности и основных созвездий. С детства кочевник должен был знать родословную до седьмого колена, а также участвовать во всех праздниках своего рода, в календарных и домашних обрядах.

Запреты имели магический характер и прежде всего распространялись на одежду, в которой заключалась жизненная сила человека. У калмыков особо почитался головной убор. Шапку нельзя было бросать где попало, если шапка лежала дном кверху — это насылало несчастье на человека, а если вдруг наденешь на голову две шапки — быть повторной женитьбе.

По воззрениям калмыков человеку с рождения предназначено определенное количество одежды (тоота хувци). У скотоводов иметь большое количество одежды считалось грешным. Когда человек умирал внезапно, говорили: "хувцина то чилж оч" — "закончилось количество одежды". [Полевые записи автора.]

Чтобы как-то наказать двух ссорящихся женщин, у обеих отрезали часть подола их платьев. Нельзя было носить одежду, испорченную огнем, — это насылало несчастье. Цветовая символика монгольских народов получила отражение в предохранительных микросбрядках — это прежде всего использование сочетания белого и черного цветов. Черная и белая нитки, скрученные вместе, употреблялись в обряде "отрезание черного языка"⁷⁷, носки черно-белого цвета надевали суеверные люди, у которых начинался заново двенадцатилетний календарный животный цикл, и в этом случае они совершали обряд "нас утдулх" ("продление жизни") в хуруле. [Полевые записи автора.]

По примете калмык не должен ходить, держа руки за спиной, это могло стать предвестием того, что умрет отец.

Считали, что если сложить руки на животе, то эта поза, по примете, вызовет также смерть близких. Существовал запрет обнимать колени. Примета-запрет, гласящая, что нельзя ни сидеть на пороге, ни передавать ничего через порог, объясняется тем, что под порогом закапывали послед, который являлся оберегом и духом-покровителем жилища у калмыков.

Д. К. Зеленин ввел термин "имущественные запреты", когда накладывалось вето на вынос отдельных вещей из жилья⁸. С утратой некоторых вещей исчезало из дома семейное благополучие, то, что калмыки называли обобщенно "счастье" (кишг). К примеру, вечером из дома нельзя было выносить молоко. Нельзя было выносить на улицу в сумерках ребенка, а если этот запрет нарушался, то нос ребенка надо было смазать маслом. Вечер, сумерки у калмыков обозначались словом "бүрүл". В это время суток запрещалось начинать новые дела.

В калмыцких приметах и лечебной магии отражен культ близнецов. По мнению скотоводов, рождение двойни у домашних животных, кроме верблюда, плохой признак, и поэтому одного животного отдавали родственникам или друзьям. Рождение тройни у овец и коров также считалось большим грехом. Теленок, ягненок, родившиеся третьими, предназначались хурулу.

Как известно, основу калмыцкого календаря составляет двенадцатилетний цикл, включающий 12 годовых названий животных: "бар" — тигр, "туула" — заяц, "лу" — дракон, "моһа" — змея, "мөрн" — лошадь, "хән" — овца, "мөчн" — обезьяна, "така" — курица, "ноха" — собака, "һаха" — свинья, "хулһн" — мышь, "үкр" — корова. Происхождение двенадцатилетнего животного цикла у монгольских народов окружено легендами, а также приметами.

В начале века у монголов зафиксирована примета: человек, рожденный в год овцы, не должен убивать овцу. Эта примета распространялась и на других животных календарного цикла. Как пример можно привести документальный рассказ, в основе которого лежит вера в данную примету. Юноша, рожденный в год свиньи (1947), участвовал в забое и разделке свиньи, причем в год этого животного — 1971-й. Произошел несчастный случай: огонь от лампы перекинулся на него, и он чуть не погиб от ожогов. Уже будучи в зрелом возрасте, он узнал причину совершившегося несчастья, обратившись в хурул.

Ему объяснили, что он не должен был трогать животное, под знаком которого он родился⁹. Этот случай соотнесим с приметой, записанной А. П. Беннигсеном у халха-монголов: "Человек, рожденный в год барана, не должен резать баранов"¹⁰.

Имущественные запреты соблюдались, если в семье был больной человек, а также в дни траура, продолжавшегося 49 дней. В этот период все вещи, все предметы в доме были "грязными" — "бузр". Нельзя было их дарить, менять, отдавать. Вещи должны были выносить с левой стороны юрты. Особенно осторожно вели себя калмыки во время кочевки "хозяина года" (жилин эзн), которая продолжалась три дня после празднования Зул: нельзя было из дома выносить мусор, золу, начинать кочевку, выезжать из дома. При точном соблюдении табу обеспечивалась удача на весь год. Если из дому выносили жидкие продукты, то их небольшую часть нужно было отлить назад, чтобы не разрывался круг счастья (кишг). С целью охраны своего счастья, калмыки не возвращали никогда пустую посуду, в нее всегда нужно положить какое-либо угощение. Если кому-либо давали молоко, то часть молока сливали назад, в этом случае тоже боялись потерять счастье. В свадебном обряде калмыков существовал ритуал срезания ногтей невесты, носящий название "кишг авх" — "забрать счастье"¹¹. В этом ритуале отражено представление о том, что человеческие ногти являются символическим местом пребывания счастья. Девушка, отданная в чужой дом замуж, должна была оставить счастье, заключенное в срезанных ногтях, в родительском доме. С боязнью потерять счастье связан обычай не разбрасывать ногти, а зарывать их в одном месте, некоторые калмыки в старину носили их за пазухой. По представлениям калмыков человеческое счастье, благополучие, это касалось и животных, связано было с волосами. В том случае, когда на сторону продавали животных, то шерсть, состриженную между двух рогов, с хвоста, нужно сжечь, предварительно смазав маслом, в домашнем очаге. Этот обряд носил название "малын кишг авх" — "взять счастье скота"¹².

Приносящим благо считался обряд кропления молочными продуктами мест кочевки. Иногда поводом для кочевки была смерть хозяина, ибо после смерти кибитка считалась "грязной", так как в течение долгого времени в ней находилась душа умершего. В ночное время нельзя было начинать кочев-

ку, кочевку следовало начинать в хороший благоприятный день, предварительно узнав его у зурхачи — астролога. Нельзя было кочевать после совершения жертвоприношения огню или во время заживления у ребенка пупка.

У калмыков наблюдается ряд запретов, связанных с едой: если отдаешь постороннему человеку пищу, то часть ее надо оставить дома, этот запрет касается и соли. Плохим признаком было долгое кипячение простой воды — боялись голода. Нельзя было класть мясо в пустую посуду, посуда должна быть наполнена водой. Некоторые запреты на пищу отражены в пословицах: "Өдрэр унш мах — өөрхнд өг, сөөһэр унсиг — эврэн иддг" (Мясо, упавшее на пол днем, — отдай соседу, мясо, упавшее ночью, — съешь сам). Гости угощали самым вкусным кушаньем, об этом свидетельствует пословица: "Лучшее из пищи — отдай гостю, лучшее из одежды — носи сам". Из той еды, которую готовили в доме калмыков, обычно приносили жертву в виде "дееж" — почетного угощения, его ставили на домашнем алтаре перед изображениями бурханов.

Счастье калмыку обеспечивала чистота домашнего очага, огня — нельзя было плевать на огонь, бросать мусор, перешагивать через него. На ночь следовало подмести около очага, а также нужно было насыпать немного золы, ибо считалось, что время от времени около огня отдыхает бурхан¹³.

После траура в доме следовало провести очистительные обряды с помощью огня. В то же время самым плохим было проклятие со следующим содержанием: "Пусть твой нутук сгорит от сильного пожара".

Калмыки также пытались объяснить причину и происхождение сновидений. Это нашло отражение в фольклоре, в частности, в эпосе "Джангар" богатырь Алтн Чееж (Золотая Грудь) обладает даром ясновидения.

Кто же из самых отборных сидит?

Мудрый Алтан Чееджи величаво сидит.

Он ясновидец, прославленный в мире земном.

Тайну грядущего ясным провидит умом¹⁴.

Другой богатырь Гюзян Гюмбе также обладает умением разгадывать людские сновидения. Эпический мотив "вещего сна" является как бы мотивировкой будущих героических

подвигов богатыря в поисках суженой или в борьбе с мифическими существами — мангусами.

В монголо-ойратской героической эпопее "Дайни-Кюрюль" богатырю снится, что над вершиной Хангая взошла черная туча величиной с шапку, что оборвалась тетива черного лука. Этот сон является предзнаменованием несчастья, но богатырь не верит ему, отправляется в путь и попадает в трудные ситуации.

Герои "Джангара" разгадывают сновидения, предупреждая богатырей об опасности, грозящей им. В реальной жизни калмыков была традиция разгадывания снов (зүүд тээллһн), существовала символика сновидений и существовал ряд примет, связанных с ними. Сны детей разгадывали старшие. Если снился плохой сон, то духовные лица совершали обряд "зүүд хэрүлх" (отправлять обратно плохой сон, или: возвращать плохой сон).

Плохой приметой было увидеть во сне упавший зуб — это было предвестие смерти: если упадут передние зубы — умрет отец или мать, если упадет коренной зуб — умрет кто-то из братьев или сестер¹⁵.

У калмыков содержание сновидений истолковывается в основном противоположным образом: если снится сон, что кто-то умер, значит этому человеку дарована длинная жизнь; если во сне видишь свадьбу или пиршество — быть печальному событию.

В традиции калмыков наряду с плохими приметами, которые имели охранительный характер, бытовали приметы, которые предрекали хорошие события и явления, к примеру: если около дома стрекотала сорока — это предвестник хороших новостей. Если беременной женщине снится сон, что она нашла ножичек, — у нее родится сын.

Доброй приметой было видеть себя всадником, значит "ки мөрн" (воздушный конь) спустится на землю и на земле будет мир. "Ки мөрн" — воздушный крылатый конь. При плохом настроении, непрестанных неудачах говорили, что у человека нет жизненной силы. И чтобы ему помочь, изображение

”воздушного коня” вывешивали на дереве, предварительно написав имя человека, которого преследовали разные напасти.

В приметах, связанных с миром животных, существовал и образ собаки. Собака охраняла кочевье скотовода в ночное время от нападения врагов. Ночное завывание собаки считалось у калмыков дурным предзнаменованием. Образ собаки имеет место и в жанре проклятий — при ссоре говорят проклятие: ”Пусть твою голову изгрызет собака”¹⁶.

Особое отношение калмыков к лошадям также отражено в приметах: если из носа коня текла кровь, то его отдавали в хурул; если у рта лошади имелась родинка — это означало, что лошадь проживет до 7 лет. Если лошадь жила дальше — это было предзнаменованием смерти хозяина.

Рождение у верблюда двойни считалось доброй приметой. Об этом сообщалось хану, который освобождал хозяина верблюда от податей. Информаторы не могут объяснить, почему у калмыков такое отношение именно к верблюду. Скорее всего, хан испытывал удовлетворение, что увеличивается количество верблюжьего стада. Когда у верблюдицы рождалась тройня — от радости устраивались скачки (урлдан).

Но если рождается двойня у коровы — для калмыка это плохое предзнаменование. Одного из телят отдавали в жертву хурулу, а духовные лица совершали обряды, оберегающие скот.

Интересным фольклорным образом является небесный верблюд, изрыгающий огонь. Встречается он на пути красавца Мингияна (одного из героев ”Джангара”), которому пришлось проявить все свое мужество и ловкость, чтобы расправиться с этим опасным противником. Недаром у калмыков есть примета: если на небе появилось облако, очертаниями похожее на верблюда, то быть непогоде. Кстати, один из романов калмыцкого писателя А. Джимбиева, посвященный Великой Отечественной войне, носит название ”Темэн үүлн” — ”Верблюжья облака”.

В фольклоре калмыков описания внешних примет живот-

ных, насекомых объединились в небольшие стихотворения "шинж", весьма своеобразно характеризующие облик описываемых существ¹⁷.

Приметы кошки таковы:

С шерстью как у медведя,
С кисточками на ушах как у льва.
С хвостом как у змеи,
С грудью как у лошади,
С подбородком как у ласточки,
С хваткими когтями как у ястреба.
С ушами как у волка,
С носом как у человека,
С глазами как у ворона,
С губами как у зайца,
Сидит как собака.

Приметы муравья:

Большого силача вид имеет,
Беса-оборотня тонкость имеет,
Подобную аду черноту имеет,
Подобное собаке чутье имеет;
Подобно людям общинами живет.

Приметы верблюда:

С ушами как у мыши	С гривой как у лошади
С брюхом как у коровы,	С шерстью как у овцы,
С лапами как у барса,	С горбом как у обезьяны,
С носом как у зайца,	С поднятой шеей как у курицы,
С телом как у дракона,	С ляжками как у собаки,
С глазами как у змеи,	С хвостом как у свиньи.

Яркой особенностью образцов этого жанра является то, что система сравнений, сама по себе чрезвычайно характерная для примет, является семантически замкнутой на определенный класс предметов, а именно на животных, причем сравнения-приметы однотипны и различаются только по синтаксическому оформлению. Этим, в частности, текст "Приметы муравья"

отличается от двух других приведенных образцов. В приметах-шинж набор сравнений выходит за пределы тематики животного мира не так уж часто, однако текст "Приметы муравья" иллюстрирует как раз эту возможность. Приметы в них носят восхваляющий характер, в них отмечается красота животного, а через сходство с другими "шинж" подчеркивают характерные особенности облика данного существа. Приметы верблюда описываются в легенде о происхождении двенадцатилетнего животного цикла у монгольских народов. Согласно народной фантазии, части тела верблюда воплотили характерные качества животных, вошедших в циклический календарь. Мышь первая вошла в этот животный цикл, обманув верблюда. Характерно, что типологически сходный жанр у тюрко-монгольских народов является песней-загадкой¹⁸.

Таковы особенности стихотворных примет — "шинж", характеризующих облик животных, насекомых.

В калмыцком фольклоре есть отдельные приметы, выраженные в пословицах, это относится, прежде всего, к приметам метеорологического характера:

Хумха цаһан үүлн — задын хутхур,
Хо цаһан баавһа — хотна хутхур.
Бледно-синяя туча — предвестница бури-непогоды,
Белолицая женщина — зачинщица ссор в хотоне.

Үг сөрхлэ — керүл,
Үүл сөрхлэ — боран.
Если противоречить сказанным словам — будет ссора,
Если туча надвигается — будет буря.

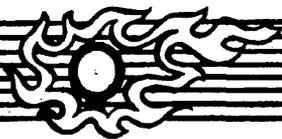
Темән үүлн һархла — теңгрин зовлц.
Му көвүн һархла — эк-эцкин зовлц.
Если появляется верблюжье облако — небо страдает.
Если рождается непутевый сын — страдают родители¹⁹.

Одна из двух частей в приведенных образцах пословиц имеет характер природных прогнозов, которые возникли на основе обобщения жизненного опыта и наблюдения за природными явлениями, что было совершенно необходимо при кочевом образе жизни, а женщине-калмычке особенно. Кста-

ти, замужней женщине нельзя было выходить с непокрытой головой — это могло накликать дождь.

Таким образом, предварительный анализ примет прежде всего говорит о том, что они должны быть в дальнейшем исследованы более подробно, изучены как часть мировоззрения калмыков. Охватывая все стороны жизни, они составляют своеобразный этический и эстетический кодекс, истоки которого — в глубокой древности. Особое внимание привлекает актуальность примет в современной жизни, и определение причин их сохранности должно стать предметом специального изучения.

ЗАГОВОРЫ

Заговоры (заклинания) — один из малоизученных жанров в калмыцком фольклоре. Они своими корнями уходят в глубь веков, в основе их лежат древние анималистические и тотемистические, космогонические представления далеких предков калмыков. Заговоры прошли развитие от простых словесных формул до сложных поэтических жанровых образований. Заговоры имеют тесную связь с общественной жизнью и окружающей средой.

Заговоры (тарни) — малый жанр словесного творчества калмыков — отличаются по своей форме простотой и лаконичностью. Аналогичный жанр у бурят носит название "шэпшлэг" — "думать, размышлять, говорить про себя, шептать, заклинать"¹. Монголы жанр заклинаний именуют как "дом шэвшлэг", указывая в этом названии на магический характер излечения (эм-дом)² и форму произношения, "шэвшлэг" — шептать. В образцах калмыцкого фольклора заклинания именуются как "тарни", в эпосе "Джангар" нойон Барьдатын Очир Герел обладает десятью книгами заклинаний-тарни³. Жена Ыжюрюл Эрдени, героя ойратского эпоса, усыпляет шулмусов — мифических врагов богатыря — сильными заклинаниями. В самом значении слова-термина "тарни" указывается, что эти заговоры применялись в лечебных обрядах.

В современной терминологии калмыцкого фольклора преобладает название "тарни" — магическое заклинание; человек, читающий заклинания, именуется как "тэрнч" — заклинатель. Кроме словесного компонента, его исполнитель должен был знать в точности обрядовое действие, сопровождающее текст. Обрядовое действие желательно совершать в полном объеме, так как при неполном его воспроизведении утрачивается магическая функция заговоров. Традиционно тексты заговоров передаются от учителя к ученику в сочетании с обрядовыми деталями, приемами, они передавались испол-

нителем обряда детям или близким родственникам. Когда не было прямых наследников, носитель заговора выбирал ученика сам.

Исполнение заговора предполагает наличие двух участников совершающегося микрообряда, существует таинство произнесения заговора, он обычно произносится шепотом. Текст заговора служил магическим орудием перехода от нежелательного состояния к желаемому. Понятие "заговор" в монгольском языке обозначается терминами "шэвшлэг хийх" — исполнять заговор, "тарнидах, тарни унших" — читать заговор. Тот, кто произносит заговор, именуется как "тарнич"⁴.

С. А. Козин также определяет жанр заговора как "тарни", отмечая, что "пока эта часть фольклора весьма слабо представлена в записях наших монголоведов, между тем как она представляет неисчерпаемые богатства как в шаманской, так и в буддийской среде отживающего поколения стариков"⁵. С. А. Козин в тексте "Гэсэра" выделяет следующие образцы заговоров — на распложение скота, на добрую пастьбу, при обрезании пуповины, на стрельбу без промаха. Знали персонажи эпоса "Гэсэр" и заговор против чумы⁶.

В калмыцком языке "тэрн" — мистическое заклинание, "тэрн тэвх" — читать заклинание, "тэрндх" — читать заклинание, заклинать, "тэрнч" — заклинатель. Другое, переносное, значение слова "тэрндх" — это излечивать, синоним слова "домнх" (лечить, читая заговор), лечить домашними средствами⁷. В заговорах нашло отражение поклонение природным явлениям. Человек полностью зависел от природных стихий, отсюда одушевление им животных, растений. У калмыков был широко распространен культ определенных участков местности, кочевья. В знак почитания духов — хозяев горы, водных источников и т. п. проводились очистительные обряды, делались подношения, произносились молитвы и древние заклинания. В заговорах нашли отражение тотемические воззрения, выражавшиеся в представлениях о родственных отношениях с птицей или животным, которые считались их прародителями.

Скотовод жил в полной гармонии с окружающим миром, и,

чтобы эта гармония никогда не разрушалась, в арсенале кочевника была целая система табу и примет, с которой его знакомили с детства: запрещалось рубить одинокое дерево, свистеть понапрасну около стада или табуна — может подняться ветер, убивать лягушку — неожиданно польет дождь. Всадник, приближающийся к хотону, должен был слезть с коня, вытереть его пот и дальше вести его на поводу.

Эту предохранительную магию кочевник постигал с детства, как и знание топонимики степи и звездного неба, так формировались нормы поведения человека в природной среде.

Когда у калмыков скот долго не приходил с пастбища, то в целях предохранения стада от волков и других диких животных завязывали узлом рукав на женском платье⁸.

У монголов в таких же целях совершался ряд магических действий — завязывали ножницы или щипцы тонкой веревкой и произносили заговор. Видимо, щипцы, ножницы в этом случае как острые предметы олицетворяли враждебные существа — диких животных, а завязанная веревка как бы закрывала, стягивала им пасть. Микрообряд покоится на магии подобия (ножницы — пасть). Этот обряд описан в литературных источниках, но текст заговора, сопровождающий его, не сохранился у калмыков.

Но в фольклоре монголов заговор защиты стада сохранился, и звучит он следующим образом:

Ангаасан амнь зүураг
Алтан араат, булган сүүлий минь
Хээр хонсн мал мини
Хэвийн менд хонг.
Пусть у диких животных
Закроются пасти —
У животных, у которых хвосты,
Как у соболя и золотой лисицы.
Пусть стадо в степи ночует благополучно!⁹

У калмыков большое значение придавалось чистоте пастбища. Когда меняли кочевку, то остатки войлока, обрывки веревок и другой мусор отъезжающими сжигались. Люди

берегли природу, так как с детства осознавали ее огромную ценность — материальную и хозяйственную. При кочевом образе жизни калмыков их благополучие целиком зависело от состояния природы. С рождения у детей воспитывали любовь к местности, где обитал их род, дети знали места зимних и летних кочевков, названия элементов местности заучивали наизусть. На основе этих знаний родился жанр детской поэзии — топонимические стихи. В современной фольклорной традиции калмыков сохранилось также множество преданий и легенд, связанных с той или иной местностью, ландшафтом ("Туулан сөг" — "Заячья низина", "Легенда о происхождении горы Богдо" и т. д.).

При смене зимнего кочевья на летнее калмыки-скотоводы проводили обряд очищения, обычно это происходило в месяц змеи по калмыцкому календарю. Зажигали два костра, в огонь бросали ненужные, оставшиеся после стоянки вещи. Чтобы усилить действие огня, в него бросали соль, и меж двух горящих костров проходили люди и проводили весь скот, провозили поклажу. По представлениям калмыков, в результате этих действий в пределах зимней кочевки оставались болезни, трудности, и они не переходили на новое место. Этот обряд очищения у калмыков носил название "шүр тэвх". Назначение предохранительного, очистительного обряда "шүр тэвх" — защитить людей, дом, домашний скот от враждебных сил. Темными враждебными силами у кочевника были стихийные бедствия, болезни человека и домашних животных. Обряд "шүр" состоял из нескольких этапов: очищение огнем, сжигание старых вещей, окуривание домашних животных курительной травой (саңгин идэн).

Обычай очищения огнем описан К. Эрендженовым: "На краю хотона зажигали два костра, в которых сжигали ненужные вещи. Чтобы увеличить действие огня, добавляли соли и тогда проводили меж двух огней скот, членов семьи, телегу со скарбом. Все плохое должно исчезнуть в пламени"¹⁰.

Этот же обряд описан в романе А. М. Амур-Санана "Мудрешкин сын": "Раскладываются на дороге два костра, между ними прогоняется весь скот... После стада, между кострами,

медленно проходит наша кибитка, и мы гурьбой плетемся за ней”¹¹. Руководитель обряда читает заклинание ”hə-sadh hald орж эрлтхэ!” (”Пусть все плохое сгорит в огне!”)¹².

У бурят обряд очищения огнем именуется ”шүүх”. К обряду очищения прибегали аларские и кудинские буряты. Выбирали два дерева, обычно сосну и лиственницу, стоящие недалеко друг от друга, делали ворота, положив на них поперек березу. Зажигали можжевельник и сквозь этот дым стадо прогоняли три раза через ворота¹³. Обряд ”шүр” — у калмыков, ”шүүх” — у бурят означает буквально: ”процеживать, очистить”. Смена кочевки у калмыков была важным событием, с нею были связаны обрядовые действия, которые сопровождали йорелами.

Чирэ тиньгр, ни-негнэр,
Амулц мөнд йовцхатн,
Һазрин өндртнь герэн бэрж,
Малтн көк өвс идх болтха!
Все вместе, благополучно,
С добрыми лицами
Поставьте кибитку на высоком месте,
А скот пусть ест зеленую траву!¹⁴

В репертуаре Ц. К. Джаргаевой есть цикл песен под названием ”Этүдэр дуулдг дун” (”Песни, поющиеся тайно”), к ним относится песня о смене кочевья ”Завтра мы перекочевываем”¹⁵. Время отправки в путь у калмыков было окружено тайной, рядом запретов и примет. Чтобы кочевка была успешной, нельзя разговаривать во время переезда; после того как была разобрана и сложена кибитка, все вещи погружены на верблюдов, коней, нельзя было ничего отдавать чужому человеку.

В упомянутой выше песне перечислены животные, которых забирает с собою скотовод, — это и корова, и верблюжонок (ботхн), и только что появившийся на свет верблюжонок (боожула), которого везут вместе с поклажей на телеге.

Место кочевки у калмыков имело название ”бүүр” или ”бүүрлсн һазр”. По приезде на новом стойбище ставили кибитку, а собравшиеся по этому поводу старики произносили благопожелание:

Бээх гертн бөөшн болж,
Бээх улснь бөөхтө болж,
Үүднтн татата,
Өркнй хэрүлһэтө.
Нүүхэстн тоосн бүргж,
Зуухастн утан бүргж,
Хэрин улс хажуһартн бичэ давтха!
Хэрү эргж ирэд, хотан ууһад,
Идөһөн эдлэд һартха,
Бүүртн өлзэтө болтха!¹⁶
Пусть кибитка станет дворцом,
А люди, в ней живущие, пусть станут богатыми,
Пусть двери в жилище будут всегда открытыми,
Пусть над ним всегда клубится дым.
Пусть стада всегда поднимают пыль над вашим кочевьем.
Пусть путники никогда не объезжают ваш дом стороной
И, отведав в вашей кибитке молочной пищи,
отправляются в путь.
Пусть ваша кочевка будет благополучна!

Калмыки заботились о чистоте пастбищ, кочевья. По этому поводу бытовал ряд предохранительных обрядов, при которых срезанные человеческие ногти закапывали в ямку, произнося заклинание.

С ногтями у калмыков связан ряд примет, бытующих по сегодняшней день и соотносящихся, прежде всего, с представлением, что в ногтях таилось человеческое счастье (кишг). В свадебном ритуале калмыков, перед тем как увезти невесту в дом жениха, совершали обряд обрезания ногтей ("кишг авх" — брать счастье), чтобы невеста оставила счастье своего рода в родительском доме, не забирала его с собой. Кроме того, не было принято отращивать слишком длинные ногти, ибо ногти большой длины были у покойников.

Срезанные ногти собирали в кучку и закапывали в ямку, при этом тихим голосом произносили заговор. У калмыков текст заговора, произносимого в момент закапывания ногтей, в полном объеме зафиксирован К. Эрендженевым¹⁷:

Би чамаг үкрт бичэ заасв,
Чи намаг үклд бичэ за,
Би цал буурл сахлта өвгн болсув,
Чи цецр цаһан хад бол.
Текин өвр тецгрт күрсн цагт,
Темэпэ сүл һазрт күрсн цагт,
Би чамд мөрн хошта,
Хөн күмстэ ирнэв.
Я не укажу твое место корове,
Я спасу тебя от смерти,
Я стану стариком седоусым,
А ты станешь белой скалой.
Когда козлиные рога достигнут неба,
А верблюжий хвост достигнет земли,
Я приду к тебе с конской поклажей,
С едой для овец и табуна коней.

Происходили как бы символические похороны ногтей. В заговоре заключена просьба к хозяину данной местности закопать ногти. В случае если это произойдет, то те, кто закапывал ногти, должны были приезжать на это место в знак благодарности с подношениями. Место захоронения ногтей всегда держалось в тайне и потому произносилось шепотом.

Кочевой образ жизни наложил свою печать на мировоззрение калмыков. Небо, солнце, луна являлись объектами поклонения. По представлению древних монголов, небо как верховное божество следило за жизнью на земле. Д. Банзаров указывал, что "согласно воззрениям монголов еще в 19 веке, звезды на небе доставляли человеку здоровье и долголетие, увеличивали его богатство"¹⁸. В трудных случаях калмыки обращались к небу с мольбой: "Теңг өршөтхэ!" (Пусть небо благословит!).

У калмыков, как и других народов, бытовало поверье, что каждый человек имеет свою звезду, она признавалась отсветом души. Когда калмык видел падающую звезду, он думал, что в этот момент кто-то умер, и тут же говорил заклинание: "Этo твоя звезда упала, не моя!"¹⁹. По воззрениям калмыков, во время падения звезды надо задумать желание, и тогда оно непременно сбудется. Не разрешалось пересчитывать звезды и указывать пальцем на них. Калмыки относились к звездам,

как к живым существам. Им казалось, что вся земная жизнь переносится на небо.

По традиции калмыки с детства заучивали названия звезд. Они должны были непременно знать основные созвездия. Астрономические названия связаны с общемонгольской традицией: Алтн Ёасн (монг. Алтн Ёадас — Золотая Коновязь) — Полярная звезда; Долан Бурхн (Семь Божеств) — Большая Медведица; Цолмн (Утренняя звезда) — Венера; Теңгрин Уйдл (Небесный Шов) — Млечный Путь; название Ёурвн Марл (Три Марала) носит созвездие Орион. По поверьям калмыков моление, совершенное Венере (Цолмн), способствовало деторождению. Полярная звезда (Алтн Ёасн) — у монгольских народов это неподвижный центр неба, верхняя точка космической оси, вокруг которой происходит круговращение небесного свода.

В фольклоре калмыков сохранились названия ряда звезд, которым не находят соответствия в перечне реальных звезд, поскольку все астрономические названия были связаны с народной фантазией и ими мифологизировалось звездное пространство. Основным источником изучения народной космологии являются литературные произведения калмыцких писателей, знавших фольклорные традиции, распространённые в более ранний период. Так, известный калмыцкий писатель Басанг Дорджиев в романе "Верный путь"²⁰ знание космологии вложил в уста главного героя Ольды, который делится своими знаниями в этой области с сыном. Указывая на ночное небо, Олда называет имена созвездий и рассказывает некоторые приметы, связанные с ними. Герой романа называет следующие звезды: Уут одн (звезда Кожаный Мешок), Кирс одн (звезда Крест), в сознании калмыков значившаяся как стрела Мазан Баатра — народного героя, образ которого получил отражение в легендах и преданиях. В этом диалоге упоминается название созвездия Күклтә тавн одн (Пять звезд с косами), здесь, видимо, речь идет о созвездии Кассиопея, расположенном в Млечном Пути, поскольку в названии заложен женский образ ("күкл" — косы, косички).

С созвездием Кассиопеи связана легенда о магическом воздействии ее пяти звезд: если человек, попавший в плен врагам, "посмотрит", зажмурив глаза, на небо, а затем, внезапно их открыв, увидит созвездие Кассиопеи, то веревки, которыми его связали, должны развязаться сами по себе.

Ритуал заучивания звезд описан в романе Константина Эрендженова "Береги огонь"²¹. Герою романа — пастушонку — помогает изучать ночное небо старый чабан, он называет ему звезды, по которым нужно ориентироваться во время ночного выпаса: Долан Бурхи (Большая Медведица), Алти Наси (Поллярная звезда), Нурви Марл (Орион).

В бурятской фольклорной традиции сохранился миф о происхождении созвездия Орион (Нурви Марл — Три Марала) в записи М. Н. Хангалова. "Во время охоты Хохосо Мерген увидел трех оленей и погнался за ними. Когда он начал догонять их, они поднялись вверх. Тогда Хохосо Мерген выстрелил в них из лука стрелой. Три оленя на небе сделались созвездием Орион. Стрела тоже обратилась в три звезды, которые видны немного пониже"²².

Созвездие Большой Медведицы носит название Семь Бурханов. С его происхождением связан образ тибетско-монгольской мифологии — Массанг²³, человек с бычьими рогами и с длинным коровьим хвостом. В поисках приключений Массанг отправляется в дорогу. Встречается с путниками, враждебными ему, и в результате обмана попадает в подземелье, где встречается со старухой, над которой с трудом одерживает победу. Выбирается он из тама-подземелья с помощью дерева. Во втором круге своего путешествия он встречает девушку и вместе с ней навещает Хормусту-тенгрия, тот просит Массанга сразиться с войском мифического существа Хумнуса, уязвимым местом которого является глаз. После битвы, для того чтобы убедиться, что Хумнус ранен, Массанг отправляется в его пещеру и по совету Хормусты-тенгрия вонзает в него поглубже стрелу, а в небо бросает семь хлебных зерен, которые превращаются в семь звезд. Сам Массанг поднимается ввысь. Девушка освобождает Массанга, она дотрагивается до рогов, коровьего хвоста, и они отпадают чудесным образом. После волшебного превращения счастливые Массанг и девушка стали мужем и женой, а на небе появилось созвездие Большая Медведица.

По другой версии Массанг также отправляется в путешествие, в пути он борется с женщиной величиной в пядь и спускается в подземный мир, где сражается с врагами. С помощью дерева, растущего в подземелье, он поднимается вверх, но поджидавшие его демоны разрывают его на семь

частей, и эти семь частей превращаются в созвездие Долон Эбуген — Семь Старцев, или Долан Бурхн — Семь Божеств²⁴.

По представлениям калмыков Семь Бурханов оберегали отары от волков и способствовали увеличению стада. У калмыков зафиксирован заговор, содержание которого состоит в том, что если повторять название созвездия, то избавишься от всех прегрешений²⁵.

Долан одн,	Семь звезд,
Долан Бурхн,	Семь Бурханов,
Дола дэч,	Если повторить
Давтад келхлэ,	Семь раз,
Килнц уга.	То исчезнут все грехи.

Одной из любимых у ойратов Монголии является песня "Долан Бурхн" (Большая Медведица), которая исполнялась на свадьбе, когда наступал рассвет и заканчивалось свадебное пиршество. Песня может состоять из десяти и более куплетов — это зависит от фантазии исполнителей. Исполнение этой песни на свадебном пиру имело магическое значение, поскольку созвездие Большой Медведицы было связано с культом "дзаячи" — дарителей счастливой судьбы.

Оһтрһин долан одн
Ора деерм мандлна.
Ом сээхн ахнр мини,
Олн деер жирһлтэ!
Семь звезд на небосводе
Блещут над моей головой,
Дорогие мои братья,
Живите счастливо на свете! (и т. д.)²⁶

Песня звучит как призывание счастья новобрачным (кишт дайллһн).

В архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований хранится сутра (Долоон эвгөн одны судар)²⁷, тексты которой читали духовные лица также при обряде призывания счастья: они имели магическое свойство.

В калмыцких загадках сверкание молнии сравнивается с концом брошенного аркана, а гром изображен верблюдом, который с шумом раскрывает пасть.

Атн темэн аңһс-аңһс гиж,
Арһмжигн үзүр гилвс-галвс гинэд,
Кастрированный верблюд зевнул,
Конец аркана блеснул.

Звукоподражание "күр-күр" в загадках передает звук грома. Удар грома и сверкание молнии в загадках передается как битва двух богатырей по имени Теля и Веля. Гроза по представлениям калмыков — это голос самого неба. О сверкании молнии говорили: "һал цэклжэнэ!" — высекается огонь, о раскатах грома — "теңгр ду һарчана", т. е. небо подает голос. Когда собирались тучи и начинала сверкать молния, калмыки открывали верхнюю часть кибитки и окропляли кибитку молочной пищей — кумысом или чаем. Обходя кибитку по ходу солнца, обрызгивали ее молоком. Обход кибитки и кропление ее обозначали просьбу у грозы земных благ — хорошего урожая, а также хорошего приплода у скота.

Чтобы молния не поразила человека и животных, калмыки ударяли о металлические предметы, видимо, постукивание по металлу предметами напоминало удары грома. Считалось, что таким грохотом они отгоняют грозу подальше от жилья, и помогает им заговор, который произносили, одновременно стуча по металлической утвари.

Жахн-жахн холаһур,
Жанжин хурлын цааһур.
Немного подальше от нас,
Пролетай дальше Джанджи-хурула²⁸.

Место, куда ударила молния, считалось священным и становилось местом для совершения обряда "һазр тэкһһн" (освящение земли) и поклонения, оно кропилось молоком. Объектом поклонения становилось дерево, пораженное молнией. Убитый молнией человек считался избранником бога, а его душа достигала самого неба (теңгр).

Среди монгольских народов были племена, которые не боялись грома и молнии, они считали свое происхождение небесным и были убеждены, что находятся под покровительством неба. Согласно полевым исследованиям, это были роды меркитов, шоноров, хухыд, урянхов и табангутов. Люди этих

родов выбегали при первых ударах грома из кибитки и кричали, воздевая руки к небесам и возвещая небо о своем происхождении. Во время грозы представители рода урянх, надев белые одежды, кричали, обращаясь к нему с заговором: "Мы приходим от Утай Тенгери и от рода урянх-зэмбе. Скакали вокруг горы на белых конях". Кяхтинские табангуты при звуках грома поднимают руки вверх и кричат: "Намэ хара!" (Береги меня)²⁹.

Бурятские роды шонор (шон — волк) и хухыд (синий, небесный) также не боялись грозы. Шоноры имели связь с небом согласно следующей родовой легенде:

"У Холонго-хана была служанка, молодая девушка. Однажды она забеременела. Страшась ханского гнева, ушла в лес и там родила ребенка. Новорожденного она положила у волчьей норы. Там его подобрал проходящий мимо караван. От этого найденыша пошел род, который считает своим прародителем волка". А так как волк являлся собакой неба ("теңгрин ноха"), то этим и объяснялась связь рода с небом. Шоноры, когда гремел гром, выбегали на улицу и обращались к небесам: "У меня волчья кость! Я являюсь внуком волка!" Представители рода "хухыд" также говорили небу о своей связи с ним³⁰.

Г. Н. Потанин отмечает: "У меркитов существует обычай во время грозы одеваться в белое платье, садиться на белую лошадь, скакать и кричать: "Би меркит, би меркит!"³¹ (Я меркит). По представлениям меркитов, древнего монгольского рода, они обладали даром приостанавливать природную стихию — грозу. Меркиты известны еще по "Сокровенному сказанию монголов". Чингис-хан подчинил их себе в результате жестокой борьбы.

В племенных названиях калмыков также упоминаются меркиты. По архивным документам 1844 г. числилось 113 кибиток меркитов. По воспоминаниям писателя Басанга Дорджиева меркиты, проживавшие в Тугтуне (ныне поселок в Кетченеровском р-не), были переселены из Эркетеневского улуса. До первой мировой войны тугтуновские и эркетеневские меркиты поддерживали родственные связи. Тугтуновские меркиты провожали назад домой своих родственников до середины пути³². У донских калмыков (бузава) меркиты разделены по цветовому признаку: "шар меркит" — "желтые" (светлые), "хар меркит" — "черные" меркиты³³.

В поселке Тугтун Кетченеровского района записано заклинание, свидетельствующее о том, что тотемом меркитов был беркут (бүргд)³⁴: "Бидн бүргд" — "Мы — беркуты", т. е. "мы из рода беркута". Во время грозы они выбегали из дома, надев белые одежды, воздевая руки к небу, кричали заклинание. По представлениям монгольских народов беркут имел тесную связь с дождем, молния воспринималась как атрибут солнца и неба. Заклинание "Бидн бүргд" бытовало также в форме "Бидн меркт" (Мы меркиты).

У донских калмыков записан заговор, произносившийся при ударах грома и обращенный к высшим небесным силам:

Жахо! Жахо!
Бидн — шар меркт!
Нойн мини Мазн баатр³⁵.
Джахо! Джахо!
Мы — желтые меркиты!
Наш нойон — Мазан Баатр.

По представлениям калмыков происхождение грома связано с образом дракона — "лу". Это существо, напоминающее верблужонка с большими добрыми глазами и длинной шеей. Во время грозы он носится по небу и держит жезл-мирд. Эрлик Номин-хан, повелитель потустороннего мира, решает покорить Мазан Баатра, убить его. Он посылает шулмусов в хотон Мазан Баатра. Но Мазан Баатр, обладавший даром предвидения, готовится к встрече с шулмусами и хитростью убивает их. И второй поход шулмусов заканчивается безрезультатно. Тогда Эрлик Номин-хан обратился к небесному существу "лу" с просьбой сразить непобедимого Мазан Баатра. В третьей схватке Мазан Баатру помог советом его конь. Его совет был таков: Мазан Баатр должен был, собрав все силы, вступить первым в бой — только тогда возможна победа. Кроме коня, Мазан Баатру помогают природные стихии. Лу летел на богатыря в виде черного шара, чтобы сжечь его вместе с конем. Но Мазан Баатр уклонился от столкновения с ним, и лу упал на гору, потеряв талисман. Чтобы лу не забыл слова клятвы верности, Мазан Баатр вырезал на спине лу три полоски кожи, произнеся при этом слова клятвы. Мазан Баатр отпустил лу, отдав ему

волшебный жезл-мирд. И с тех пор лу стал покровителем племени меркитов, поэтому меркиты не боятся огня, молнии.

Легенда о покровительстве дракона-лу племени меркитов, приведенная выше, переплетена с более поздним сюжетом о народном герое Мазан Баатре. По легенде лу-дракон спасает свою жизнь тем, что обещает Мазан Баатру покровительствовать меркитам. В заклинании, обращенном к небу, "желтые" меркиты упоминают имя Мазан Баатра.

К. Эрэндженов в романе "Береги огонь" приводит легенду о происхождении небесной стрелы. "Лу" (дракон, у которого была большая голова и множество огромных ног) катался на молнии. Человек по имени Найман (им пугали детей), чтобы ускорить бег дракона по небу, завязал его рога железными прутьями. Чем быстрее бежал дракон, тем сильнее гремел гром. Если у дракона болели рога от железных прутьев, он скрежетал зубами, и тогда сверкала молния и падали стрелы дракона (лун сумн). В это время люди надевали все белое, чтобы стрелы дракона не поразили их"³⁶.

По представлениям калмыков стрела дракона ("лун сумн") была равна по длине семи локтям ("долан тоха") и каждый год выходила на поверхность земли на один локоть³⁷. Нашедший обломки этой стрелы уже считался обладателем дара лекаря, стрелу он должен был хранить в определенном месте, в чистоте. Стрелой дракона излечивали в основном опухоли. Стрелой нужно было прикоснуться к опухоли три раза, приговаривая: "Пусть яд (этой опухоли) возьмет стрела". Процедуру излечения нужно повторить три раза и также три раза произнести заклинание.

Архаичные акты лечения представляют собой систему, включающую в себя предметы (когти, кости, железо, дерево, нити), действия и телодвижения лекаря, звуки (произнесенные шепотом или громко), битье предметов друг о друга, выборность целителя (к примеру, женщина должна быть матерью близнецов).

Целительными свойствами обладали буудалы—предметы, попавшие на Землю с неба, имеющие небесное происхождение.

Свойством излечения опухолей обладал также клык кро-

та (сохр нумн соя). Как только человек находил зуб крота, он должен был принести в дар клыку крота кусочек материи и им его обернуть. Этот кусочек материи у калмыков именуется как "эмскүл", им одевают зуб крота в знак благодарности за дар излечения, которым стал обладать человек, нашедший этот зуб³⁸. Происходила процедура дарообмена. Теперь каждый человек, обратившийся к обладателю зуба крота, должен был в знак благодарности обернуть клык материей, и применявшийся для излечения клык превращался в большой комок, обладающий даром целительства. Характерно, что "эмскүл" — кусок материи, преподнесенный в дар, является атрибутом многих свадебных церемоний и затем при посещении родителями вышедшей замуж дочери. По преданию, слепота крота объясняется тем, что когда-то он убил сына неба Темир-Бюса (Железный Пояс)³⁹, и с тех пор в него мечет свои стрелы молния с целью покарать крота, поэтому он имеет много норок, чтобы в них прятаться. И, видимо, молния однажды поразила крота, после чего часть его тела (в данном случае клык) стала обладать лечебными свойствами. Способностью излечивать опухоли обладает также ноготь птицы черного цвета. Этим ногтем знахарь должен три раза начертить крест на опухоли, затем на нее подуть и сплюнуть три раза⁴⁰.

Обладали излечивающим свойством ногти женщины, родившей близнецов. По рассказу одного из информантов, женщина родила близнецов, и свекровь сообщила ей, что она теперь может лечить всякого рода болезни детей, а также женской груди, опухоли коровьего вымени. Причем для того, чтобы избавиться от опухоли коровье вымя, нужно подойти к корове с правой стороны, погладить вымя безымянным пальцем правой руки и произнести: "Только "сәкүсн" (гений-хранитель) знает!" К опухоли женской груди женщина, родившая близнецов, должна была прикоснуться ногтем большого пальца ноги. В этом обряде отражена древняя магия близнецового культа⁴¹.

Ритуал вызывания дождя у калмыков называется "зад бәрх" — вызывать дождь с помощью камня. Людей, исполнявших этот обряд, называли задчи, они пользовались огромным почетом и уважением.

В Калмыкии культ задчи окружен преданиями и легендами. Одна из них была распространена в Эркетенях, и повествует она о волшебном даровании задчи — человека, умеющего управлять водной стихией⁴². Эта легенда следующего содержания.

Однажды татары угнали весь скот у подданных эркетеневского зайсанга. Наутро они сообщили об этом нападении владельцу и попросили его помочь вернуть скот. Взял тогда зайсанг камень, взшел на курган, стал возводить зада. На следующее утро татары вернули скот в оток эркетеневского зайсанга.

Второй рассказ гласит о том, что однажды царский пристав вызвал к себе задчи. Человек, вызывающий дождь, пришел к нему в изношенной порванной одежде, и тогда пристав посмелся над ним. Оскорбленный задчи уехал. После он возвел камень зада — и над хотоном, где жил пристав, разразилась гроза, а над хурулом, который находился неподалеку, светило солнце.

Калмыки вызывают дождь следующим образом — кладут камень в чашку с водой и многократно взбалтывают. Это, по их мнению, должно способствовать сбору грозовых туч.

К сожалению, ни в одном источнике не сказано, какие заклинания читались при обряде вызывания дождя с помощью камня зада.

Упоминаются задчи и в "Тайной истории монголов" и "Сборнике летописей" Рашид-ад-дина, который пишет, что действие их называется волхвованием и сводится оно к следующему: "...читают заклинания и кладут в воду различные камни, вследствие чего начинается сильный дождь"⁴³.

В калмыцком героическом эпосе "Джангар" (песнь "О пленении Хонгором свирепого Шара Мангаса") мангасовский хан обладает холодным черным камнем зада, вызывающим стихийные бедствия — град, снег, бурю⁴⁴.

К сожалению, нам не удалось в фольклорной традиции калмыков обнаружить ни одного заклинания, которое бы произносилось при обряде вызывания дождя с помощью камня зада, хотя в тувинской фольклорной традиции этот заговор встречается.

Кайракан, Кайракан, Кайракан!
Алас! Алас! Алас!
Сделай отверстие, большое как ладонь.
Сделай дырку, как у иглы.
Я семя рода, заклинатель дождя,
Корень кедрового дерева...
Силы неба, сойдите на землю,
Силы земли, взвейтесь к небесам.
Я призываю прародителя Таштыгаша:
Раскрой путь к небесам,
Сделай отверстие большое, как ладонь,
Сделай дырку, как у иглы.
Проникни в глубь высокой горы,
Пройди сквозь источник Абакан,
Кайракан! Кайракан! Алас, Алас!⁴⁵

В вышеприведенном заклинании упоминается божество Кайракан или у калмыков — Хээрхн. Калмыки, выражая страх перед грозой, при первых ударах грома восклицали: "Хээрхн!" Божество Хээрхн вспоминается в "Джангаре" как молитвенное выражение: "Хээрхн ! Бурхн ээлдтхэ!" — "Хайрхан! Пусть нам помогут бурханы". Восклицание "Хээрхн!" в быту калмыками произносится при сильном испуге, при ударе грома или при других неожиданных и эмоциональных ситуациях.

Известно, фигуры поэтического языка играют важную роль в магических обрядах и народных верованиях. П. Г. Богатырев приводит пример заговора, покоящегося на омонимах. Ячмень на глазу трут ячменным⁴⁶ зерном, которое затем бросают в чужой колодец. В немецких и латышских заговорах против рожи особенно широко распространен мотив розы.

На основе омонимии построен обряд излечения глазного ячменя и у калмыков, ячмень, как и колено, звучит "өвдг". Чтобы избавиться от него, больной глаз с ячменем прикладывают к колену и произносят: "Өвдг өвдгөн ав" — "Колено, возьми ячмень"⁴⁷.

Аналогичный метод существует и в монгольской традиции⁴⁸:

Өвдг кезэ һарв?
Би кезэ домнв?
Эм-дом! Эм-дом!

Когда выскочил ячмень?
Я когда буду лечить?
Эм-дом! Эм-дом!

И затем в целях излечения прикладывают глазной ячмень (өвдг) к колену (өвдг).

Второй вариант излечения ячменя сопровождался следующим заговором⁴⁹:

Өвдг өвдгд һардг болхас,
Кезэ нүднд һарч бөөлэ?
Ячмень может выскочить только на колене,
И когда это он выскакивал на глазу?

В бурятском фольклоре также бытует заклинание, применявшееся при лечении ячменя. "Если заболят глаза, появится ячмень, то в сеновале находят солому или сено с суставчиком и им тычут в ячмень на глазу, приговаривая: "Почему ячмень выскочил на глазу, пусть он появится на сене, появится, появится!"⁵⁰ В целях усиления действия заклинания три раза повторяется магическое слово "гараг" (пусть появится).

У калмыков также сохранился обряд излечения ячменя на глазу, схожий с бурятским, где излечивающим действием обладает трава, которая случайно прилепилась к войлоку кибитки. Кончиком этой травы касаются ячменя на глазу и приговаривают:

Когда на глазу появился ячмень у меня?
Когда же, с какого времени стали излечивать травой,
Зацепившейся за край кибитки?⁵¹

Таким образом, обряд излечения ячменя у монгольских народов и произносившиеся при этом заговоры имеют небольшие различия.

По многим народным поверьям части человеческого тела — ногти, зубы, волосы, пуповина, плацента, — будучи отделены от тела, они тем не менее тесно связаны в течение всей жизни со своим бывшим обладателем, оберегают его жизнь. У калмыков сохранился ряд предохранительных обрядов, основанных на магических действиях и сопровождаемых заговором или заговорной формулой.

Выпадение молочных зубов для маленького ребенка — большое событие, это пограничный рубеж, переход в более взрослое состояние. Если у ребенка выпадал молочный зуб, то его учили заговору, который он должен был произнести:

Мини му шүд авад,
Сэн шүдэн нанд өг.
Возьми мой плохой зуб. — дай мне хороший⁵².

Заворачивали зуб в тесто и отдавали собаке, чтобы он вырос у ребенка крепкий, как у собаки. Существовал следующий микрообряд: выбрасывали выпавший молочный зуб через решетку кибитки и произносили следующее благопожелание: "Мини шүдн термин үдэрэс бат болтха!" — "Пусть мой зуб будет крепче крепления решетки кибитки!"⁵³.

Если калмыки с просьбой о крепком зубе обращаются к собаке, то у других народов обращались к мыши или крысе, овце или птице. Дж. Фрезер приводит пример с выпавшим зубом, когда островитянин говорил заклинание, обращенное к крысе, чтобы та даровала ему здоровый зуб:

Большая и малая крысы!
Вот мой старый зуб,
Прошу вас дать мне новый!⁵⁴

Потом зуб забрасывали на крышу дома, где, по мнению островитян, жили крысы.

У карачаевцев и балкарцев в обряде замены зубов звучала заклинательная песня, исполнявшаяся несколько раз⁵⁵.

Мышь, мышь,
Если отдашь тот плохой зуб,
Я отдам этот хороший зуб.
Мой зуб очень хороший,
А твой зуб очень плохой.

Обряд построен на магии подобия: новый зуб должен быстрее вырасти и по остроте не уступать мышиному.

Поверье о дурном глазе как о причине болезни распространено у многих народов мира. У калмыков есть выражение

”нүдн күрч” — ”глаз дошел” до какого-либо объекта, человека или животного. Сглазу поддаются и животные, и люди, но сглазить может только человек. Сглазу подвержены, прежде всего, дети младшего возраста, поэтому существовал ряд запретов, касающихся маленьких детей. Сглазу подвержены были люди, находящиеся на грани перемены своего статуса, например, беременные женщины.

В целях охраны домашнего скота от порчи также совершались разные обряды. У калмыков человек, который обладает дурным глазом, носит название ”му нүдтә” (с плохими глазами). В народном представлении ”му нүдн күрч” (его настигло влияние дурного глаза) и ”му келн күрч” (его настигло влияние плохого языка) — равнозначные понятия. И в том и в другом случае совершались предохранительные обряды — посредством их снималась порча.

В лечении от дурного глаза и порчи участвовали такие стихии, как вода и огонь, свинец, применяли такие действия, как умывание, окуривание дымом горящих хвойных деревьев, необходимо было также участие предметов черного и белого цветов. Если ребенка сглазили, то совершали следующие обрядовые действия: брали черную и белую нитки, переплетали их, вешали эту веревочку на шею ребенку, один конец ее ребенок держал в зубах. Затем говорили следующие слова: ”Күүнә хар келн керчкәд од!” (”Пусть отрезается черный язык злого человека”). И отрезали веревку несколько раз с другого конца. После совершения этого обряда ребенку становилось легче. {Полевые записи автора.}

Имя ребенка при обряде наречения произносилось шепотом. Если дети в семье умирали, то родившимся позже давали двойное имя — Санджи-Гаря, Эрдни-Гаря. Давали новорожденным изначально плохие имена, чтобы они были не подвержены сглазу: Му Көвүн (плохой мальчик), Ноха (собака), Наха (свинья). Также от сглаза должны быть совершены обрядовые действия. В стакан или чашку воды необходимо насыпать 3 щепотки сухих благовоний, 3 щепотки соли, стакан с этой смесью пронести над головой ребенка 3 раза по часовой стрелке, 3 раза против, затем зажечь 9 спичек, поочередно бросить их в воду и заставить ребенка плюнуть в стакан со словами: ”Күүнә нүднд, үлү үзүлһнд, му ухан, му санан цуг эн уснд одтха!” — ”Чужой взгляд, зависть, дурной замысел,

дурные злые мысли — всё пусть исчезнет в этой воде!”
[Полевые записи Э.-Б. Гучиновой.]

Неуравновешенное состояние человека лечили плавленным свинцом. Для этого над головой человека держали тарелку с заговоренной водой. Исполнительница обряда заливала в нее расплавленный свинец, от взаимодействия с водой из свинца получалась фигурка некоего человека или животного, которые, по мнению участников обряда, были причиной сглаза или испуга. Получившуюся фигурку рассматривали, затем исполнитель обряда разбивал эту фигурку тяжелым предметом, как бы воздействуя на настоящую причину болезни. В народе обряд называется по предмету, который применяется, и по действию, которое производится, ”хорһлж цутхк” — ”расплавлять свинец”. [Полевые записи автора, 1984 г.]

Образ глаз входит в эпическую характеристику ханши Шавдал — супруги Джангара. Глаза героини обладают магическими свойствами, они излучают волшебный свет.

Глянет налево — станут видны
В сиянии левой щеки
Мелкие рыбки левой реки.
Глянет направо — станут видны
В сиянии правой щеки
Мелкие рыбки правой реки⁵⁶.

Глаз в калмыцких загадках соотносим с образом водного источника — колодца, озера, моря.

Далад дааһн унж
Дааһн эс зовж,
Дала зовж.
(Нүдид бог орж.)

В море упал жеребенок —
Жеребенок не пострадал,
Море пострадало.
(Соринка в глаз попала.)

Худгт хулһн унж,
Хулһнь зовж уга,
Худгнь зовж.
(Нүдид бог орж.)

В колодец уналамышь —
Мышь не пострадала,
Колодец пострадал.
(Соринка в глаз попала.)

Гилгр нуурин көвөд,
Гилцгр өвси урһж.
(Сурмесг)

На берегу блестящего озера
Выросла блестящая трава.
(Ресницы)⁵⁷

В калмыцких загадках глазами наделена луна: она изображается беловласым старцем, у которого глаза видят днем и ночью. Характерно, что луна, как и глаза, сравнивается в загадках также с чашкой. "В чашке — красное мясо" (глаза). "Надо льдом — серебряная чашка" (луна). И потому у калмыков бытовала примета, что ребенка нельзя выносить из дома в сумерках, когда солнечный свет сменялся лунным, а если выносили, то нос, в целях оберега, смазывали маслом. Нельзя было также, чтобы лунный свет падал на спящего ребенка, запрещалось сушить детские вещи ночью тоже в целях оберега от сглаза.

Новорожденного нельзя было показывать долгое время чужим людям — это была, прежде всего, защита от дурного глаза.

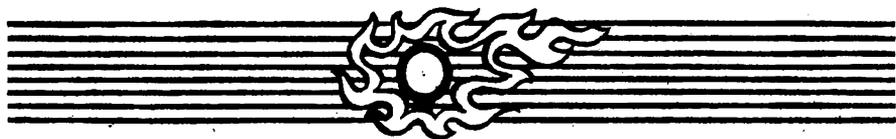
Сглазу были также подвержены животные, пастух никогда не называл точную цифру количества животных в стаде. У калмыков существовала табуация чисел — передача числительных описательным путем: "дөрвн" (четыре) — "һурвнас үлү" (более, чем три), "тавн" (пять) — "дөрвнэс үлү" (более, чем четыре), "арвн" (десять) — "хойр тавн" (два по пять). Согласно калмыцким преданиям количество лошадей одного хозяина не должно превышать десять тысяч голов. Если эта цифра превысится, то появляется жеребенок с золотыми копытами. Золотые копыта сильно ударяются о землю, и жеребенок их стуком угоняет табун в безлюдную и необитаемую пустыню. Там весь табун погибает от жажды, а хозяин беднеет, остается без лошадей⁵⁸.

Обряды лечения от сглаза животных сохранились до сих пор. Один из них состоит в том, что нужно взять чистую воду и наливать ее по дверным скобкам сверху донизу, причем собирая воду в посуду. Собранной водой несколько раз вымыть макушку головы коровы. [Полевые записи автора, 1984 г.]

Таким образом у калмыков, как и у многих народов мира, сохранились процедуры, избавляющие от сглаза. Элементы обряда от сглаза — это участие в нем стихии огня и воды, а также процедуры умывания, окуливания, применение "тайного языка".

О существовании некогда у калмыков заговорной традиции свидетельствуют перечисленные выше образцы, от нее остались отдельные формулы и выражения, функционирующие в сохранившихся обрядах. Заговоры у калмыков имеют древнюю историю, они имели четко выраженную магическую функцию, сохранившуюся до сих пор. Заговоры у калмыков сходны с их образцами, бытующими у бурят и монголов. Отдельные образцы заговоров утратили свои традиционные функции, перешли в детский фольклор. Заговоры вошли в хозяйственный обрядовый комплекс — в ритуалы, связанные со скотоводством, земледелием, повсеместно — в бытовой фольклор (обряд свадьбы, родильный, погребальный обряды).

ПЕСНИ-ЗАКЛИНАНИЯ

Песни-заклинания, являющиеся одним из древних лирических жанров калмыцкого фольклора, до сих пор еще не собраны и не систематизированы. Песни-заклинания бытуют главным образом в скотоводческой обрядности, и это не случайно, ибо скотоводство было основным видом хозяйственной деятельности калмыков, направленной на то, чтобы сохранялось поголовье стада. С древности у калмыков существовал ряд оберегов, примет, обрядов, обеспечивавших удачу в работе скотовода. Протяжные песни (ут дун), отразившие древнее занятие калмыков — скотоводство, носили магический характер. Характерно, что первые песни-заклинания записаны в 1990-х годах у Цасты Джаргаевой¹. Это песни, описывающие ритуал приручения верблюжонка к верблюдице (песня "Божула"), песня "Хен" — песня-приручение ягненка к овце, "Хоов" — песня-приручение теленка к корове. Вместе с песней исполнителями передается с помощью жестов и мимики сам ритуал приручения. У калмыков только что родившийся молодняк животных имеет название "төл", весь ритуал носит название "взять молодняк" (төл авхуллһн).

Иногда случается так, что самки домашних животных не хотят кормить только что родившихся детенышей. В этом случае предпринимались особые ритуальные действия, сопровождаемые жалобным пением. Задачей скотовода было предотвратить гибель молодняка. Чтобы приручить к овце ягненка, состригали у овцы шерсть и давали понюхать ягненку. После этого можно было подвести ягненка к овце, чтобы она его накормила. В этот момент нужно было спеть песню, целью исполнения которой было разжалобить овцу.

Хаврт хар салькнд
Хажудан кенэн дахулнач?
Өнчн юмн кевтөһөр
Өрэд йовад йовдмч?
Ха, хош, хош,
Пөөһө, пөөһө, пөөһө.
Когда задует холодный ветер.
Кто будет идти рядом с тобою?
Как сиротина будешь
Идти ты тоскливо.
Хош! Хош! Хош!

Известны два варианта песни о приручении верблюжонка к верблюдице. Ц. К. Джаргаева, исполнительница протяжной песни, именует ее "Божула", в варианте, описанном К. Э. Эрендженовым, песня носит название "Бобн-бобн божула"².

В обряде приручения участвовало много лиц. Один из участников обряда водил верблюдицу вокруг лежащего на земле обессиленного верблюжонка, а остальные пели, песня "Бобн-бобн божула" исполнялась под аккомпанемент домбры. Признаком того, что верблюдица прониклась материнским чувством к верблюжонку, были слезы, появлявшиеся на ее глазах, и тогда верблюжонка подносили к вымени. Верблюдица с верблюжонком уходила в степь, а в хотоне на радостях устраивали пир.

В скотоводческой практике калмыков крайне редкими были факты, когда отелившаяся корова отказывалась от теленка. Только если корова гибла, ее теленка приручали к другой. Для этого, как и в случае с ягненком, нужно было приласкать корову, поглаживая ее, приветливо поговорить с ней, потом обмазать теленка молозивом, чтобы корова его понюхала и приняла за своего. В этом случае пели протяжную жалобную песню:

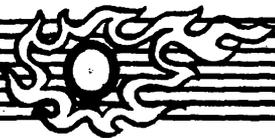
Хоов, хоов, хоов,
Хач, хач, хач.
Увлин хорн киитнд
Хажудан кенэн дахулнач?

Өнчн юмн кевтөһөр
Өрэлэд йовад йовнач?
Хоов, хоов,
Хач, хач, хач!
Хоов, хоов, хоов,
Хач, хач, хач.
В студеную зимнюю пору
Кого ты поведешь рядом с собой?
Неужели ты, как сирота,
Пойдешь в одиночестве?
Хоов, хоов, хоов,
Хач, хач, хач!

Взывая к принятию детеныша овцой и коровой, поют жалобными голосами, а исполнение песни о верблюдице сопровождается игрой на домбре.

В песнях нашли отражение старинные обращения калмыков к домашним животным: к овцам обращаются с междометными восклицаниями "хош, пөөһө", к верблюжонку — "божһан", к корове — "хоов, хоов, хоов".

ПРОКЛЯТИЯ

С верой в магическую силу слова тесно связаны проклятия. Их возникновение, несомненно, органически связано с ранними формами человеческого мышления. Жанром, полюсным проклятиям, являются благопожелания, эти два жанра по своей магической направленности, являются противоположными. Харалы (проклятия) адресовались недругу в ссорах и спорах.

Народная терминология калмыков предполагала такие разновидности проклятия как "хэрүтә харал" — харалы, имеющие возвратное действие, и "хэрү уга харал" — харалы безвозвратного действия. "Хэрүтә харал" — харал, действие которого возвращается на человека, произносившего проклятие, в том случае, если харал был произнесен без особого мастерства, без эмоционального настроя и без совершения обрядовых действий, сопровождавших словесный компонент. "Хэрү уга харал" — проклятие безвозвратного действия характеризуется тем, что соблюдается весь ритуал проклинания.

Также, согласно народной терминологии, у калмыков были самые худшие из проклятий "харалас му харал" — это, прежде всего, пожелание бездетности, проклятия роду. Ритуал произнесения проклятия отражен в романе К. Эрендженова "Береги огонь", харал произносится в адрес скотокрадов. Главный герой, произнося проклятие, мажет сажей мизинец правой руки для усиления действия своих слов, а непосредственно после произнесения текста проклятия он несколько раз хлопает в ладони¹. Проклятие произносится в адрес недругов по поводу какого-либо происшедшего несчастья. Обряд с битьем ладони о ладонь, хлопаньем как части ритуала описан и в эпосе "Джангар". Шулмуска произносит проклятие в адрес богатыря Хонгора, убившего ее жениха².

У калмыков наиболее действенными считались проклятия, произносимые на утренней заре и когда ритм произносимого текста отбивался хлопками ладони о ладонь. Обрядовое дейст-

во было эмоциональным, текст произносился на высоких тонах. Согласно полевым исследованиям, в каждой местности встречались исполнители харалов — харалчи, которые обладали высоким мастерством исполнения и импровизации, имели богатый арсенал магических текстов. В некоторых случаях им заказывали проклятие те люди, которые не могли сами его произнести эффектно, с достаточной экспрессией. Некоторые харалчи славились в своей округе тем, что их слова доходили до цели. Чтобы усилить действие харала, вербальная часть подкреплялась брызганьем воды в сторону недруга.

У алтайцев произнесение харала также имело обрядовый характер — это касается прежде всего времени его произнесения. Чтобы слова проклятия были действенными, оно произносилось вечером при красном закате. Проклятие закреплялось смачным плевком и словами: "Красным вечером подпираю!" С целью же усиления магии проклятия алтайцы брызгали молоко в сторону недруга³.

К исполнителям проклятий отношение людей было разное. Если о харалчи шла молва, что проклятия его сбываются, — такого человека боялись и остерегались. О нем говорили: "Эвр харалч күн" — человек, обладающий даром произносить проклятия-харалы.

В некоторых примерах подтверждается факт совместного бытования проклятия и благопожелания. Они могут быть лаконичными по форме, а также разрастаться до одной и более строфы, причем каждая строка может звучать как самостоятельная словесная формула. Оба малых жанра — проклятие и благопожелание — основаны на магии слова. Цель одного жанра — оказывать благотворное воздействие, цель второго — наносить вред, приносить болезни, уничтожать словом.

В основе жанра проклятий лежит метафора, иносказание, например, за лаконичной формулой "хад чолун теврэд үк" (умри, обнимая "черную скалу") скрывается пожелание одиночества, несчастной жизни и безвестной смерти. Произнесение харалов ситуативно, эмоционально, они обрисовывают конкретную жизненную ситуацию.

Калмыцкие проклятия по своей функциональной направленности выступают как отрицательные пожелания. В текстах проклятий прослеживаются бинарные оппозиции — живой-мертвый, здоровый-больной, богатый-бедный, счастливый-не-

счастливым, красивый-некрасивый. Человек верил в могущество слова, в его способность произвести нужное действие, при создании проклятия как в форме одной фразы, так и в виде поэтической строфы в калмыцком языке используется императив — употребление глагола во втором лице единственного числа с восклицательными интонациями.

Проклятиям как фольклорному жанру свойственна краткость, образность, ритмичность, насыщенность метафорами и сравнениями. По всей видимости, в совершении обряда бытовала традиционность исполнения. В наше время мастерством произнесения харалов обладают представители старшего поколения, немало людей верит в магию произнесенного отрицательного пожелания.

В полевых экспедициях по районам Калмыкии нами сделаны, наряду с другими жанрами, записи проклятий. Как правило, информанты знают их тексты, но отказываются их воспроизводить. Они объясняют отказ следующим образом: "Нельзя беспричинно произносить харал, проклятие должно быть адресовано какому-либо лицу".

Но мы изобрели для сбора текстов иной путь: информаторы (большинство их сейчас грамотные) записывали тексты харалов на листах и отдавали их собирателю.

Исполнителями обрядов произнесения проклятия были, как правило, женщины, ибо жанр проклятий считается преимущественно чисто женским творчеством.

Происхождение термина "харал" от слова "хар" (черный) очевидно. Сажей черного цвета смазывали язык исполнителю обряда во время произнесения харала, чтобы усилить его действие. Цвет "хар" (черный) является символом горя, несчастья. У калмыков о доброжелательном человеке говорят "цаһан саната" — человек со светлыми (белыми) мыслями, недоброжелательный именуется как "хар саната" — человек с черными мыслями, способный причинить зло.

Проклятия тематически разнообразны — это жизнь и смерть, любовь и ненависть, нужда и изобилие, трусость и смелость, жадность, скупость и гостеприимство. К худшим из разряда проклятий относятся те, в которых проклинается род человека. Человек, у которого большой род, много детей, считался у калмыков счастливым. Это представление отразилось в калмыцких пословицах. "Садта күн, салата модн" — "Человек, у

которого много родственников, — развесистое дерево”. Чтобы род прервался, проклинаящий говорит: ”үндс таср” — пусть порвутся его корни, ”тохм таср” — пусть прервется его род. Слово ”үндсн” в значении ”корень” встречается в тексте ”Джангара”⁴: ”Урхата занди модыг/Үндстәһинь сүр татад авб” (”Вырвал он растущее сандаловое дерево с корнями”). В представлении калмыков человеческий род — это раскидистое дерево. Вырвешь дерево с корнем — погибнет оно, прервется род. Эти представления отражены в тексте проклятия, весьма распространенном в современной фольклорной традиции.

Үңг үндсн тасрж,	Пусть прервутся
Үңг тохм алд,	Твой род и корни,
Ардаснь оньдинд,	Пусть вас всегда люди
Олн-әмтиәс	Поливают водой,
Үмс улм цуцулж йовтн! ⁵	Посынают золой.

Краткое проклятие ”тохм таср” (”пусть прервется твой род”) также относится, по народным понятиям, к худшим из образцов проклятий.

Этой словесной формуле близко выражение ”тохмднь ус асх”, т. е. ”проклинать весь род во всех поколениях”. Как видно из приведенных образцов, для усиленного действия магии слова применяются вода, зола, а иногда и сажа.

Худшим из проклятий является пожелание бездетности — по калмыцкой пословице: корни дерева находятся под землей, а корни человека — над землей. Корни человека над землей — это наличие детей в семье, большой разветвленный род. Отсутствие детей было большим горем, и потому в проклятиях врагу содержится пожелание бездетности.

Үргәх мал уга бол,
 Үмсх үрн уга бол.
 Пусть не будет у тебя скота,
 который можно было пасти,
 Пусть не будет у тебя детей,
 которых можно было бы приласкать.

Харалы, по древним суевериям калмыков, должны были обладать разрушительной силой, они должны были слать

разные неудачи, связанные с семьей, очагом, хозяйственной деятельностью кочевников.

Человек-недоброжелатель стремился произнесением проклятия добиться желаемого — плохого потомства, разорения, бедствия. В ряду самых страшных проклятием было проклятие очагу. Огонь в нем поддерживался многими поколениями, и если должен был по желанию проклинаящего потухнуть, значит должен исчезнуть с лица земли весь род.

Существовала охранительная магия, связанная с очагом: так, калмыки никогда не выбирали полностью золу из очага, боялись, что из-за исчезновения золы очаг почернеет, в нем исчезнет огонь, нельзя было лить воду на него, бросать мусор.

Очаг у калмыков следовало содержать в чистоте. Это священное место в юрте. Харал-проклятие звучал следующим образом: "Һулмтчнь харлг!" ("Пусть почернеет твой очаг!"), "Һулмтчнь арат маажг" ("Пусть твой очаг поцарапает лисица"). Тема второго проклятия — это пожелание, чтобы семейный очаг опустел, разорился, а впоследствии исчез с лица земли.

Важным атрибутом хозяйственной жизни скотовода была привязь для телят и жеребят — "зел", которая обычно устраивалась у кибитки. Сама привязь представляла собой чаще всего веревку, сплетенную из конского волоса. В калмыцкой системе родства встречаются такие термины как "һал үй" — поколение по огню очага, "зел үй" — поколение по привязи⁶, ими обозначаются понятия близкого родства по мужской линии. Эти семьи жили вместе — в одном хотоне, совместно вели хозяйство, пасли скот, имели одни выпасы и на одной веревке-привязи держали молодняк. Харал "зел тасртаха" ("пусть порвется ваша привязь, коновязь") был по своему действию и результату схож с проклятием "тохм таср" ("пусть прервется твой род").

В калмыцких проклятиях отражен культ земли и неба. Известно самопроклятие: "Теңгр намаг цокг!" ("Разрази меня гром [небо]!"). Представление о том, что земля проваливается под магическим воздействием харалов, отражено в проклятиях: "Һазрин шуурхад од!" (Попади в трещину земли. Провались!), "Көл дорчи һазр шатг!" (Пусть земля горит под твоими ногами!), "Өмдәр һазрт орсув!" (Пусть живым войду в землю!).

Многие калмыцкие ругательства связаны с культом мерт-

вых. У калмыков родственников по отцу называли "ясн төрл" (родственники по кости). Проклятие костями покойников, упоминание мертвых довольно часты, распространены выражения: "үксэн идх" — съест умершего, "үксэн кехм" — да что с ним делать (выражение отрицательной оценки какой-либо бесполезной, ненужной вещи, предмета).

По примете, когда звенит в ухе, произносят:

Сэ келсн үснчн цэ,
Му келсн яснчн цэ.
Кто говорит хорошее,
пусть до старости доживет,
Кто говорит плохое —
пусть белеют кости (пусть умрет).

Это характерный пример совместного бытования двух малых жанров. Первая часть поэтической формулы представляет йорел (благопожелание), вторая часть — харал (проклятие).

Харал "сүмсн тасртха" (пусть прервется, пресечется душа) синонимичен пожеланию лишения жизни, пожеланию смерти.

Понятие о душе "сүмсн" отражено в калмыцком эпосе, сказках. Души героев-богатырей, сказочных чудовищ, мангусов находятся в разных местах. Например, душа одного из мифических существ — мангуса — обретается в красной родинке размером в сустав большого пальца, которая находится на его голове величиной с "четырёхлетнего быка" (варианты: в головах двух пестрых змей или в головах пауков). Для того чтобы одержать победу над мифическими существами, нужно истребить души этих насекомых или животных.

Душа, согласно народной астрологии, меняет свое местонахождение в течение лунного месяца. В первый день лунного месяца она находится в большом пальце ноги, во второй день — в лодыжке, в третий день — в мускулах, в четвертый день — в пояснице, в пятый день — в коленном суставе и т. д. Чтобы проклясть человека, его жизнь, согласно магическим представлениям, необходимо знать, где находится душа в этот день. Не случайно в текстах проклятий есть образцы, адресованные частям тела и органам человека: "Хавснчн дегэ болтха!" (Пусть кости твои скрючатся!), "Элкэрн һазр шудр!" (Живо-

том землю сотри!), "Оошкдчн хорха буутжа!" (Пусть в твоих легких поселятся черви!), "Толһаһан нохад кемлүл!" (Пусть твою голову сгрызут собаки!) и т. д. [Полевые записи автора].

Если произносивший харал знал местонахождение души в этот день, то он должен был проклясть именно тот орган человека или ту часть его тела, и тогда вредоносное заклятие попадало в цель и имело сильное воздействие на проклинаемого. Самым же худшим было проклятие, связанное с древними представлениями наших предков о душе. После смерти человека калмыки приглашали в дом гелюнга для совершения обряда по отправлению души покойника на тот свет. Обряд назывался "сүмс заальх" (буквально: направить душу). Если человек умирал, то согласно религиозным понятиям калмыков, душа покидала тело (сүмснь һарч оч). По силе своего воздействия выделяется проклятие: "Пусть душу твою отправлю, пока ты живой" (Сүмсичнь эмдэр йовулсу), это проклятие звучало как пожелание смерти, лишения жизни⁸.

Хозяйственная деятельность человека также нашла отражение в проклятиях. Калмыки, как и другие кочевые народы, разводили четыре вида скота — крупный рогатый скот, овец, верблюдов, лошадей. Труд животновода был очень тяжел, требовал полной отдачи, хозяйственная деятельность кочевников длилась круглый год без отдыха. Суровая жизнь скотоводов-номадов полностью зависела от природной стихии, от состояния кочевья, поэтому существовал ряд оберегов. Если скот долго не приходил с пастбища, то чтобы он не стал жертвой хищных животных, совершали ряд обрядовых действий, которые призваны были уберечь его от нападения хищников.

В степи случалось также воровство скота, что, естественно, воспринималось пострадавшими как большое горе, ибо скот у калмыков был основой жизни. В этих случаях произносили в адрес вора такое проклятие:

Хөөһм идсн күн
Алтнас шарар,
Арһмжас утар һожһ.
Кто съел мою овцу,
Пусть опорожнится калом
Желтое золота и длиннее веревки⁹.

В тексте следующего харала отражается горе, охватившее многодетную семью из-за потери коровы.

Пусть слезы моей жены
И горячие слезы моих детей,
Слезы осиротевших телят,
Которые ищут свою мать,
Пусть эти слезы вместе сольются
И станут сильным ядом харала!
Пусть твои кости скрючатся!
Пусть проклятие войдет в твое тело!
А кости твои пусть рассыпятся
И превратятся в золу!¹⁰

Таким образом, ситуативных поводов для произнесения проклятия в повседневной жизни калмыков встречалось множество. Проклинающий нес в себе убеждение, что слово, повторенное несколько раз, может воздействовать на темные силы. В народе существовала твердая вера, что слова проклятия доходят до другого человека, поэтому также бытовала целая система защитных обрядовых действий против магии слова.

Калмыки боялись пагубного воздействия проклятия, поэтому человеку, который произнес проклятие, говорили в ответ йорел оберегающего характера. В основном высказывали пожелание, чтобы произнесенный харал стал йорелом-благопожеланием.

Не, харасн харалчн йөрөл болг,
Хавсчнь дегө болг,
Хар һазр үзл уга,
Хорхад торж йов!¹¹
Пусть твой харал станет йорелом,
Пусть кости твои станут крюками,
Пусть не будешь ты похоронен,
Пусть ты перевоплотишься в червяка!

Верхняя строка данного примера говорит, что этот образец харала-оберега, не относится к жанру проклятия. Остальные четыре строки могут существовать как самостоятельный обра-

зец проклятия. Характерно, что знатоки текстов проклятий чаще всего произносят харал-оберег, а текст самого харала воспроизводится осторожно, с оглядкой и боязнью.

Главной особенностью этих харалов против харала, своеобразных текстовых оберегов против произнесенного проклятия, была их ситуативность, их сиюминутность.

Человек, в адрес которого прозвучало проклятие, должен был тут же безотлагательно произнести вербальный оберег.

Харасн харалчн хэрү бийэрчн харг!
Хавснчн дегө бол!
Төөрч, төөрч толһаһар орг,
Эргж, эргж экэрчн орг!
Пусть произнесенный тобою харал
Обернется против тебя!
Пусть ребра твои скрючатся!
Пусть, блуждая, харал войдет в голову твою!
Пусть, покрутившись, харал выйдет через мозг!

Харалчн хар һазр авг!
Келэрн кердүл ке!
Хойр нүдэрн керөд цокул!
Пусть твой харал возьмет черная земля!
Сделаем из твоего языка лопату!
Пусть твои глаза выключет ворон!

Представление о счастье у скотоводов было связано со светом солнца. Устрашающим проклятием было пожелание, чтобы проклинаемый не увидел больше солнечного света. Это также было иносказательное пожелание смерти. Монгольскими фольклористами зафиксировано проклятие с подобным пожеланием:

Насандаа нарны бараа бүү үзэг,
Намартаа тарианы бараа бүү үз!
Пусть на протяжении всей своей жизни
Не увидишь света солнца,
А по осени не увидишь и части урожая!

У калмыков бытует проклятие с данной темой, оно выраже-

но формулой ”Нарна герл бичэ үз! (Пусть ты не увидишь солнечный свет!)”

Впервые о бытовании устных поэтических жанров — проклятия и благопожелания, — обрядовом характере их произнесения рассказал Номто Очиров в работе ”Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд ”хара келе утулган” — у калмыков”¹².

Относительно харалов Номто Очиров отметил редкость их употребления, он же указал, что тексты харалов обнаруживаются в крупных жанрах фольклора — в песнях, сказках. Жанр проклятия-харала Номто Очиров определяет как пожелание зла, бедствия, несчастья, горя, а функцию связанного с ним обряда ”хара келе утулган” — отрезание черного языка — как ”искоренение и уничтожение злых пожеланий — харалов”.

Номто Очиров отмечает, что вера во вредоносную злобную силу харалов у людей очень велика. К совершению обряда ”хар кел утулган” обращались при видении дурного сна, болезнях, и стремлении охранить себя от зависти, от брани и проклятий других людей. Сначала священник (гелюнг) читал молитву, затем исполнялся сам обряд. Брели веревку, скрученную из пряжи черного и белого цветов, один конец веревки держал во рту глава семьи, а другой — находился в руке священника, который отрезал веревку несколько раз под звуки молитвы, которую читал второй священник. Веревка как бы олицетворяла язык проклинаящего человека.

Обрезки веревки собирали в кучку, на них плевали члены семьи, затем их сжигали. После совершения обряда, произносили благопожелания. Обряд ”хар кел утулган” относится как к разряду семейных, так и индивидуальных. Кроме охранительной функции обряд ”хар кел утулган” имел также очистительный характер — очищалось жилье заказчика обряда с помощью разбрасывания освященных рисовых зерен в жилище. Номто Очиров записал обряд ”обрезания черного языка” как семейный.

Народный поэт Калмыкии К. Эрендженев в книге ”Источник мудрости” (”Цецн булг”) воспроизводит заклинание, произносимое при исполнении этого обряда по причине болезни одного из членов семьи¹³.

Молись ному, бурханам и хуваракам (молится заболевший).
Отрежь язык тем, кто завидует тебе (режет веревку совершающий обряд).
Пусть не достигнет тебя яд человека с черными мыслями.
Режь "черный язык" (режет веревку тот, кто совершает обряд).
Кто бы он ни был — и нойон, и богач, и богач, пусть вскипит яд.
Режь черный язык (режется веревка).
Кто обманывает и говорит, что у него плохие болезни? Отрежь черный язык (режется веревка).
Отрежь "черный язык" того, кто говорит неправду (опять режет веревку духовное лицо).
Харалы, предназначенные мне, пусть исчезнут как концы холодного оружия.
Отрежь черный язык (опять он режет веревку).

Веревка укорачивается, нож достигает шеи заболевшего человека. Зурхачи произносит:

Пусть избавится от проклятий отца и матери,
Пусть избавится от проклятий братьев и сестер,
Пусть избавится от проклятий родственников отца и матери.

Разрезанную на части черно-белую веревку сжигали, а пепел зарывали под порогом дома того, кто заказал обряд "отрезание черного языка". С этого момента магическое влияние проклятия исчезало.

В архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований (в фонде Дорджиева) сохранились обрядники "Отрезание черного языка" — "Хар келнэ судур" ("Сутра черного языка"), "Хар кел утлулна судур" ("Сутра обрезания черного языка"), "Хар кел урвагч судур" ("Сутра, охраняющая от черного языка")¹⁴.

Согласно тексту сутр большое значение имело время произнесения харала. Недоброжелатель мог его произнести в разное время суток: "өрүни харал" (проклятие, произнесенное утром), "асхни харал" (проклятие, произнесенное вечером), "сөөни харал" (проклятие, произнесенное ночью), "өр цээх харал" (проклятие, произнесенное на рассвете), "үдин харал" (проклятие, произнесенное в обеденное время).

Произнесение харала в быту калмыков сопровождалось

обливанием водой, потому в сутре есть словосочетание "усна харал" — проклятие, сопровождаемое литьем воды. Харал (проклятие), согласно сутре, произносился человеком с черными мыслями ("хар му саната"), а обладание даром произнесения харалов носит название "му келн амн" — "плохой рот и язык".

Заказчиками харала-проклятия были — "му саната күн" ("человек с плохими мыслями"), "му келтэ амн" ("человек с плохим, скверным языком"). И этот человек именовался как "хар четкр" — "человек, у которого злой дух".

Итак, самого действенного снятия проклятия можно было добиться путем совершения обряда "отрезание черного языка", т. е. с помощью магического заклинания "обрезать" кончик языка противника (келнэ му үзүр) — "плохой кончик языка". Вероятно, по представлениям калмыков, магическая сила вредоносных заклятий находилась на кончике языка.

Номто Очиров, описывая обряд "отрезание черного языка", не привел ни одного текста проклятия, но отметил, что они "сохранились большей частью в сказках, песнях и былинах". Это замечание подтверждают современные исследования. Если в обыденной жизни употребляются проклятия, звучащие как краткие формульные выражения, то в фольклорных жанрах обнаруживаются стихотворные тексты. О древности жанра проклятий говорит и тот факт, что они встречаются в архаичных фольклорных произведениях. Харалы также воспроизведены в произведениях калмыцких писателей, и они вместе с другими фольклорными жанрами занимают огромный пласт в современной литературе. Вплетаясь в ткань устного или письменного произведения, они несут значительную эмоциональную нагрузку. В эпосе "Джангар" проклятия произносит шулмуска в адрес богатыря Хонгора, по вине которого погиб ее жених¹⁵.

— Потомок Ширкея,
Когда же увижу гибель твою, — сказав,
Ударила ладонью о ладонь один раз;
— Ты, разлучивший меня с возлюбленным,
Чтобы заблудился на вершине горы
Хагсугин Хар Шил
Так, чтобы не знал, откуда ты идешь.

В ритуале произнесения проклятия отмечены ритмические удары ладони о ладонь. В дальнейшем в путевых приключениях богатыря Хонгора все недобрые пожелания шулмуски сбываются, для него труднопреодолимым препятствием явилась гора Хагсугин Хар Шил, упомянутая в проклятии. Характерно, что шулмушка знает родословную богатыря Хонгора, ибо самым сильным проклятием у калмыков было проклятие всему роду недруга.

Современная фольклорная традиция также сохранила жанр проклятий. В фольклорных произведениях харалы произносят враждебные существа. В сказке "Цаһан Сар" герою необходимо узнать, где находится душа мифического чудовища мангаса. Мангас сообщает своему сыну, что его душа находится в железном ящике, расположенном на месте заката солнца, и чтобы сохранилась его тайна, мангас произносит проклятие: "Увидевший — пусть ослепнет, услышавший — пусть оглохнет"¹⁶.

А. В. Бурдуковым была приведена легенда, которая рассказывает о причинах распада ойратского государства. В старину боролись две ламаистские церкви — красная и желтая. Ойратский хан не стал разрешать этот спор мирно, а стал на сторону желтой церкви и послал на хороших лошадях мужественных воинов, и они уничтожили сторонников красной церкви. Среди красношапочников оказался один лама, которого никак не могли убить. Воины посадили ламу в большой мешок и бросили в воду. Лама, прежде чем упасть в воду, произнес проклятие олётам:

Пусть ваше потомство никогда не достигнет тысячи семей,
А количество верблюдов — сотни голов¹⁷.

После произнесения такого сильного, разящего проклятия из мешка поднялся огонь и лама исчез. Характерно, что в легенде текст харала звучит из уст ламы — духовного лица, представителя красношапочного буддизма.

Некоторые из персонажей эпоса ойратов обладают даром произносить проклятия, в эпосе "Бум Эрдени" к младшему брату обращается с проклятием черная старуха Шиль Гэльме. Богатырь уже заранее знает возможный эффект харала, он говорит: "Проклятая черная баба! Если я попаду под твое

проклятие, то мой конь останется с порезанными ушами, сухими жилами”¹⁸.

Целью же юного богатыря является освобождение от произнесенного проклятия, и в этом ему помогает богатырский конь: нужно ударить коня три раза и схватиться за длинные пряди его гривы.

Когда другой ойратский богатырь Дайни Кюрюль попадает в беду, он обращается к Дара-еке, которая предупреждает, что против него направлено проклятие черного языка и уст и проклятие девяти белых языков. Оберегом против произнесенного проклятия в эпосе является совершение обрядовых действий, которые описаны следующим образом: ”Читая заклинания, он сделал девять шагов, закрыл свои глаза и, смотря глазами высшей мудрости, взял в правую руку девять белых камней, а в левую руку девять черных камней, захватил пригоршню песка и принес Убадисун Дара-еке, которая прочитала девяносто девять заклинаний”¹⁹. Характерно, что здесь речь идет о более опасном, более разящем действии ”цаһан келн” (белый язык — льстивая речь).

Эпические богатыри обладают способностью заклинать, чтобы, к примеру, залечить ногу коня, воин произносит: ”Нога бело-светло-желтого коня сделайся целой”. Все произнесенные заклинания в эпосе именуются как ”черные”. ”Хажир Хар прочел черные заклинания, заклинал море Хорзо, и оно замерзло, превратившись в лед-камень”.

Богатыри ойратского эпоса в трудные моменты часто обращаются к заклинаниям. Заклинаниями богатырь Шара Бодон умирляет кипящее море. Остатками мифических представлений является знание героем-богатырем языка ”шестидесяти родов живых существ. Шара Бодон в трехлетнем возрасте выходит из детского разума, стал он понимать язык отца и матери, стал понимать язык всех живых существ”.

Убадисун Дара-еке обладает знанием 99 заклинаний. Кроме того, в текстах ойратского эпоса встречаются и шулмуски, которые обладают даром произносить проклятие²⁰.

В калмыцкой фольклорной традиции с древности наметилась тенденция возникновения жанра песен-проклятий. Известна песня, посвященная Натра Овш (”Натра Овшиг хараж һарһсн дун”), в которой звучат проклятия в адрес богача Натра Овш, а также в адрес его коня (”пусть твоего коня седлают

множество людей”). Самому богачу желают смерти, проклиная весь его род²¹.

Натра Овш байн, насичи тасрх болтха!

Натра Овш-богач, пусть твои года прервутся!

Темой для создания песен-проклятий явилась ссылка калмыков в Сибирь и на Дальний Восток, где они подвергались несправедливым жестоким испытаниям в течение тринадцати лет. Калмыцким фольклористам только в течение последних лет удалось записать немало образцов устного народного творчества, среди них устные рассказы, песни, легенды, относящиеся к сибирскому периоду. Среди песен сибирского цикла есть "Песня, проклиная Сталина". Содержание этой песни составляет описание всех страданий, унижений, которые калмыкам пришлось испытать. Калмыки втайне обращались к магии слова, чтобы как-то выразить свое отчаяние и возмущение несправедливостью, допущенной по отношению к ним²².

Проклятия также нашли отражение в клятвенных выражениях. Одной из форм произнесения клятвы (андхар) было произнесение проклятия в свой адрес: "Теңгр намаг цокг!" — "Пусть покарает меня небо!", "Назрин шуурхад орнав!" — "Пусть я провалюсь сквозь землю!" Этими клятвами человек обрекает себя на гибель в случае нарушения обета. Клятвы были связаны с культом земли: в результате произнесенной словесной формулы земля должна разверзнуться в наказание за неисполнение обета. Клятва "насан насллго одсув" ("пусть я не проживу года, ниспосланные мне свыше") — это самопроклятие, пожелание себе смерти. Клятва "теңгр намаг цокг" ("пусть небо покарает") связана с культом неба, с его милосердной или карающей силой.

Юмористическая клятва-проклятие имеется в "72 небылицах"²³.

Үксн керэ нүдим цокг!

Уул деер бээтлм, усн авг!

Усн деер бээтлм, хал авг!

Пусть мои глаза выключет дохлая ворона!

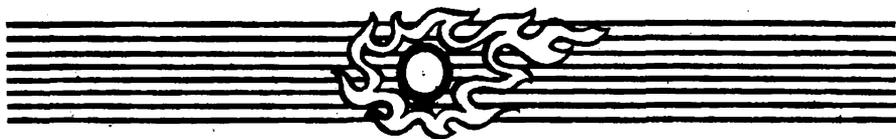
Пусть меня, находящегося на горе, достигнет водная стихия!

Пусть меня, находящегося в воде, достигнет огонь!

Жанр юмористического проклятия органично вошел в неповторимое и оригинальнейшее произведение калмыцкого устного творчества "72 небылицы". Традиции проклятия в нем в идейно-содержательном плане, конечно, трансформированы, хотя поэтическая форма и все жанровые особенности проклятия сохранены. Возникновение таких пародий на проклятие отразило в некоторой степени процесс постепенного ослабления веры в магическую силу слова.

Таким образом, калмыцкие проклятия являются заклинаниями, основанными на вербальной магии, и представляют собою отрицательное пожелание. Работа в полевых условиях показала, что вера в магию слова сохранилась до настоящего времени. Об этом свидетельствуют существующие до сих пор обереги — произнесение проклятий в ответ на прозвучавший харал. В этих случаях сохранился диалогический характер исполнения. В отличие от других жанров магической поэзии калмыков, проклятия произносились громко. Произнесение проклятия носит импровизационный характер, бытуют и формульные проклятия в виде кратких устойчивых словесных выражений. В виде поэтических клише проклятия сохранились в крупных фольклорных жанрах — в эпосе, сказке, а также в произведениях современных калмыцких писателей. В калмыцких проклятиях нашли отражение древние культы, обрядность, символика.

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

Архаическим жанром, в основе которого лежит вера в магическую силу слова, являются благопожелания (йорелы), занимающие значительное место в фольклорной традиции калмыков с древнейших времен до наших дней.

Б. Я. Владимирцов относил йорел (благопожелание) к особому роду словесности, тесно связанному с обрядом или другим бытовым явлением. Им также было отмечено, что манерой исполнения благопожеланий является речитатив. Небольшие образцы в две строки, произносившиеся при посадке хлеба, Б. Я. Владимирцов отметил как "коротенькие благопожелания", указывая на их краткость¹. Калмыцкий просветитель Номто Очиров, будучи студентом Санкт-Петербургского университета и совершив две полевые экспедиции в целях изучения народной литературы калмыков и этнографии, на основе собранного материала написал работу "Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд "хар келе утулган". Среди образцов, собранных Номто Очировым, сохранились два благопожелания, которые он характеризует как "благопожелания (йорелы) — начало блаженства, а харалы — семя несчастья и раздоров", отмечается также, что благопожелания в быту калмыков встречаются гораздо чаще, чем проклятия. Первые из записанных Номто Очировым йорелов посвящены трем драгоценностям буддизма — Будде, его Учению и духовенству, второй йорел произносится во дворцах².

Венгерский исследователь Г. Балинт, будучи в 1871—72 гг. в Калмыцкой степи, также записал тексты благопожеланий у учеников калмыцкой школы с помощью калмыков — преподавателя Шамбы и школьного врача Манджин Савгра. Г. Балинтом йорел именуется как "благословение". Им записаны также такие жанры калмыцкого фольклора, как "ут тууль", дун, үлгүр"³ (сказки, песни, пословицы).

Известный монголовед К. Ф. Голстунский, посетивший

Калмыцкую степь летом 1866 г., замечает, что здесь "на каждый случай есть здравицы и благопожелания". Им же отмечено, что пожилые калмыки — большие мастера произносить благопожелания-йорелы. Делая подарок в виде мускатного ореха, обозначающего долгую, продолжительную жизнь, произносили йорел: "Да будешь ты подобен серебру, да будет жизнь твоя долга, да следуют за тобой многочисленные братья"⁴.

Благопожелания — древний жанр народной поэзии, основанный на магии слова, имеющий целью путем просьбы или пожелания помочь человеку добиться успеха в труде, материального достатка и благополучия в жизни, ориентированный на его удачное будущее.

В "Джангаре" благопожелания, произносимые в адрес богатырей, обозначены как "эрдени сээхн йөрэл" (драгоценнейший йорел), "бадмин сээхн йөрэл" (лотосоподобный йорел). Йорелы произносились перед отправкой героя-богатыря в путь, с пожеланием ему успехов в сватовстве; этот разряд йорелов носит название "хаалһин йөрэл" (благопожелания удачной дороги)⁵. В изданном в 1940 г. сборнике "Хальмг фольклор" есть образцы старинных йорелов, произносившихся в календарных и свадебных обрядах, которые вошли в разряд "хуучна йөрэл" (старинные йорелы), йорелы, посвященные современной жизни, обозначены как "шин йөрэл" (йорелы нового времени)⁶.

В 1957 году после восстановления автономии калмыков и Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории началась интенсивная работа по поиску знатоков фольклора; в результате полевых исследований были записаны почти утерянные жанры калмыцкого фольклора, такие как заклинания, благопожелания, магталы (восхваления), песни разных жанров, были открыты имена исполнителей упомянутых фольклорных форм, а также началось теоретическое исследование этих жанров. Известный калмыцкий литературовед И. М. Мацаков в статье "К вопросу о калмыцких йорелах" обратился к анализу обрядового характера благопожеланий, произносившихся при рождении ребенка, на свадьбе, йорелов, посвященных обрядовой пище⁷.

Как известно, в созданную калмыцкими учеными и писателями "Антологию калмыцкой поэзии" вошли образцы народного творчества. Из поэтических жанров представлены благо-

пожелания — 12 текстов, относящихся к свадебным церемониям, рождильному обряду и другим, посвященным кочевой жизни калмыков⁸. Представленные к опубликованию народным поэтом Калмыкии Санджи Каляевым образцы магической поэзии — тарни и харалы — из идеологических соображений были исключены из "Антологии". Таким образом, опять была утеряна возможность представить полную картину жанров устно-поэтического творчества.

Народный поэт Калмыкии Константин Эрендженев в 80-х годах в книге "Цецн булг"⁹ описал несколько обрядов и микрообрядов, сопровождающихся поэтическими текстами, восходящими к общемонгольской фольклорной традиции. К. Эрендженевым впервые дано описание структуры калмыцкой свадьбы и жанров фольклора, употреблявшихся в этом действе. Впервые достаточно подробно он рассказал об обрядах закапывания ногтей, отрезания "черного языка" и многих производственных обрядах.

Вместе с тем, калмыцкие писатели и поэты широко использовали в своих произведениях образцы народного творчества, в них прослеживается фольклорная основа, которая органично вошла в художественную ткань литературных произведений¹⁰.

Республиканская газета "Хальмг үнн" знакомит читателей с фольклорными жанровыми формами, в том числе йорелами, которые ей присылают знатоки фольклора. Ученые публикуют на страницах газеты образцы материалов, собранных в полевых экспедициях у знатоков фольклора, сохранивших устную традицию исполнения.

В монографии кандидата исторических наук Д. Шалхакова "Семья и брак у калмыков" воспроизведены тексты йорелов, посвященных этой теме¹¹.

В монографии Е. Э. Хабуновой "Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия", где автором наиболее полно описан обряд калмыцкой свадьбы, приведено 30 йорелов, которые сопровождают очередной этап свадьбы, определена их четкая жанровая предназначенность и прикрепленность к ритуальному действию. Автор выделяет в свадебной обрядности несколько этапов: процесс породнения двух родов, переход женщины в род мужа и создание новой семьи. Названия благопожеланий дают возможность определить характер обрядового действия. В отдельных случаях тексты йорелов дополняют, конкретизи-

зируют содержание свадебной церемонии. Е. Э. Хабуновой исследована также функция благопожеланий в героическом эпосе "Джангар"¹².

Т. Г. Борджановой в статье "К проблеме обрядовой поэзии" впервые проанализированы жанры, входящие в весь обрядовый цикл калмыков, в котором йорелы-благопожелания являются наиболее употребимыми и функциональными; в другой статье, посвященной данной теме¹³, на основе полевого и теоретического материала определена структура тома, носящего условное название "Обрядовая поэзия калмыков" из планируемого КИГИ двенадцатитомного "Свода калмыцкого фольклора". Э. Б. Овалов посвятил ряд статей жанру благопожеланий, в которых он исследует и старые формы йорелов и современные¹⁴. М. Э.-Г. Эрдни-Горяевым, научным сотрудником КИГИ, проведена большая собирательная работа по жанру благопожеланий в районах республики, ему удалось зафиксировать древние формы жанра благопожеланий — таких как йорел, произносимый на поминках, свадебные йорелы, йорелы пище кочевников, благопожелания, произносимые на Цаган Сар, Зул, Урюс Сар. Эти тексты опубликованы на страницах газеты "Хальмг үнн"¹⁵.

В репертуаре известной исполнительницы народных песен Ц. К. Джаргаевой обозначено 25 образцов йорелов¹⁶, представленных как древними жанровыми формами: "Йорел, исполняемый при смене кочевки", "Йорел, посвященный празднику Зул", "Йорел, посвященный празднику Урюс Сар", "Йорел, посвященный Цаган Сару", так и йорелами, посвященными современности: "Йорел молодежи", "Йорел Родине", "Йорел 550-летию эпоса "Джангар".

Жанровая форма йорела как произведения устного народного творчества современными исследователями определяется как йорел и "ахр йөрэл" (краткий йорел, состоящий из нескольких строк). Краткий йорел схож по своей поэтической форме с бытующим у монголов "благодатным словом" — "бэлэг дембэрлэг үг"¹⁷. В древности "ахр йөрэл" — краткое благопожелание — и йорел как жанр многострочный могли бытовать у калмыков самостоятельно и параллельно, а не как

формы, прошедшие определенную фазу эволюции и вытекающие друг из друга. Хотя можно предположить, что при потере некоторых художественных средств (эпитета, гиперболы, характерных для йорела) исчезла их поэтичность и таким образом менялась жанровая форма.

Получив подарок, калмыки произносят "ахр йөрэл": "Өглһнэ эзн бол!" — "Стань эзеном (хозяином) податей!". Пожелание хорошего пути звучит как "Хаалһ цаһан болтха!" — "Пусть Ваша дорога будет белой!". Если человек делится своими сокровенными планами и помыслами, ему желают: "Сансн санантһ күцтхэ!" — "Пусть сбудется задуманное Вами!". Услышав приятные для человека слова, нужно было сказать в ответ: "Амнчн тоста болтха!" — "Пусть Ваш рот будет в масле".

К нашему исследованию привлечены записи фольклористов последних лет, наиболее емкие из образцов, передающие сущность жанра — влиять положительно на события кочевой жизни калмыка. Взяв за основу имеющиеся образцы благопожеланий, можно сгруппировать их в следующие разряды:

- а) благопожелания, относящиеся к календарной обрядности;
- б) благопожелания, относящиеся к семейной обрядности;
- в) благопожелания, связанные с хозяйственной деятельностью человека;
- г) благопожелания, произносимые в различных житейских ситуациях.

В основе высказывания благопожеланий лежит вера в силу слова, которая существует с древних времен. Носители и знатоки йорелов (йорелчи) пользовались особым почетом и уважением. Одним из сопровождающих невесту в дом жениха людей должен был быть человек, обладающий даром красноречия, — йорелчи, способный участвовать в словесных состязаниях на свадьбе. Человек, умеющий произносить йорелы, был желанным гостем на пирушках, народных гуляньях и других торжественных мероприятиях. Эта традиция сохранилась до сих пор. Характерно, что молодому человеку, который хотел обучиться мастерству произнесения благопожеланий, говорили: "Йөрэлч көвүн бол!" — "Стань хорошим йорелчи!"

Чтобы пожелания, заключенные в йореле, сбылись, присутствующие произносили слова: "Йөрәл бүтхә!" "Йөрәл шиңгртхә" — "Пусть исполнится все, сказанное в йореле". Для усиления магического действия благопожелания собравшиеся восклицали: "Тиигтхә!", "Болтха!" — "Пусть будет так! Пусть все сбудется!"

Благопожелания на торжествах и свадьбах произносили пожилые люди, которые были знатоками йорелов и знали ритуал их произнесения. Если сказать йорел поручали младшему по возрасту, а он не знал хорошо текст благопожелания, то им произносились следующие слова: "Би тана йөрәлд күртнәв" — "Разрешите мне быть причастным к произнесенному Вами благопожеланию".

К календарной обрядности относится праздничный ритуал жертвоприношения огню домашнего животного "гал тайлган", характерный для кочевых народов и сохраненный у калмыков до настоящего времени. Ритуал "гал тайлган" проводился 1-го числа месяца мыши (хулгун). В некоторых случаях "гал тайлган" — элемент семейной обрядности калмыков. В частности, на свадьбе принесение жертвы огню происходит два раза: после того как невеста покинула родной дом и когда она переступает порог дома жениха. Ритуал "гал тайлган", проводимый при рождении ребенка, носит умиловительный характер, на похоронах — очищающий. В обрядах "ова такилган", "газр-ус такилган" (поклонение земле и воде, духам хозяев местности) также приносили жертвы огню. Калмыки обозначали эти обряды следующими словосочетаниями: "һал тәэх" и "һазр-ус һал тәэх".

Считалось, что в месяц мыши каждая калмыцкая семья должна совершить обряд жертвоприношения огню. Жертву огню приносили бараном красной или белой масти, его резали бескровным методом на белом войлоке, разделявали, отделяя голову, все четыре ноги, крестец, грудную кость.

Правая передняя нога — "ха" — подвешивалась на решетку юрты. Баранью голову и крестец варили и устанавливали "дееж" (почетное угощение бурханам). Вареные сердце, печень, дыхательное горло, внутренний жир, брюшину укла-

дывали в небольшой мешок, который назывался "дайлна уут" — "мешок для размахивания" над огнем. Этой сумкой в ритуале жертвоприношения огню распоряжался мальчик — младший член семьи, который откусывал понемногу сердце барана по ходу ритуала, доставая его из сумки.

Ритуал жертвоприношения огню, происходящий в доме как часть свадебного обряда, подробно описан И. А. Житецким¹⁸. Ритуал совершается по случаю приезда невесты в дом жениха. Заблаговременно режут и варят барана. Сооружают из палок многорядный квадрат, похожий на колодезный сруб. Берут десять ребер (от передней левой ноги) и кладут на этот сруб; сверху их — грудную кость без мяса, завернутую в шерстяную пряжу, обертывают все это полосой мяса. Жертвенный квадрат зажигают, бросают в него кусочки жира, затем кладут на него берцовую кость от правой задней ноги, нижнюю челюсть барана. Затем в огонь бросают серебряные и медные монеты. Отправителем этого обряда является отец жениха.

В свадебном обряде, как и в календарном обряде "гал такилган", вареные легкие, печень, сердце, желудок, наполненный вареной в нем кровью, кладут в посуду или в сумку из кожи. Отец жениха размахивает этой сумкой и произносит молитвенное восклицание "хуру! хуру!". После каждого возгласа вареное сердце также надкусывает один из самых маленьких родственников.

Через три дня после совершения "гал такилган" исполняется обряд получения доли жертвенного животного, т. е. поедание желудка с кровью и бараньей ноги. Обычно доли мяса получали только родственники. Берцовая кость хранилась как семейная реликвия.

Г. И. Михайлов отмечает, что слово "даллага" понималось как "призывание счастья". Буквальное значение выражения "һар дайх" — "совершать призывный жест рукой"¹⁹.

В обряде "гал тайлган", как мы уже говорили, размахивали над огнем сумкой с жертвенным мясом барана и произносили благопожелания, в текстах которых отражена символика этого обряда.

Склонив круглую голову
И приклонив колени,
Выбрав лучший из месяцев,
Выбрав лучший из дней,
Приношу в жертву белого барана
С желтой головой,
Прошу у огненной Окон-Тенгри
Счастья и благоденствия,
Хурэй! Хурэй!
Пусть восторжествует благополучие
От желто-пестрых коров,
Похожих на львов и с сажеными рогами,
Аршинными бедрами.
Хурэй! Хурэй!
Пусть будет счастье от красно-коричневых
Овец с шелковистой шерстью,
Прекрасным хвостом и брюшиной.
Хурэй! Хурэй!
Пусть будет счастье от табуна лошадей
С растрепанными гривами и длинными хвостами.
Хурэй! Хурэй!
Пусть будет счастье от холощенного верблюда
И верблюжонка.
Хурэй! Хурэй!

В тексте йорела упоминается белый баран с желтой головой, приносимый в жертву, испрашивается благополучие, т. е. материальный достаток, от коров, овец, табуна лошадей, верблюда и верблюжонка.

В монгольском фольклоре бытует жанр "даллага" (призывание счастья), представленный образцами "Тэмэний даллага" ("Призывание счастья от верблюда"), "Шувууны даллага" ("Призывание счастья в день прилета птиц"), состоящими из нескольких строф²⁰.

Когда прилетят белоснежные птицы,
Когда оттают снежные горы,
Когда ожеребится светло-рыжая кобылица,
Пусть придет огромное счастье.

Обряд "даллага" связан с наступлением весны, с надеждами скотоводов на хороший приплод, и это ожидание благополучной, счастливой жизни они связывают также с образами животных и птиц.

Получило свое развитие и значение слова "хурай" ("хурэй"), упомянутого в обряде "гал тайлган". У якутов заклинание духа — хозяина тайги, гор завершается троекратным возгласом "Уруй! Уруй! Уруй!", у алтайцев — "Куруй! Куруй!" У бурят существовал обряд "хурай", который восходит к культу умирающего и воскресающего животного. С помощью возгласа "Ай! Хуры!" призывалась душа, с возвращением которой должно наступить возрождение. Как известно, у калмыков есть возглас "Ура", встречающийся в тексте эпоса "Джангар". От крика "Ура" богатыря Хара-Шорончи сходится небо и користая золотая земля. Трехлетний сын Джангара Улан Шовшур сопровождает битву с врагами криком "Ура!"²¹. Существует гипотеза, что "ура" является также словом, призывающим душу. Слово "ура" возникло, очевидно, от возгласа "Хүрә! Хүрә!". Звук "х" был утерян в результате эволюции, а часть "үрә" осталась как слово.

В древности каждый род у калмыков имел свой "уран" — боевой клич, который бытовал в стихотворной форме или в виде одной строки. Впервые ураны как жанр калмыцкого фольклора исследованы в связи с изучением этнического состава калмыков²². Отмечено, что ураны (боевые кличи) родоплеменных групп отражали также имена животных-тотемов, у калмыков были ураны — "туула тоха" (локоть зайца), "даагай" (жеребенок). Люди с одним ураном имели одного животного тотема²³. Имя родового божества (гения-хранителя), или "сәкүсн", у калмыков также было связано с именем тотема. Отмечено также, "что трудовые процессы и военные мероприятия наших отдаленных предков сопровождались различными обрядами, отправление которых не обходилось без каких-либо песен, кличей, заклинаний"²⁴. Основное содержание уранов (боевых кличей) — это, прежде всего, название тотема рода, его достоинства, иногда в "уранах" указывается численность рода.

М. Г. Рабинович, проанализировав боевые кличи (ураны) многих народов, разделил их на три группы — боевые кличи, связанные обычно: а) с родовым религиозным культом —

тотемом, б) почитаемым местом (холмом или горой), в) с родоначальником-человеком или ныне здравствующим вождем²⁵. О произношении уранов на свадьбах в обряде сватовства писал бурятский ученый С. П. Балдаев: "Каждый импровизатор-певец придумывает и говорит хвалу или порицание, касаясь действий не только их, но и других участников пирушки. Тут всплывают разного рода прозвища, эпитеты, характеристики, связанные с улусами, названиями рода и племени"²⁶. Также исследователь отмечает, что эти характеристики произносятся с редким остроумием и носят шуточный характер.

Е. Э. Хабунова определяет этот эпизод с названием уранов на калмыцкой свадьбе как "мууруллһн" ("ухудшение"), ураны же торгутов и тугтун-шебенов относит к магталам — восхвалениям, применяемым на церемонии передачи стороне невесты товаров для приготовления приданого или в словесной борьбе за невесту "үг сөрлцх"²⁷. Так, "уран" тугтун-шебенов может быть и в форме фольклорного жанра дразнилки, и в форме магтала-восхваления или урана в его первоначальном назначении. Уран тугтун-шебенов представлен следующим образом: "Нет, мы тугтун-шебены, которые ало-пестрое знамя Алтан-хана сумели продержать до двенадцатого колена". В образце, звучащем как дразнилка (в котором говорится о бедности тугтун-шебенов), утрачивается первоначальное жанровое назначение урана.

Ураны, бытующие в калмыцкой фольклорной традиции, сохранили свои древние черты. В уранах упоминается имя нойона:

Баатр Гүңг нойта,
Байн Шорв холта,
Баһ хурл энг.

Мы — род бага-хурул
С нойоном Баатр Гюнге,
Поселившиеся у реки Байн Шорва.

Указывается также количество членов рода: "талтахн" — "тавн зун өрк" (талтахины — пятьсот юрт), "үльдчнрэхн мөңгн өркин утан" (ульдючины — дым из тысячи юрт). О батутах говорится, что их ураном был локоть зайца (туула тоха үрэтө), а нойоном их был Улан-баатр (Улан-баатрин үддл).

Уран ики-багутов звучал следующим образом:

Көгшн-Чапчи гидг сэкустэ,
Манла гидг гүрмтэ,
Ноһан дэрк гидг хурлта,
Ээж Авһатан гидг урата
Ики-багут гидг улс бидн.
Ики-багуты с духом-хранителем Көгшн-Чапчи,
Имеющие молитву от божества Манла,
С хурулом Зеленой Тары,
С ураном Ээжи-Авгатаһ.

В уране рода саарлахн указано место их кочевки, они селились в степных ложбинах и балках.

Ураны в современной фольклорной традиции калмыков могут существовать как самостоятельный жанр народной поэзии, который имеет четкие жанровые признаки.

Во время "гал тайлган" в свадебном обряде невеста выбрасывала через дымовое отверстие кибитки баранью голову. У синьцзянских монголов благопожелание дому именуется как "гер милялген". Часть йорела посвящена "тооно" — деревянному круглому верху кибитки — и звучит следующим образом:

Хусм модыг хүмрүлн кегсн болвчн,
Хүрмстин теңгрин,
Нар, сарин герлиг шинцгән тогтан кегсн
Хусм тоонынь милэй!
Березовое дерево сгибая, смастерили,
Воплотил он в себе свет солнца и луны,
И Хурмаст-тенгри.
Благословим это тооно, сделанное из березы²⁸.

В обряде выбрасывания бараньей головы через "тооно" кибитки отражены архаические ритуалы и верования — поклонение солнцу, луне, почитание неба. Кроме того, верхний дымовой круг кибитки сделан из березы (хусм тооно) — шаманского дерева, и в этом действии отражена форма поклонения ему. Характерно, что в древнем шаманистическом обряде бурят к верхушке березы подвешивали медвежий череп

вместе с дыхательным горлом, легкими и сердцем с целью возвращения души мертвого животного, которое способствовало хорошему приплоду скота²⁹.

Культ почитания земли и воды калмыками отражен в календарном обряде "усун аршан". Источник воды, будь то река, озеро, "худук" (степной колодец), "цандык" (дождевая лужа), освящался осенью духовными лицами с целью умиловливания духа воды³⁰. Бросали в воду монеты, обмотав их синей и белой нитью, и обращались к хозяину водной стихии:

Усн лу хана сәкүсн өршәтн
Усн усн аршан болтха!
Усн уснь аршан болад,
Көк теңгр өөлдтхә!
Пусть нас благословит душа хана воды,
Пусть выпитая вода станет аршаном
И людям, и скоту,
Пусть нам покровительствует синее небо!

Освященную воду хранили долго, в течение года она оставалась чистой и применялась для лечения детей.

Зул, обрядовый праздник, ассоциируется у калмыков с Новым годом и ритуалом "нас авх" ("брать возраст"), когда каждый калмык прибавляет к прожитым годам еще один. Основная часть обрядов совершается дома.

Осенний праздник Зул имеет тесную связь с культом неба, которое было почитаемо всеми монгольскими народами. Д. Банзаров указывал, что согласно народным воззрениям "звезды на небе доставляли человеку здоровье и долголетие, увеличивали его богатство"³¹. У бурят также отмечали праздник Нового года, когда на небе появлялось созвездие Плеяды. Буряты также прибавляли год к своему возрасту. Год получали также животные.

Следы почитания неба сохранились в ритуалах праздника Зул: это, прежде всего, изготовление фитилей из стеблей травы по количеству прожитых лет и прибавление еще одного-двух стебельков, которые символизировали продление жизни. Этот фитиль носил название "насна хол" (фитиль года) и изготавливался для каждого члена семьи. Затем их втыкали в чашечку (лампадку — зул), сделанную из теста и по форме напоми-

навшую лодку (оңһц). Когда на небе появлялись звезды, хозяин дома выносил "лодку" с зажженными фитилями из дому и поднимал зул над головой, выпрашивая у неба долголетие и удачную зимовку. При догорании фитилей из лодки (оңһц) пекли лепешку, которая съедалась членами семьи. В день праздника Зул варили чай, им обязательно совершали кропление "цацал" и произносили благопожелание, посвященное основному ритуалу "нас авх" ("братъ год").

Возжигая зул,
Продлеваем годы свои,
Пусть прожитые годы будут крепкими,
Новый взятый год пусть будет для нас благословенным,
Отпразднуем с радостью праздник Зул.
Пусть люди живут в мире и согласии,
Пусть им покровительствуют всевышние бурханы!

Зул у калмыков отмечается и как день поминовения Зунквы — Дзонкавы (1357—1419), основателя ламаизма. В хурулах совершалось богослужение, верующие приносили лампадки и зажигали их — по горению определяли, каким будет наступающий год. И. А. Житецкий заметил, что все "календарные праздники приурочены к требованиям ламаизма и отмечаются религиозными церемониями и богослужениями", а народным праздником обозначил время кочевки "Хозяина года" ("Жилин эзн"), продолжавшейся три дня, которые считались "плохими днями"³², когда следовало соблюдать целый ряд табу: нельзя было давать кому бы то ни было молоко, воду из дома, нельзя было отправляться в дорогу и выносить мусор из дому, чтобы не мешать кочевке Хозяина года, в эти дни следовало читать молитвы.

Йорелы, произносимые на празднике Зул, именовались как "Йорел чаю, сваренному на празднике Зул", "Йорел, произносимый при ритуале "братъ возраст", "Йорел празднику Зул".

Взятые годы благословляли, приглашая в гости стариков. Обряд, когда выносили "оңһц" (лодку с горящими фитилями), назывался "нас гаргах" — "выносить годы", чтобы их благословили небо и боги. Хозяин дома произносил молитвословие:

Ом мани падме хум,
108 бурханов, прошу, чтобы
Люди всех шести сторон
Жили благополучно,
Чтобы совершали хорошие поступки,
Чтобы жили без болезней.
О, хайрхан!
Защитите нас от всех болезней.
Пусть наши дети будут жить долго,
Защитите нас от плохих привычек,
Сглаза, черного языка, проклятий.
Ом мани падме хум.

После того как погаснет огонь в "оңц", произносится благопожелание Зул — Новому году.

Вышел год обезьяны,
Взяв плохое,
Оставив хорошее.
Наступил год курицы,
Пусть для всех он будет благословенным,
Пусть годы, пережитые нами,
Будут длинными,
Пусть живут все в мире и согласии,
Пусть нам покровительствует Дзонкава-гэгэн!

В йореле отражены смена года, происходившая в праздник Зул согласно двенадцатилетнему животному циклу летоисчисления, а также обычай отмечать в этот день годовщину со дня смерти Дзонкавы.

Важным атрибутом праздника Зул был светильник из 9 травинок, который изготавливали женщины как хранительницы очага, и этот светильник не ставили в лодочку "оңц", а зажигали его в обычной чашечке-лампадке. Когда наступало время появления всех звезд на небе, хозяйка выносила из дома лампадку с девятистепельковым фитилем, поднимала ее к небу и произносила слова йорела в честь Окон-Тенгри — женского божества³³.

Ом мани падме хум!
Окн Тенгр үзжөнөт!
Зулан кежөнөвидн

Цуһар өрк-бүлөрн.
Ом мани падме хум!
Окон-Тенгри,
Мы празднуем Зул,
Все своею семьею
Выносим "йисн хол!"

Весенний праздник Цаган Сар получил отражение в эпосе "Джангар" в главе "О хане Докшин Шар Гюргю". Обрядовый цикл праздника Цаган Сар в эпосе именуется как "цага барихар" — весенний праздник подношения молочных продуктов в знак счастья и благополучия. Чтобы совершить обряд "цага барихар" к Джангару-богдо съезжаются три тысячи богатырей³⁴.

В фольклорной традиции калмыков зафиксировано значительное количество текстов благопожеланий, в которых отражена структура праздника Цаган Сар. По своей художественной форме йорелы могут состоять из одной строфы или нескольких строф в зависимости от мастерства йорелчи.

В первой строфе йорела Цаган Сару упоминается богиня Окон-Тенгри, одержавшая победу над мангусами, которые хотели уничтожить весь мир. Во имя спасения человечества она уничтожает также зачатого ею от чудовища младенца, который должен был в будущем истребить весь мир. В честь нее в хурулах священнослужители выносят из храмов иконы с изображением Окон-Тенгри.

О, хайрхан, Окон-Тенгри,
Множество всевышних,
Пусть нам покровительствует душа Окон-Тенгри,
Будем ежегодно праздновать Цаган Сар,
Почитая Окон-Тенгри,
Посвящая ей почетную пищу — дееджи.
Пусть будет обилие еды и питья.

Обязательным в йореле было упоминание о ритуале приветствия в дни празднования Цаган Сар.

Пусть весь скот и люди
Выйдут из зимы благополучно,
Пусть приветствуют друг друга: "Менде!"

В дни праздника калмыки обмениваются приветствиями "Менд! Увлэс сөөнэр һарвута?" — "Мендэт! Благополучно ли вы вышли из зимы?" На этот вопрос следовал ответ: "Һарву! Һарву!" — "Вышли! Вышли!". Затем непосредственно происходил обряд "цагалган", который заключался в особом рукопожатии. Приветствующие опускали рукава одежды, закрыв кисти, и обеими руками пожимали друг другу руки в середине предплечья.

Донские калмыки при обряде "цагалган" обнимали друг друга одной рукой за плечи, второй — за спину под рукой другого человека, как обнимаются после долгой разлуки³⁵.

В празднике Цаган Сар особое место отводилось ритуалу подготовки к празднованию — шитью новой одежды для детей, приготовлению подарков родственникам. Новую одежду вывешивали на веревке в кибитке на обозрение гостям. Из муки изготавливались борцоки, эти фигурные изделия имели символическое значение. Борцоки являлись неперенным дееджи — почетным угощением, устанавливаемым перед бурханами. Относительно борцоков еще П. С. Паллас отмечал, что "калмыки в эту ночь жарят из теста, молока и масла, а богатые даже из сахара и меду, маленькие лепешки, называемые боорсук, внутри выдавленные пальцем и имеющие форму улиткообразную, круглую или продолговатую"³⁶. Борцоки, приготовлявшиеся за день до начала праздника, делились на три группы: для дееджи, для подарков и для праздничного угощения.

Борцоки, как мы уже отмечали, имели свою символику: птица (шовун; һалун — гусь) обозначала начало весны и прилет птиц; "боорцг хавтха", напоминавшие по форме русские блины, олицетворяли собой солнечный свет; борцоки, напоминавшие вожжи (жола), были как пожелание крепости семье, ибо вожжи изготавливались из крепкого материала (кожи) и были длинными — это было и пожелание долгой жизни. Борцок, по форме напоминавший лежащего барана, обозначал пожелание многочисленности стаду; борцок "шор белг" напоминал копьё.

В почетную пищу "дееж" входило определенное количество борцоков, формы которых условно обозначали какие-либо понятия: целвек (символика солнца), тогош (похожий на загон для скота), шор (копьё), символика плодородия отражена в

форме борцоков мошкыр (внутренности барана), хуц (голова барана), кит (толстая кишка коня). В честь борцоков также произносили благопожелание.

О хээрхн,
Боорцг-тоһштн элвг-делвг болж,
Ут наста, бат кишгтэ болж,
Му күүкдтөһэн ханядн-тома уга бээж,
Жил болһн иигж боорцг-тоһшан
Элвгэр кеж, боорцгарн деежэн өргж,
Цөөһөрн зулан өргж,
Олн көгшдин йөрэл шиңгөж,
Байрта-бахта бөөх болтн.
О, хайрхан,
Пусть на Вашем столе
Будет много борцоков,
Которыми Вы делаете
Подношение-дееджи бурханам.
Живите долго и счастливо всей своей семьей,
Вместе с детьми, в здравии и в радости.
Пусть в Вашем доме старики произносят йорелы.

Первый летний праздник **Урюс Сар** продолжался целую неделю с 8-го по 15-е число месяца овцы, а главный молебен и основные храмовые торжества приходились на день полнолуния. Протоиерей П. Смирнов характеризует этот праздник таким образом: "Урюс-Сар — праздник благополучного приплода животных и полного развития степной растительности. К маю новый приплод скота уже выходит на пастбище..."³⁷. В этот день кочевники празднуют счастливый переход на летние кочевья и успешное развитие скотоводства — экономической основы своего существования.

В некоторых аймаках было принято в этот день украшать деревья белой овчиной, чтобы увеличивалось количество скота, в отдельных кибитках ставили зеленое дерево. В хуруле проходила большая пышная служба. После молебна совершали кропление скота смесью коровьего масла и молока. Одним из обрядовых действий праздника **Урюс Сар** было жертвоприношение водяной стихии, чтобы вода не исчезала все лето и поила стада и табуны — источник жизни скотовода.

На Урюс Сар устраивали скачки (урлдан), борьбу силачей (бек ноолдан), где молодежь стремилась показать друг другу силу и ловкость, признанные острословы состязались в красноречии. Обязательным элементом праздника было исполнение песен и йорелов. В романе А. Бадмаева "Мукебен" ("Муковун") приведен образец песни, посвященной Урюс Сару, тематически сходной с призыванием-дайлгн.

Үр-дуң оln болг.
Чир мөрн өсөд йовг!
Ноһан өвсн шавшад бээтхэ,
Номһн хур үсэрэд орг!
Үрс, үрс, үрсич
Ү-уйд дамжулыч,
Жирһлин туршарт ирич!
Пусть будет многочисленным потомство,
Пусть быстро растут
Стада коров и табуны лошадей,
Пусть быстро растет трава,
Пусть льет всегда благодатный дождь!
Приди быстрее праздник Урюс Сар,
Помоги нам всем,
Приходи к нам ежегодно,
В течение всей нашей жизни³⁸.

В репертуаре Ц. К. Джаргаевой бытует йорел, посвященный празднику Урюс Сар, и протяжная песня; она же увязывает праздник Урюс Сар с окончанием некоторых видов сезонных работ у кочевников и прежде всего — стрижки овец и заготовки молочных продуктов на зиму. В это время отделяли молодняк, среди них выбирали несколько ягнят, телят, привязывали им на шею ленточку, и с этих пор они считались принадлежащими богам, и потому им даровалась долгая жизнь, они умирали естественной смертью. Они назывались "сетрә мал"³⁹.

Информатор оренбургская калмычка Шаженбатуева (имя, отч. неизвестны) в своем рассказе определяет праздник Урюс Сар как обрядовое действие "үрсән һарһк", которое заключалось в протягивании веревки "зел" для привязи молодняка, сооружали также привязь для жеребят "сорһс"⁴⁰. Затем совер-

шали кропление молодняка смесью молока и сметаны. По завершении этих обрядов устраивали "найр". Праздник происходил на берегу водоема, всех потчевали разными кушаньями, главным угощением был калмыцкий чай, который на Урюс Сар заправляли не молоком, а сметаной. В воду с целью умилоствивливания духов бросали серебряную и медную монеты. Празднование Урюс Сар проходило с пышностью, с национальными спортивными состязаниями, с массовыми гуляниями, ибо оно было для кочевников кратковременным отдыхом после весенних работ и перед началом жаркого лета.

Все обряды жизненного цикла калмыков сопровождалась йорелами — будь то рождение ребенка, свадьба или похороны. Тематически йорелы были соотносимы с основными жизненными вехами, благопожелания сопровождали человека от самого рождения до глубокой старости. Люди верили в силу слова, в то, что оно может благословлять, изменять жизнь к лучшему.

Одним из обрядов, где большей частью употреблялись благопожелания, был родильный обряд. Издавна калмыки стремились иметь много детей. Это желание отражено в калмыцких пословицах: "Садта күн — салата модн" — "Человек с детьми — это развесистое дерево". "Салата модн — бүчрдг, садта күн — жирһдг" — "Развесистое дерево покрывается листьями, человек с детьми наслаждается счастьем".

Бездетность для женщины была большим несчастьем, в народе говорили: "Үсн уга үкр мөөрәч, үрн уга гергн ууляч" — "Корова без молока — мычит, бездетная женщина — слезлива".

После принятия родов пуповина отрезалась специальным ножом, который хранился в доме как семейная реликвия. Обряд обрезания пуповины отражен в эпосе "Гэсэр". Пуповину богатыря Гэсэра может перерезать только черно-пестрый камень, при этом произносится йорел новорожденному: "Крепче камня будь крепок, родимый мой! Гуще белой травушки плодись родимый улус у любезного"⁴¹.

У калмыков в честь такого знаменательного семейного события также произносили благопожелание:

Кииснь акчж,
Көлнь шоратж,
Эк-эцкдэн элзэтэ үрн болж
Өсч өргжтхэ!
Пусть пуповина окрепнет,
Пусть ножки будут в пыли,
Пусть станешь ты для родителей
Благословенным ребенком!

После этого проводили обряд очищения ребенка, обливая младенца с головы до ног водой, которую предварительно освящали в хуруле. Использованную воду выливали далеко от места, где ходили люди.

Синьцзянские калмыки пуповину зашивали в кусок ткани и клали в воду, в которой мыли ребенка. В колыбель ребенку клали серебряную монету, альчики и камень, чтобы ребенок был крепок как альчик, жизнь его была вечной как серебро, а дух тверд как камень. Эти предметы также хранились в семье. В церемонии обливания ребенка иногда участвовали все члены семьи. В некоторых семьях обмывали ребенка смесью молока и воды (кимр). Через месяц после обрезания пуповины устраивали праздник (найр), на который приходили с подарками младенцу.

Укладывание ребенка в колыбель (өлгэ) сопровождалось благопожеланием. Из текста благопожелания становится известным, что колыбель сделана из красного сандалового дерева, сама колыбель широка и красива, ребенок же должен расти, громко плача, высасывая жир из хвоста белой овцы, на радость своим родителям.

Наречение имени младенцу у калмыков — это весьма ответственный момент. Калмыки верили в магию имени, оно иногда не подходило своему носителю, и это обстоятельство было причиной многих несчастий. Имена могли давать родители, дедушка или бабушка, иногда обращались за именем к гелюргу или зурхачи. Согласно полевым данным, имя ребенку нашептывалось на ухо три раза, причем тот, кто давал имя, должен держать девочку за мочку левого уха, а если родится мальчик, держать его за мочку правого уха.

П. Небольсин отмечает, что "наречение имени имело в некоторых случаях случайный характер" — это было имя

встретившегося человека или название предмета. Им перечислены следующие мужские имена: Иджил — Волга, Ноха — собака, Чон — волк, Сюк — топор, Залу — молодец, женские имена: Амулнг, Уту Насун Эрдени, Менке Джиргал⁴², что означало: "спокойствие", "долголетие", "вечное счастье".

Распространены были числовые имена — Зурхан, Долан, Йисн, это означало, что ребенок по счету родился шестым, или седьмым, или девятым. Согласно полевым исследованиям, мальчику, родившемуся в год семидесятилетия своего дедушки, дали имя Даланта (от "далн" — семьдесят). У калмыков распространены фамилии, происшедшие от таких имен — Джиринтеев, Далантаев, Зургадаев.

Распространены были также имена цветовой — Улан (красный), Цаһан (белый), Хар (черный). Судя по цветовой символике, имя, в состав которого входило наименование цвета "хар", имело оберегающий характер: Хар Күүкн — черная девочка, Хар Көвүн — черный мальчик.

При обращении к священнослужителям ребенку, как правило, давались имена тибетского происхождения или санскритского: Эрдени — драгоценность, Адьян — Солнце, Бембя — Сатурн, Бадма — лотос, Церен — долгая жизнь.

При обряде наречения имени обязательным было произнесение благопожелания. Устраивали пир, носивший название "мелялгудын хюрюм" (пир в честь младенца).

У рожденного ребенка
Пусть дыхание окрепнет,
Пусть ножки будут в пыли,
Пусть прославит имя отца и матери,
Пусть будет вечен, как эта
Серебряная монета,
Пусть счастье его будет крепким,
Пусть у него будет много братьев и сестер.

В целях сохранения жизни ребенка в калмыцкой среде бытовали различные запреты (цеерлһн). Дом, в котором был новорожденный, не должно было посещать множество людей. В семье, где умирали дети, прибегали к различным мерам: скрывали факт рождения ребенка, переодевали мальчика в девочку и наоборот, давали "плохие" или двойные имена

(Санджи-Гаря, Эрдни-Гаря и т. д.), чтобы обмануть злых духов.

Но главным оберегом у маленьких детей был "бу" — амулет, приготовленный гелюнгами, представлявший собой листочек бумаги со священными молитвами, зашитый в лоскут материи или кожи.

Когда ребенок достигал трехлетнего возраста, совершали обряд стрижки волос, до трехлетнего возраста волосы не трогали. Обычно первую прядь волос состригал дядя по матери — "нацх". Произносился йорел в честь этого события. Обряд символизировал окончание периода младенчества "нилх цаг".

О том, что при обряде стрижки волос произносились благопожелания, свидетельствуют мотивы героического эпоса ойратов "Дайни-Кюрюль". Волшебная птица Гаруда оповещает всех о том, что состоится этот ритуал. В нем участвуют тридцать три небожителя, семьдесят семь драконов нижних миров. При обряде стрижки волос произносили "пророческие благопожелания". Пир в честь радостного события продолжался несколько дней⁴³.

К сожалению, в фольклорной традиции калмыков такого рода благопожелания не сохранились, у синьцзянских же монголов бытует следующее благопожелание:⁴⁴

Алти хээчин төөлг ниилж,
Эмн наснь бат болж,
Мөңгн хээчин төөлг ниилж,
Мөңк наснь бат болж,
Хаандан хээртө,
Олндан эжкр,
Нутг хошуна сүвлг болж,
Амулц эдлтхө!
Эрэ бичкн шарин үсиг
Эн өдр хээчлж,
Эсрц жилдөн үүнэс ик байр кетн!
Пусть кольца золотых ножниц сомкнутся,
Пусть годы ребенка будут долгими,
Пусть будет он любимым ханом,
Пусть будет он любим всеми,
Пусть будет полезным для своего нутука,
Пусть вслед за ним родится множество братьев и сестер,
В этот день срезаем волосы младенца,
А на будущий год устроим праздник лучше нынешнего.

В настоящее время благопожелания посвящаются детям также в честь даты совершеннолетия, получения паспорта, ухода в армию, окончания школы и института.

Йорел в драматическом действии калмыцкой свадьбы — наиболее употребляемый жанр. Каждый этап свадьбы сопровождался благопожеланиями наряду с песнями, пословицами, поговорками, загадками. В составе свадебного поезда один из сопровождавших невесту должен был знать в совершенстве благопожелания, и ехал он с целью участвовать в словесном состязании между родами жениха и невесты. Обычно это был пожилой почтенный человек, знавший ритуал произнесения благопожеланий и обрядовый комплекс свадьбы.

Йорелы, записанные в последние годы, также в своих строках отражают сохранившиеся этапы калмыцкой свадьбы: "Хэрд һарчак күүкндэн нерэдсн йөрэл" (Йорел девушке, выходящей замуж), "Гер авчак көвүнэ нээрт тэвсн йөрэл" (Йорел, произнесенный пиру (найру) в доме жениха), "Худ бэрлһнэ йөрэл" (Йорел сватам), произносившийся при предварительном сговоре двух сватов.

Многие моменты свадебной обрядности запечатлены в названиях благопожеланий: "Һурвн савла тэвдг йөрэл" (Йорел, произносившийся на "три бортхо"), "Худ бэрхлэ тэвдг йөрэл" (Йорел, произносившийся при сватовстве), "Күүк күргжэх эмтнд тэвдг йөрэл" (Йорел лицам, сопровождающим невесту), "Бер йөрэлһн" (Йорел невестке), "Берин чансн цэ йөрэлһн" (Йорел чаю, сваренному невесткой). Йорелы были обязательным элементом в досвадебных, свадебных и послесвадебных обрядах.

И. Житецким описаны следующие этапы обрядовой церемонии свадьбы⁴⁶. Брак именуется как "гер авлһн" — приобретение кибитки. Первый шаг сватовства именуется как "зэнд оруулган" (дать известие), "нег бортх" (первый бортхо). Вторая попытка сватов именуется как "хойр сав" или "хойр бортх" (два сосуда или два бортхо). Йорелы произносятся и при первом, и при втором этапе сватовства. Далее следует "три бортхо", при приезде в дом невесты вместе с тремя бортхо водки родители жениха привозят клей как символ крепости союза, а серебро — как символ богатства. В четвертую поездку отправляется сам жених — этот этап называется "смотрины жениха". Пятая поездка посвящена шитью приданого невесты

(хулд ишклһн), в котором принимали участие женщины, приехавшие с женихом. По этому поводу устраивался небольшой пир, на котором произносили благопожелание.

Соберемся все,
Чтобы не было горя и нужды,
В лучший день месяца,
Благословляя этот день,
Сошьем приданое невесте
Из этой желто-пестрой ткани,
Пусть ткань изнашивается,
А имя хозяина увековечится!

Сын, пожелавший жениться и создавший семью, именуется "күн болву" (стал человеком), а сама женитьба — "гер авлһн" (приобрел кибитку, дом).

Не, мана гер авчак көвүн
Амулц сән өрк тогтаж,
Олн үрдүдтө болж,
Аав-ээжиннь нер дуудулж,
Бат өрк-бүлтө болж,
Байрта-бахта жирһх болтха!
Да, мой сын, пожелавший жениться,
Пусть будет у тебя хорошая семья,
Пусть у тебя будет много детей,
Пусть ты прославишь имя отца и матери,
Пусть у тебя будет крепкая семья,
Живи в радости и благополучии!

Самым большим желанием родителей невесты было, чтобы их дочери хорошо жилось в новой семье, чтобы она стала желанной в своей новой семье, любима мужем, и свекром, и свекровью.

Не, хэрд һарчак мана күүкн
Одх һазртан кишг буйнд багтж,
Ээж-аавдан эңкр үрн болж,
Эңкр үүртөһән өрк-бүл тогтаж,

Ор гихлэ орж,
Нар гихлэ нарч,
Соңсхврта тогтун бер болж,
Көнжлэри дүүрц көвүдтө болж,
Төвкнүн амрж-жирһж бөөтн!
Наша дочь, выходящая замуж,
Пусть в той стороне, куда ты уезжаешь,
Будешь счастлива,
Для родителей жениха
Пусть будешь родным человеком,
А также хорошей послушной невесткой,
Пусть у тебя будет много детей!
Пусть жизнь у тебя будет счастливой и спокойной!

В свадебной поездке невесту сопровождали ее близкие родственники. В честь приехавших гостей произносили йорел:

Не, ирсн арвна ахлачнь
Олн ахнр-дүүнр болвч,
Кезэн кергт олн күүкд күргж,
Олн-олн жилдэн менд амулц йовж,
Онъдин дөрвн цагт
Өмскүлэн өмсж, өмссн өмскүлнь
Өлзэтө цаһан хаалһта болж,
Эднь элж,
Эзнь мөңкрж,
Онъдинд байрта йовтн!
Да, возглавляющие свадьбу десять человек,
А также многочисленные братья и сестры,
Во все времена сопровождайте невест,
Живите счастливо много лет,
Получайте во все времена свадебные подарки "өмскүл".
Пусть свадебному подарку будет белая дорога,
Пусть ткань изнашивается,
А имя хозяина пусть станет вечным,
Всегда живите в радости.

В адрес породнившихся родов произносили благопожелание "Худнрин йөрэл".

Не, ханьцен хойр худнр
Татв гисн тасршго,
Матив гисн матишго,
Салв гисн салшго,
Утлв гисн чилшго,
Шар тос мет хөөлцгү,
Эн шар зес мет наалднгу,
Батта сэн худнр больй!
Породнившиеся сегодня сваты,
Будьте дружными,
Чтобы рвали ваш союз — не разорвали,
Чтобы гнули его — не разогнули,
Чтобы разъединяли его — и не разъединили,
Чтобы резали его — не разрезали,
Станьте добрыми друг к другу, как желтое масло,
Пусть ваш союз будет крепким,
Как эта спаянная желтая медь.

К обрядовым действиям магического характера в свадебной церемонии относятся разбрасывание зерна, бросание серебряных монет в постель новобрачных — все эти действия должны были способствовать рождению множества детей. Не случайно одним из важных моментов в содержании йорела было пожелание: "Көнжлэрн дүүрц күүкд болтха! Хашаһарн дүүрц мал өстхэ!" — "Пусть будет у вас много детей в одеяле! Пусть в вашем загоне будет множество скота!" Счастье степняка заключалось в детях, а благополучие семьи обеспечивалось большим количеством скота.

Счастье молодоженов нужно было оберегать от дурных помыслов, сглаза, поэтому в обрядовых действиях присутствуют очистительные (огнем) процедуры, варка калмыцкого чая молодой женой как символическое приобщение к чужому роду, а также применение в церемониях жертвоприношений огню масла и жира — как символов богатства, изобилия.

Шар нарнд мөргж,
Шар нарни герлд мөргж,
Шалтг-шар уга,
Өөкэр-тосч үрсч
Насни туршарт

Өсч-өргж йовтха!
(Өөк авад, халд хайх.)
Молитесь желтому солнцу:
В лучах желтого солнца
Проживем без горя и болезней!
Пусть на протяжении вашей жизни
Не исчезают жир и масло!
(Берут жир и бросают в огонь.)

В обряде калмыцкой свадьбы среди ритуальных вещей и предметов важное место отводилось серебру. При пятом приезде родственников жениха в дом невесты, называемом "хулд өгхү", со стороны жениха привозили некоторые вещи, которыми должны были пользоваться молодые. Несколько женщин кроили и шили приданое невесте. Сшив приданое, устраивали небольшое застолье, присутствующие произносили йорелы и бросали серебряные монеты со словами: "Шин өрк-бүлин жирһл, эн цаһан мөңгилэ эдл сөөхн болтха!" — "Пусть жизнь новой семьи будет прекрасной, как эта серебряная монета!"

В романе писателя-эмигранта Санджи Балыкова "Девичья честь" воспроизведена свадьба донских калмыков. Обряд "хулд ишкхү", описанный в произведении, проводился за месяц до свадебного пира. Атрибутами обряда "хулд ишкхү" у донских калмыков были клей, белая ткань и конские жилы, которые символизировали крепость будущей семьи⁴⁶. И эти метафорические представления отражены в йореле:

Будем родственниками,
Прилипающими друг к другу, как клей,
Наши мысли пусть будут
Чисты, как белая ткань,
А данное слово пусть будет крепко,
Как конские жилы.

Пицца, напитки, употребляемые на свадьбе, также имели сакральный смысл. Характерно, что предсвадебные обряды именуются как "одно бортхо", "два бортхо", "три бортхо", то есть по количеству привозимых сватами в дом невесты кожаных сосудов с водкой, выгнанной из молока. Такая водка у калмыков также относилась к белой почетной пище — "деж".

Если родственники девушки привезенную водку выпивали, то это был признак того, что родители готовы отдать дочь замуж, это был знак обоюдного согласия. В калмыцкой фольклорной традиции сохранились йорелы, которые отразили эти этапы калмыцкой свадьбы: "Нег савин йөрэл" (Йорел на "один сосуд"), "Нурвн савд тэвдг йөрэл" (Йорел, который произносится на "три сосуда") и т. д. Желание породниться двум родам, стать сватами выражается словами "худ бэрлдх", в этом обряде породнения обговаривались все детали предстоящего свадебного пиршества. В йореле, произносившемся по этому поводу, было желание стать дружными сватами, чтобы помочь молодым построить новую семью.

В свадебном обряде донских калмыков невесту встречали по пути в дом жениха чашкой напитка "аадмг"⁴⁷.

После свадебного пира невеста должна была угостить всех белым напитком "цаган ундн", чтобы доказать чистоту своих помыслов принявшему ее роду. Она варила калмыцкий чай. Присутствующие произносили йорел невестке и сваренному ею чаю. Первая пиала с чаем преподносится родителям жениха, которые желают только что созданной семье:

Бәәх гер бәәшң болж,
Бәәх улснь бәәтхә болж,
Үүднтн татата,
Өркнь хәрүлһэтә,
Нүүхәстн тоосн бүргж,
Зуухастн утан бүргж,
Хәрин улс хажуһарн бичә давтха,
Хәрү эргж ирәд, хотан ууһад,
Идәһән эдләд һартха,
Бүүртн өлзэтә болтха!
Пусть их новый дом будет дворцом,
Пусть они живут в нем вечно,
Двери дома и дымник
Пусть будут всегда открытыми.
Пусть кочевки будут удачными!
Из их очага пусть поднимается дым,
Пусть незнакомые люди стороной не обходят дом,
Пусть будут почетными гостями, отведав молочной пищи,
Возвращаются домой.
Пусть будет благословенно ваше кочевье!

Смерть не воспринималась калмыками как завершение человеческой жизни, они верили, что душа умершего воскреснет вновь в другой плотской оболочке. Наряду с этим у калмыков существовал ряд примет, которые были предвестниками траура: если во сне выпадет зуб — кто-то из родных умрет, если увидишь во сне свадьбу — в семье будет траур, если стрижешь во сне волосы — эта примета также является предзнаменованием смерти. Эти приметы, бытующие и в наше время, являются пережитками архаического сознания.

Когда человек умирал, об этом печальном событии говорили иносказательно: "сәһән хәәж" (нашел лучшее), "цогцан сольж" (сменил тело), "насан наслж" (прожил отведенные годы). Калмыки считали, что наступила только физическая смерть, и говорили: "эмнь һарч" (выпустил дыхание). Путешествие души покойного к владыке подземного мира Эрлик-Номин-хану продолжалось по представлениям калмыков 49 дней. В этот период нельзя было выносить из дома покойника вещи, съестное, ибо дом считался грязным. Духовные лица определяли день похорон, а также похоронный ритуал.

У калмыков была примета, что в доме, где часто проливают слезы по каждому поводу, будет траур, поэтому придавалось значение сдержанности чувств и в горе и в радости, более того, калмыки считали, что проливаемые слезы на похоронах мешали продвижению души покойника.

Ритуал оплакивания умершего отражен в "Джангариаде". С. А. Козин пишет по этому поводу: "Наконец, внимательно прислушиваясь к мотивам лирических элементов поэмы, представленных в излюбленном общемонгольском жанре похвал и плачей (магтал), можно проникнуть в самые сокровенные и задушевные идеи и идеалы степняка-певца"⁴⁸.

В эпосе "Джангар" возлюбленная героя Хонгора сравнивает его с ночным сновидением и горестно восклицает:

Посредь земли не один ли ты,
Посредь веков не сирота ли ты?
Не бескрыл ли ты в своем взмывании?
Не без друзей ли ты в своем взлете?⁴⁹

Современная фольклорная традиция сохранила ряд образцов благопожеланий, звучавших в похоронном обряде. В

призывании-дайлган родственники просили покойника, чтобы тот оставил свое счастье (кишг) своим родным.

О, хөөрхн,
Цуг заячнр
Эн нерэджэх эдлврн
Нурсна шим, шүүснэ
Ур дееж өмннь тежэл болж,
Ардан кишгэн заяж,
Өөх, ичх зовлцгас гетлгж,
Хөрүл, хааһул болж йовхитн,
Эрж, сурж шүтжөнэвидн.
О, хайрхан!
Все всевышние хранители наши,
Пусть эта сытная пища
Будет всегда!
Даруйте нам счастье,
Защищайте нас от страданий,
Будьте нам защитой,
Просим Вас и молимся⁵⁰.

Обряд "гал тайлган" проводился во время прощания с покойным. Жертвенное мясо раздавали только родственникам. Характерно, что йорелы, относящиеся к поминально-похоронной обрядности, записаны и опубликованы в 1990-е годы, ранее они были вне поля зрения калмыцкой фольклористики⁵¹. В основном эти йорелы посвящены поминальной пище, по своей тематике напоминают "призывание счастья" (дайлһн). Поминки устраивали на седьмой и сорок девятый день. Совершали прежде всего символическое жертвоприношение, на домашнем алтаре перед бурханами зажигали лампаду (зул) и ставили жертвенную пищу (дееж), в которую входило мясо, борцоки, сладости. Самый пожилой участник поминок производил йорел.

Вступивший на праведную землю наш зять,
Пусть Ваша душа возродится на хорошей земле,
Пусть Ваша главная пища — "дееж"
Достигнет того, кому предназначена она,
Пусть все насытятся этой пищей,

Без сожаления отвернитесь от нас,
Достигните желаемой страны,
А своим оставшимся на земле родственникам,
Многочисленным внукам и правнукам
Оставьте свое счастье,
Даруйте им свое счастье.
Пусть Ваша душа достигнет рая,
Минув черный там-подземелье,
И воплотится в ваших родственниках.

Главным пожеланием умершему было пожелание, чтобы душа покойника достигла рая (таралцгин орн) или в дальнейшем воплотилась в ком-нибудь из родных.

На 49-й день совершали жертвоприношение огню. Для этого обряда заворачивали баранью голову во внутренний жир и сжигали, держа ее над огнем.

Хайрхан! Огненная Окон-Тенгри,
Спаси нас от огня кальпы,
Наш умерший старец,
Пусть Ваша душа достигнет рая,
Этот запах пусть достигнет
Вас и будет Вам пропитанием.
Пусть не будет от Вас тачала,
Возьмите с собой все болезни
И несчастья своих родственников.
Об этом мы молимся!
Хурей! Хурей! Хурей!

В йореле получило отражение суеверное представление о "тачале", когда покойник, обладая мистической силой, может увлечь всех за собой, и потому калмыки относились осмотрительно к местам погребений. Знахари или духовные лица при обращении к ним за помощью говорили часто болеющему человеку — "тачалта". Тогда заболевший должен был пройти через охранительные обряды, обратившись в хурул. В современной похоронной обрядности используют только одну строку из йорела: "Сэн орнд тэртхэ!" — "Пусть его душа достигнет хорошего места!" [Полевые записи автора, 1984 г.]

В калмыцкой фольклорной традиции сохранились йорелы,

посвященные найрам (праздникам). Найры (нээр) калмыков имели сезонную приуроченность и связь с хозяйственными работами. Это праздники по случаю начала дойки кобылиц и изготовления кумыса, найр по случаю изготовления войлока, по случаю заготовки мяса впрок. Характерно, что найры всегда устраивались в помещении, на них произносились благопожелания, исполнялись протяжные песни. Традиции найра не должны были нарушаться его участниками.

В быту калмыков большое значение придавалось употреблению молочных и мясных продуктов. И. Житецкий отмечает: "Весь год, по преобладанию того или другого вида пищи, можно разделить на три сезона: весенне-летний, когда, благодаря обилию кормов, в калмыцких семьях было обилие молока, и тогда преобладает молочная пища; второй — с конца лета и до осени: недостаток молока заменяется мясом; и наконец третий период — зимний, в который преобладают в пище мучные продукты"⁵².

В конце лета и начале осени калмыки заготавливали на зиму молочные продукты, видов которых было множество — это "тосун", "бозо", "шюрмюк", "эре", "хурсун", "чигян", "арька" и т. д.

"Шюрмюк" и "хурсун" (виды сушеного творога) могли сохраняться весь год и служили зимой повседневным питанием, они хорошо разваривались в воде. "Хоормек" (высушенная творожная масса с молоком) был пищей для детей.

Одним из популярных молочных продуктов был кумыс, который в питании калмыков занимал особое место в период с мая по сентябрь.

Калмыки употребляли кумыс и как лечебное средство от легочных заболеваний. Различали "чигян" — коровий кумыс, "гунын чигян" — кобылий кумыс. Кумыс являлся также важным элементом в обрядовых церемониях, как и молоко, он принадлежал к "цаган идян" — белой пище. При первых ударах грома калмыки кропили молоком, кумысом или молочным чаем кибитку, обходя ее по ходу солнца. Эти ритуальные действия должны были увести молнию от их жилья в другую сторону.

В начале осени калмыки несколько дней отводили производству войлока, который шел на покрытие кибиток, на кошмы. Войлок валяли не один день, это был весьма трудоемкий

процесс, в котором участвовало несколько человек, обычно они были из одного хотона. Если же посторонний видел изготовление войлока, он должен был произнести йорел: "Чтобы войлок ваш был плотным и прочным, без изъяна", — предварительно взяв из рук молодой женщины пук шерсти⁵³. Он же должен был даровать деньги, и на них покупалось угощение. Когда войлок был готов, устраивали найр для участников выделывания войлока. Чай, распиваемый по этому поводу, назывался "ишкэн цэ" ("войлочный чай").

Как известно, из мяса приготавливалась разная пища: это бульон — "шулюн", порезанное на мелкие кусочки мясо "ишксн махн", жареное мясо "хуурсн махн", "борцо" — сушеное мясо, сберегаемое в толстых мешках из верблюжьей шерсти.

К бараньим внутренностям (дотур) относились сердце, легкие, печень, почки, желудок, толстые и тонкие кишки. Обычно приготовление внутренностей лежало на плечах женщин. Приготовленное из них блюдо тоже называлось дотур и было любимым национальным кушаньем. Когда дотур был готов, на него приглашали родственников, знакомых, причем почки отдавали мальчикам, чтобы они были храбрыми. Во время трапезы гости произносили благопожелания в адрес семьи по поводу угощения их дотуром.

Пусть ваша семья
Будет богата скотом,
Пусть сбудется все задуманное вами,
Пусть по пальцам руки льется жир,
А по лицу льется пот,
Пусть увеличивается из года в год
Ваша отара овец,
Пусть не иссякнет ваша доброта,
Пусть дотур нам станет аршаном —
Божественной пищей!

При приготовлении мяса и его употреблении руководствовались рядом запретов, примет. Например, вареную лопатку отдавали старикам. Щелчком пальцев о лопатку измерялась сила — действительно сильный человек должен был ее проломить. На бараньей лопатке гадали, какой будет зима — теплой или холодной⁵⁴.

К почетному угощению "деж" относится голова барана. Когда поедали голову барана, то оба глаза должен был съест один человек, иначе, полагали, он станет одноглазым⁵⁵.

Осенью калмыки заготавливали мясо на зиму. Они знали очень много способов сохранения мяса — и прежде всего это копчение и сушение. Мясо сушили в жаркие дни, разрезая на тонкие ленты, коптили мясо в зимних условиях. Все участники заготовки мяса на зиму собирались на пиршество, во время его произносили благопожелания.

Во все времена,
И даже снежной зимой,
Будем жить без бедствий и болезней,
Среди трав зеленых,
У студеного родника.
Пусть будет всего в изобилии,
Мясо, поданное нам,
Пусть будет нам аршаном!

Церемония приготовления водки из молока также носила обрядовый характер и связана с легендами и преданиями. В частности, с образом Чингис Богдо-хана связан обряд "эркин долан цацл"⁵⁶. Обычай кропления водкой впервые появился во время правления Чингис-хана. Однажды Чингис-хан стал размышлять о полезности питья водки (араки). Собрал он при своем дворе трех человек — слепого, безрукого и хромого — и дал им выпить араки. После того как мужчины выпили араки, они стали драться и ругаться, невзирая на присутствие Чингис-хана. И несмотря на свои увечья, каждый из них, выпив водки, возомнил себя здоровым человеком. Посмотрел Чингис-хан на чудачества этих трех калек и решил, что надо запретить питье водки. Перестали тогда перегонять молоко на араку, и вместе с этим исчезли многие молочные продукты, получаемые при перегонке, и начался голод.

Однажды Чингис-хан решил совершить объезд своих кочевий и зашел, скрыв свое имя, в одну бедную кибитку, где жили старик со старухой. Увидел Чингис-хан, что, несмотря на запрет производства араки, эти двое перегоняли ее, а закончив выгонку, стали совершать обряды кропления (цацал). Пятое кропление водкой старики посвятили Чингис-хану, чем обра-

довали его. И сказал Чингис-хан: "Пусть этот крепкий напиток станет аршаном и продуктом для пропитания".

В обряде кропления водкой главным был ведущий этого обряда — виночерпий, который пользовался специальной чашечкой (цокц) и ложкой (цацур).

Первый цацал посвящался духу огня, в обращении виночерпия выражалась просьба к нему о спасении людей от стихий и бедствий.

Второй цацал был обращен к всевышним божествам с просьбой о счастье и их покровительстве над людьми.

Третий цацал посвящался Белому Старцу (Цаһан Өвгн), чтобы он защитил людей от страданий.

Четвертый цацал был посвящен умилоствлению душ умерших предков.

Пятый цацал обращен к Чингис-хану Богдо.

А, хөөрхн!

Чингис хаана сүүр өнр-өргн болж,

Нутг-нурһнь төвкнүн бөөж,

Билгтө-бахта маниг бөөлһж,

Идэн-чигэн хотын дееж бөрж,

Олн эмтн маниг төвкнүн,

Байрта бөөлһж,

Бөөхитн тана, Чингис Богд хаана сөкүснэс эрж,

Мөргж суржанавидн.

А, хайрхан!

Пусть власть Чингис-хана распространится,

Нутук пусть живет в благополучии и спокойствии,

Пусть будет молочная пища почетной пищей,

Будем молиться, чтобы нам покровительствовал

Дух-хранитель Чингис-хана.

Шестой цацал был посвящен посуде (хавхг), с помощью которой перегонялась водка (эрк) из молочного продукта "чигэн".

Седьмым цацалом кропилась дверь (тотх), которая в йореле именуется как "алтн босх" ("золотые ворота").

Ритуальная церемония питья водки описана И. Житецким, который упоминает в своем описании предметы — атрибуты обряда: жертвенная чашка "төклин цөгц", жертвенный стол "төклин ширэ"⁵⁷. Первое благопожелание с кроплением очага

обращено к Галын Окон-Тенгри: "Пусть милует нас Огненный Окон-Тенгри". Второй йорел посвящен небесным божествам: "Пусть милуют нас боги!" Третье благопожелание и кропление водкой — цацл — посвящены двери: "Пусть у двери лошадь стоит в седле постоянно". Четвертый йорел (с кроплением "хавхг" — затычки для котла с аракой) гласит: "Чингис Богдо хаана сэкүсн өршөж". — "Пусть милует нас хранитель Чингис Богдо хана". Пятую чашку с водкой подносят почетному гостю. Питье начиналось с мужского ряда, затем продолжалось в ряду женщин. Каждый из пьющих должен стремиться произнести йорел — благопожелание.

Калмыцкий ученый просветитель Номто Очиров в дневниках путешествий по калмыцким улусам, совершенных им в 1909—11 годах, описывает обряд питья водки, состоящий из различных ритуальных действий. Маленький котел ставится у очага, мужчина черпает оттуда цацуром — черпалкой для водки, брызгает сначала в огонь, потом льет жидкость на глиняный конус, где находится кислое молоко, потом произносится йорел. Номто Очиров говорит о пятикратном кроплением водкой и пятикратном произнесении благопожеланий — йорелов⁵⁸.

На праздник Зул произносили йорел чаю, который именовался как "улан зандн цэ" — сандаловый красный чай. Согласно народному преданию, сандаловый красный чай излечил от недугов Дзонкаву, с именем которого связаны религиозные реформы. Выздоровел он, по преданию, двадцать пятого числа в месяц празднования Зул.

В честь своего выздоровления Дзонкава распорядился к своему возрасту прибавить еще один год. В честь выпитого чая на празднике Зул произносили благопожелание⁵⁹.

Жил болһн
Зул, Цаһаһан кеж,
Зункван аршанд күртж,
Зурһан зүүл хамг әмтнә хормад багтж,
Зу наслцхай!
Ежегодно празднует Зул и Цаган Сар,
Пробуя аршан Дзонкавы,
Вместе со всеми людьми,
Со всех шести сторон света,
Проживем сто лет!

Чай относится к "цаһан идән" — молочной пище, и к нему у калмыков было особое отношение. "Дееж" (почетное угощение) из утреннего чая предназначалось бурханам.

С давних пор у калмыков существует пословица, в которой восхваляются достоинства чая.

Цә шиңгн болв чигн
Идәни дееж болдг,
Цаасн нимгн болв чигн
Номин кәлгн болдг.
Чай, хоть и прозрачен,
Он почетное угощение,
Бумага, хоть и тонка,
Но передает знания.

Образец "Цә шиңгн болв чигн, идәни дееж болна" С. А. Козиным именуется "магталом" (похвала), чай представляется монгольским кочевникам как главный напиток и "первенец всякой пищи"⁶⁰.

Как и при питье кумыса или араки, у калмыков существовал определенный ритуал распития чая. Первая порция утреннего чая предназначалась бурханам, его наливали в специальную чашку "деежин цөгц", по истечении дня чай выпивали. Приглашая в гости, обычно говорили: "Приходите к нам на чай". Первая пиала чая предназначалась старшему по возрасту, затем угощали сидевших рядом. Каждый традиционно произносил йорел в честь хозяина дома или по поводу приглашения в гости (день рождения ребенка, новоселье, праздник и т. д.), причем перед произнесением йорела нужно было безымянным пальцем правой руки произвести цацал (кропление) божествам. Чаем, как кумысом, кропили кибитку при первых ударах грома, обходя ее вокруг по ходу солнца, а затем оставшийся чай выпивался всеми участниками умиловительного обряда.

Среди благопожеланий, относящихся к хозяйственной деятельности, следует отметить тексты, посвященные охотникам, скотоводам, чабанам.

Среди образцов, связанных с архаическими культами, которые сохранились в калмыцком фольклоре, большой интерес представляют тексты, относящиеся к промысловому культу.

Сохранились отдельные благопожелания, заклинания, с которыми обращались к окружающей природе охотники, чтобы им сопутствовала удача. Горы, степь, животные, на которых они охотились, имели своего покровителя — хозяина ("эзен"). При церемонии проводов охотника на промысел присутствующие желали ему удачи, хорошей добычи. Объектами охоты являлись степные животные: волк, лиса, сайгак.

На высокие горы,
На просторы степей,
Молодец, выезжающий на охоту
На диких зверей,
На быстроногих сайгаков,
Пусть с тороками полными вернется!
Пусть пальцы будут крепкими,
Пусть руки будут меткими,
Пусть глаз будет остер!⁶¹

Присутствие такого рода йорелов, заклинаний свидетельствует о вере человека в магию слова. В охотничьих обрядах нашли отражение и древние тотемистические представления.

Некоторых птиц и животных калмыки наделяли магическими свойствами. Ворон (керэ) был птицей-тотемом, но в то же время калмыки боялись его связи с потусторонним миром, боялись карканья и в этом случае приговаривали: "Сэ кел!" — "Говори только хорошее!"⁶². Существовало табу на стрельбу в ворона, а если охотник все-таки выстрелил в него, то считалось, что охотник осквернил ружье.

Нельзя было охотиться на лебедей (хун), но если охотник все же подстрелил птицу, он должен был сказать заклинание: "Я стрелял в тебя по приказу моего нойона (или зайсанга)!" Имя владельца надо было произнести вслух⁶³. Добыча лебедя была связана с архаичными ритуалами: его мясо имела право есть только родовитая знать. С убитым лебедем обращались как с почетным гостем, украшали его красивой уздечкой, помещали на красной стороне юрты. Охотник, убивший лебедя и принесший его в дар зайсангу или нойону, одаривался конем⁶⁴. У якутов при убийстве рыси также "надевали на шею зверю серебряное ожерелье"⁶⁵.

По народному поверью проклинаящей способностью обла-

дают журавли. Имелся ряд оберегов против заклинаний журавля — пролетающую стаю, к примеру, обрызгивали водой. Калмыки называли журавля птицей с черным языком "хар келн тоһрун". Существовала примета — убийство одного птенца журавля приравнивалось к убийству благодетельного гелюнга. Журавлиное пение, их повадки отражены в протяжных песнях "ут дун" ("Тоһруна дун") и в танцах ("Тоһруна би").

Нельзя было стрелять в сайгаков, если они стоят сгрудившись: согласно калмыцким поверьям, в такой кучке может невидимо находиться Белый старец — хозяин (эзен) всех животных и земли⁶⁶.

В йорелах, посвященных охотнику, встречаются древние выражения: "Һанзаһа", "Һанзһн улан болтһ" — "Пусть будут полны твой торока", "Пусть тебе сопутствует удача".

Словосочетание "Һанзһ улан" (полны торока) имеется в калмыцком трехстишии ("орчлнҗин һурвнтс") "Что есть в мире три красных" в первой строке: "Красны торока хорошого мужчины", — говорящей о том, что у достойного мужчины должна быть хорошая добыча⁶⁷. У монголов сохранилась трудовая песня "Песнь тороков", в которой выражена мечта охотника о богатой добыче и которая первоначально была заговором⁶⁸.

С ружьем была связана примета: если охотник подстрелит животное или птицу, то он должен был смазать дуло ружья кровью убитой дичи в целях еще большей удачи на охоте. Характерно, что в монгольском фольклоре сохранился образец "Буугийн тарни", напоминающий магтал (восхваление)⁶⁹.

Бийнь арслнҗин мет,
Дунь лууһин ду мет,
Һалнь лууһин цэкһлһн мет!
Ружье — как тело у льва,
Звук его — как голос у дракона,
Огонь — как молния у дракона!

Калмыки, занимавшиеся рыбным промыслом, также исполняли отдельные обряды в целях удачной ловли. Перед тем как начать лов, они приносили жертву "лусын хану" — хозяину водного мира — с заклинаниями, приносили ему

дары, бросали в воду серебряные монеты, умиловливая его. Магической силой, по представлениям калмыков, обладал саван, его большое недовольство могло быть вызвано тем, что его рот съедала женщина. Бытовала примета: если голову сазана съест женщина — не будет улова. Если был плохой лов, то пойманную рыбу в целях умиловливания хозяина водоема бросали назад в воду как жертву.

Хозяйственные традиции — важнейший элемент культуры этноса. Разрушение хозяйственной культуры влечет за собой исчезновение домашних промыслов, а также упадок в сфере обрядов, фольклора. Несмотря на переход кочевников-калмыков к оседлым формам хозяйствования, в быту сохранились элементы скотоводческих традиций и фольклора, в частности, благопожелания скоту, его молодняку. Йорелы содержат добрые пожелания человеку и его семье, выращивавшим скот, которого было четыре вида, как и у других монгольских народов.

Всех четырех видов скота
Пусть будет множество,
Пусть будет многочисленным
Приплод телят и ягнят,
Пусть будет обилие
Молока и масла,
Пусть овцы дают много шерсти,
Пусть их хозяева живут в добром здравии,
Пусть становятся богаче изо дня в день,
Живите долго и счастливо.

Как известно, в калмыцких степях была разведена своя порода крупного рогатого скота, приспособленного к местным условиям и отличавшегося хорошим качественным мясом и привесами. Этот скот, по мнению специалистов, калмыки привели с собой из Джунгарии, на берегах Волги порода была улучшена кропотливым трудом скотоводов. Скот калмыцкой породы в благопожеланиях называется "хальмг тохм"⁷⁰. В йореле перечислены виды скота, разводимые в современной Калмыкии: "сүүлтэ хэд" (курдючные овцы), "темэд" (верблюды), "мөрд" (кони), "үкрмүд" (коровы). Йорелчи призывает к тому, чтобы количество четырех видов скота не убавля-

лось, а покрыло всю степь ("тег буркг болтха!"). И в этом он просит покровительствовать само небо и буржанов ("теңгр бурхн евэтхэ!").

Сведения о том, что калмыки, кроме скотоводства, занимались земледелием, отражены в загадке. Созревший хлеб на корню в представлении степняков выглядит следующим образом:

На качающемся дереве 80 тысяч ветвей,
На каждой ветви — гнездо,
В каждом гнезде — птенец.

В другой загадке хлеб изображается как живое существо с настороженными ушами и выпученными глазами⁷¹. В фольклорной традиции калмыков сохранились песни, исполнявшиеся на сенокосе, и песни о сборе пшеницы, овса и горчицы. Для того чтобы посевы хорошо росли, калмыки использовали множество заклинаний, вызывающих дождь⁷².

Хур-хур, нааран йов,
Хуцын махн, нааран йов,
Мёндр-мёндр, цааран йов,
Мөрнэ махн, нааран йов!
Дождь-дождь, иди сюда,
Голова барана — туда,
Град, град — отсюда,
Голова лошади — сюда!

В йорелях звучало пожелание хорошей погоды, хорошего травостоя, урожая.

У-өргн тег
Усн-ундар девртхэ!
Урһмл-өвсн тэрэн шавшж,
Уух-идхэрн байжултха!
Пусть широкая степь
Насытится водой,
Пусть привольно растет трава,
Пусть зреет богатый урожай,
Чтобы мы были богаты едой!

В одном из образцов йорела посаженным посевам, чтобы урожай был богатым, за покровительством обращаются к Будде Падме-Самбхаве. [Информатор Н. М. Дандырова.]

Земледельческие обряды в калмыцком фольклоре по сравнению со скотоводческими составляют малое количество, но сохранившиеся образцы свидетельствуют о том, что земледелие в той или иной мере было распространено у калмыков под влиянием русского крестьянства.

Йорелы сопровождали не только большие обрядовые празднества, свадебные действия, производственные и охотничьи обряды, но и произносились при исполнении традиционных ритуалов, которые бытовали у калмыков.

Сборы в далекую дорогу — важный момент в жизни кочевника-скотовода. У калмыков существовал определенный ритуал отправления в путь — так называемые "дорожные обряды". Перед тем как пуститься в путь, человек готовил угощение, собирал в своем доме близких и знакомых, этот обряд назывался "нөөрөн өгх" — "отдавать сон"⁷³. Считалось, что вместе с подарками и угощением отъезжающий раздает всем сон, чтобы он не мешал ему в дороге. Гости произносили благопожелания и желали уезжающему счастливого пути.

Хаалһтн йовудта болтха!

Сансн санантн күцтхә!

Пусть Ваша дорога будет удачной!

Пусть задуманное Вами сбудется!

Выходя из дома, путник говорил следующие слова: "Менд бөөтн! Эрүл менд үзлций" — "Живите в здравии! Встретимся в будущем в здравии!"

После отправки в путь одного из членов семьи в доме должны были придерживаться определенных запретов — не выносить из дома золу, молоко, огонь, чтобы дорога была благополучной.

Приведенное выше благопожелание относится к так называемым "ахр йөрэл" — кратким благопожеланиям. Однако в калмыцкой фольклорной традиции бытуют и более крупные образцы йорелов, произносящиеся во время этого ритуала.

Санси санантн күцж,
Сәксн үүлтн бүтж,
Күүнд келүлл уга,
Нохад хуцулл уга,
Мөңгн хаалһар йовж,
Алтн жола эргүлж,
Амр тавта,
Маңна тиньгр,
Мөрнөннь чикнд
Нар урһаж,
Менд амулиц ирцхэтн!
Пусть замыслы ваши исполнятся,
Задуманное дело пусть свершится.
Чтобы никто плохих слов вам не говорил,
Чтобы не лаяла ни одна собака на вас,
Поезжайте по серебряной дороге,
Золотые поводья повернув,
Возвращайтесь назад
В спокойствии и благополучии, так,
Чтобы на ушах ваших коней
Сверкало солнце!

Дорога в йореле называется "мөңгн хаалһ" (серебряная дорога), "алтн хаалһ" (золотая дорога). Выражение "алтн жола эргүлэд ир" (золотые поводья повернув, приезжайте) встречается в поэтической системе эпоса "Джангар". Характерно, что в героическом эпосе "Джангар", где каждая из песен посвящена дорожным приключениям богатыря, произносятся йорелы с пожеланием герою счастливой дороги. Этот тип йорела носит название "лотосоподобный", и говорит его обычно отправитель богатыря в путь — почтенный старец.

Йовсн үүлэн номин йосар күцэж,
Алтн жола эргүлэд,
Алдр нойн Жаңһрин
Шар цоохр бээшцгин
Хашр мөңгн үүднд ирж буух бол!
Исполни свои дела
Как положено,
Приезжай назад в желто-пестрый дворец,
Повернув золотые поводья,
Подъезжай к нефритово-серебряным дверям
Славного Джангар-хана⁷⁴.

В героическом эпосе ойратов отправление в дальнюю дорогу — также определяющий момент в дорожных приключениях героя-богатыря. При отправке в путь богатырю дают советы, дарят богатырское снаряжение, произносят благопожелания, предупредив юного трехлетнего богатыря об опасностях в пути. Йорел старца-аксакала по своей тональности звучит как предупреждение: "В далекой чужой стране береги дорогого богатырского коня! Коль встретишь крепкого врага-неприятеля, бейся с ним стойко, непоколебимо! В далекой пустынной стране береги мудрого боевого коня!"⁷⁵

Сбор в дорогу всегда сопровождался напутствием-благопожеланием, ибо это был выход в чужой мир, где человека могли ждать разные происшествия и препятствия. Существовал ряд примет и табу, которые должен был соблюдать путник: нельзя было трогать любые предметы, встретившиеся в пути, особенно лежащие поперек дороги — это могло послужить препятствием ему в делах. В основе этой приметы лежит магия подобия — предмет, лежащий поперек дороги, способствует тому, что и дела у путника пойдут поперек его мыслям, поэтому этот предмет нужно было обойти стороной. Нельзя было перешагивать через веревку, иначе все дела перепутаются, словно веревка. Также нельзя было подбирать предметы, лежащие на дороге, так как по представлениям суеверных людей они могут принадлежать хозяину подземного мира Эрлик-Номин-хану. Если человек нарушал запреты, это было предвестием неудачи.

Духу — хозяину дороги приносились в пути жертвы. Если на пересечении дорог встречалось развесистое дерево, то путник должен был слезть с коня и повесить на дерево ленточку, если на его пути встречалось "обо" (возвышенность), то он должен был положить на кучу камней свой камень⁷⁶. В дорогу человек отправлялся в благополучный день, предварительно сверившись с калмыцким лунным календарем и посоветовавшись с духовным лицом.

У калмыков был свой неповторимый обычай гостеприимства, который состоял из различных ритуалов. Прием гостей — это, прежде всего, устройство угощения, пира, который сопровождался питьем чая, водки и произношением йорелов. В честь пришедших гостей произносили благопожелания.

Ирсн мана күндтэ гиичнр
Кезэ чигн магна тиньгр,
Махлань хооран,
Ут наста,
Бат жирһлтэ болж,
Онъдип гиичд йовж,
Оли өмскүлэн өмсч,
Амулц-менд бээхиг
Деедс оли буржд,
Аав-ээжин сәкүсн өршөтхэ!
Пришедшие к нам уважаемые гости,
Будьте всегда спокойны, беззаботны,
Живите долго,
Пусть счастье Ваше будет крепким,
Пусть Вы будете желанными гостями,
Мы просим обо всем хорошем
Всех бурханов и прсдков-храшителей!

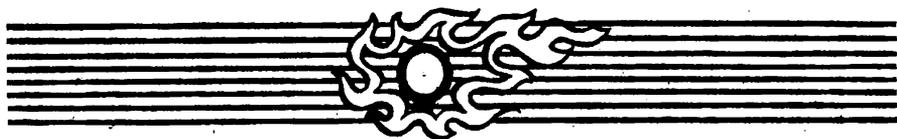
Когда гости уезжали, им делали подарки "өмскүл". Почетным гостям принято было преподносить одежду с воротником, вручая подарки в виде отреза ткани или одежды, их встряхивали три раза и называли имя того человека, которому они были предназначены. В честь врученного подарка произносили благопожелание.

Пусть подаренный Вам "эмскүл"
Будет вечным.
Пусть Вы спосите много одежды,
Пусть изнаосится ткань,
А имя хозяина пусть будет вечным!
Ежегодно будем получать подарки,
Об этом просим всевышних бурханов,
Пусть они помогут нам!

Исходя из вышесказанного следует отметить, что благопожелания как жанр магической поэзии в калмыцком фольклоре не являются застывшей формой, а бытуют в современной фольклорной традиции, сопровождая те или иные обряды и обрядовые действия. В современном бытовании, когда более совершенная традиционная структура йорела утратилась, в

большом употреблении наряду с йорелами находится ”ахр йөрэл” — краткий йорел, сходный с ”благодатным словом” монгольского фольклора — ”бэлэг дэмбэрлийн үг”. Как жанр народного творчества йорелы любимы народом, и до сих пор встречаются знатоки йорелов, но уже речь будет идти не об устной передаче благопожеланий из уст в уста, а о письменном распространении — из газет, журналов, книг, где печатаются образцы, наиболее совершенные в художественном плане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы усилился интерес к изучению всех фактов, которые имеют отношение к народной культуре, в частности к фольклору, ко всем его жанрам. Без детального изучения и воспроизведения всех жанров калмыцкого фольклора невозможно представить в полном виде систему устного народного творчества монгольских народов, бытующего в разных фольклорных традициях, способных дополнить друг друга.

Круг вопросов, поднятых в данной работе, — это анализ фольклорных жанров магической поэзии, их роль в обрядах и обрядовых действиях, а также их публикация. В дальнейшем возможно сравнительное их изучение наряду с подобными жанрами, бытующими у других монгольских народов. Тексты магической поэзии рассмотрены в контексте комплекса сопутствующих элементов — обряда и обрядовых действий лечебной магии, бытовых и календарных обрядов. Мы наблюдаем, что у калмыков сохранились жанры и ритуальные действия, характерные для их древней традиционной культуры.

В каждом разделе, посвященном одному жанру магической поэзии, отмечена его специфика, особенности бытования в современной традиционной культуре калмыков и степень сохранности. В связи с изучением жанров магической поэзии, куда отнесены благопожелания, заговоры, приметы, песни-заклинания и проклятия, восстанавливается система обрядовой культуры калмыков, которая была неполноценна без текстов, сопровождавших обряд. Обрядовая система калмыцкого народа, как и фольклор, ему сопутствующий, — это живой организм, выпадение даже одного элемента влечет гибель всей системы в целом.

Магическая поэзия калмыков обнаруживает генетические и культурно-исторические связи с фольклором других кочевых народов.

Изучение культурного феномена народа, публикация и изучение фольклорных памятников от малых жанров до эпи-

ческого творчества дают возможность выявить древние пласты культуры и их влияние на современность. Без изучения архаического фольклора невозможно воссоздание всех духовных ценностей народа.

В магической поэзии калмыков отражены древние религиозные представления, вековые моральные ценности, этический и эстетический кодекс народа. Реконструкция жанров магической поэзии, сопровождавших обряд, — первая ступенька в изучении всей обрядовой системы калмыков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

В в е д е н и е

¹ *Лиджиева Б. Б.* О фольклорно-диалектологической экспедиции 1962 года // Записки КНИИЯЛИ. Элиста, 1964. Вып. 3. С. 124—128; *Дорасва Р. П.* Фольклорно-диалектологическая экспедиция 1970 года // Ученые записки КНИИЯЛИ. Серия филол. Элиста, 1973. Вып. 11. С. 214—216; *Овалов Э. Б.* Источник таланта // Хальмг үнн. 1977. 26 нояб.; *Оконов Б. Б.* Фольклорная экспедиция 1967 года // Ученые записки КНИИЯЛИ. Элиста, 1969. Вып. 7. С. 225—230.

² Хальмг поэзин антолог. Хураңһу (Цуглулад барт белдснь Калян С., Мацга И., Санган Л.). Элст, 1972.

³ *Михайлов Г. И.* Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1972. С. 19.

⁴ *Шаракшинова Н. О.* Бурятское народное поэтическое творчество. Иркутск, 1975. С. 87.

⁵ *Гаадамба Ш., Церенсодном Д.* Монгол ардын аман зохиол дээж. Улаанбатар, 1978. С. 85—87.

⁶ *Михайлов Г. И.* Указ. соч. С. 21.

⁷ Там же.

⁸ *Душан У.* Обычай и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнограф. сб. Элиста, 1976. С. 45—88; Эрнжэнэ К. Цең булг. Элст, 1980; Эмд булг: Ц. Джаргаеван репертуарас. Элст, 1993.

⁹ Жаңһр. II боть. М., 1979. 45—46 х.

¹⁰ *Очиров Н.* Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд "хара келе утулган" у калмыков // Живая старина. 1909. Вып. 2—3. Т. 18.

¹¹ *Владимирцов Б. Я.* Образцы монгольской народной словесности (Северо-Западная Монголия). Л., 1926. С. 5—6.

П р и м е т ы

¹ *Зеленин Д. К.* Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма. Л., 1934. С. 34.

² *Душан У.* Хальмг улсын йорлһн, сежлһн болн му бэрц. М., 1931; Эрнжэнэ К. Цең булг. Элст, 1972; *Эльдшэ Э.* Долан тоһрун. Элст, 1997. С. 84—86.

³ *Душан У.* Указ. соч. С. 32.

- ⁴ Информатор Бовуш Пюрвеевна Амбекова, 1922 г. р. проживает в г. Элисте.
- ⁵ Архив КИГИ, фонд Номинханова, ед. хр. 4, 5.
- ⁶ *Кичгэ Төлө, Эсрэ Нина*. Оюн түлкүр. Элст, 1997. 29 х.
- ⁷ *Зеленин Д. К.* Указ. соч. С. 28.
- ⁸ *Очиров Н.* Йорелы, харалы и связанный с последним обряд "хара келе утулган" // Живая старина. 1909. Вып. II—III. С. 84—87.
- ⁹ *Джинцанов М. Б.* Год свињи // Известия Калмыкии. 1996. 19 окт.
- ¹⁰ *Беннигсен А.* Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912. С. 153—154.
- ¹¹ *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста, 1997. С. 69.
- ¹² Информатор Дорджи Нандышев, 1957 г. р., пос. Кетченеры Кетченеровского р-на.
- ¹³ *Душан У.* Указ. соч. С. 85.
- ¹⁴ *Джангар* / Пер. С. И. Липкина. Элиста, 1980. С. 143.
- ¹⁵ Монголо-ойратский героический эпос. Пг.-М., 1923. С. 48.
- ¹⁶ *Душан У.* Указ. соч. С. 88.
- ¹⁷ Сагдр ээжин туульс / Предисл. и сост. Т. Г. Борджановой. Элиста, 1989. 52 с.
- ¹⁸ *Борджанова Т. Г., Бурыкин А. А.* Калмыцкие стихотворения-приметы (шинж) и их параллели в фольклоре народов Сибири // Филологический сб. Памяти В. Ц. Найдакова. Улан-Удэ, 1998. С. 82—88.
- ¹⁹ Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс. Элст, 1960. С. 88, 90, 102.

З а г о в о р ы

- ¹ *Шаракшинова Н. О.* Бурятское народное поэтическое творчество. Иркутск, 1975. С. 82—86.
- ² *Гаадамба Ш., Самнилдэндэв Х.* Монгол ардын аман зохиол. Улаан-баатар, 1978. 68—80 х.
- ³ Жаңһр. Элст, 1978. 45 х.
- ⁴ Монгол-орос толь. М., 1957. С. 513.
- ⁵ *Козин С. А.* Гесериада. М.-Л., 1935. С. 15.
- ⁶ Там же. С. 15.
- ⁷ Калмыцко-русский словарь. М., 1977. С. 487.
- ⁸ *Душан У.* Обычай и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнограф. сб. Вып. 1. Элиста, 1976.
- ⁹ Монгол ардын аман зохиолын дееж. Улаанбаатар, 1978. 102—105 х.
- ¹⁰ *Эрнжэнэ К.* Цецн булг. Элст, 1980. 175 х.

- ¹¹ *Амур-Санан А. М.* Мудрешкин сын. Элиста, 1987. С. 16.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Батуева И. Б., Зориктуев Б. Р.* Скотоводство и скотоводческие традиции у бурят // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 92.
- ¹⁴ Эмд булг: Ц. К. Джаргаеван репертуарас / Барт белдсн Н. Ц. Биткеев. Элт, 1993. 78 х.
- ¹⁵ Там же. 82 х.
- ¹⁶ *Эржжөнө К.* Указ. соч. 178 х.
- ¹⁷ Там же. 160 х.
- ¹⁸ *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М., 1955. С. 77—78.
- ¹⁹ Записано от К. Б. Боковой, 1917 г. р., архив автора. Запись 1990 г.
- ²⁰ *Доржин Б.* Чик хаалһ. Элт, 1966. 78 х.
- ²¹ *Эржжөнө К.* Палан хадһл. Элт, 1973. 16 х.
- ²² *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958. Т. 3. С. 16.
- ²³ Калмыцкие сказки. Элиста, 1962. С. 82.
- ²⁴ *Лэринш А.* О монгольской мифологии // Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. I боть. Улаанбаатар, 1973. С. 251.
- ²⁵ Записано от Эрдни-Горяева М. Э.-Г., 1923 г. р. Элиста, архив автора.
- ²⁶ Арван гурван хулгийн дун. Улаанбаатар, 1987. 123 х.
- ²⁷ Архив КИГИ, ф. № 8, ед. хр. 25.
- ²⁸ Записано от Муниевой Д. Х., 1928 г. р., пос. Тугтун Кетченеровского р-на, Республика Калмыкия. Архив автора, запись 1987 г.
- ²⁹ *Дугаров Б. С.* О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 90—101.
- ³⁰ *Зориктуев Б. Р.* К истории рода хухыд // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 134—172.
- ³¹ *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. С. 158.
- ³² *Эрдниев У. Э.* Из калмыцкой этнонимии // Церенов В. Эркетени. Земля и люди. Элиста, 1997. С. 63—65.
- ³³ *Номинханов Ц. Д.* Об этническом составе донских калмыков // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 7. Сер. филол. Элиста, 1969. С. 62.
- ³⁴ Записано от Муниевой Д. Х., 1928 г. р., п. Тугтун Кетченеровского р-на, Республика Калмыкия. Архив автора, запись 1987 г.
- ³⁵ *Васькин С.* Необыкновенные приключения Мазан Батора // Известия Калмыкии. 1997. 18 июня. № 123.
- ³⁶ *Эржжөнө К.* Указ. соч. 18 х.
- ³⁷ *Душан У.* Обычай и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнограф. сб. Вып. I. Элиста, 1976.

- ³⁸ Эрнжөнө К. Указ. соч. 48 х.
- ³⁹ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. СПб., 1883. С. 262.
- ⁴⁰ Эрнжөнө К. Указ. соч. С. 45.
- ⁴¹ Записано от Бамбышевой А. Д., проживает в пос. Большой Царын Октябрьского р-на, Республика Калмыкия. Архив автора, запись 1984 г.
- ⁴² Душан У. Указ. соч. С. 13.
- ⁴³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 122.
- ⁴⁴ Жаңһр. Элст, 1978. Т. I. 232 х.
- ⁴⁵ Потапов Л. П. Материалы по этнографии тувинцев районов Моонгун Тайги и Кара-Коля // Тр. Тувин. комплекс. археолого-этнограф. экспедиции. Т. I. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.-Л., 1960. С. 174.
- ⁴⁶ Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1975, С. 158.
- ⁴⁷ Записано от Б. Манджиковой. Архив автора, запись 1980 г.
- ⁴⁸ Монгол ардын аман зохиолын дееж. Улаанбаатар, 1978. 112 х.
- ⁴⁹ Там же. С. 112.
- ⁵⁰ Шаракшинова Н. О. Бурятское народное поэтическое искусство. Иркутск, 1975. С. 85.
- ⁵¹ Хальмг фольклор. Элст, 1940. 148 х.
- ⁵² Душан У. Обычай и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнограф. сб. Элиста, 1976. Вып. 8. С. 84.
- ⁵³ Там же, С. 87.
- ⁵⁴ Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1984. С. 55.
- ⁵⁵ Малкондуев Х. Поэзия лечебной магии балкарцев и карачаевцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1989. С. 109.
- ⁵⁶ Джангар / Пер. С. И. Липкина. Элиста, 1980. С. 95.
- ⁵⁷ Хальмг үлгүрмүд болн төөлвртэ туульс. Элст, 1960. С. 30, 38.
- ⁵⁸ Душан У. Указ. соч. С. 15.

Песни - заклинания

¹ Эмд булг: Ц. К. Джаргаеван репертуарас / Барт белдснь Н. Ц. Биткеев. Элст, 1993. 23—77 х. Запись этих песен сделана также В. К. Шивляновой в 1984 г. (Архив КИГИ).

² Эрнжөнө К. Цецн булг. Элст, 1980. 23 х.

³ Запись В. Б. Оконова. Исполнитель Абдукадыр Карибаев. Экспедиция в Иссык-Кульскую область. 1976 г.

Проклятия

¹ Эрнжөнө К. Налан хадһл. I боть. Элст, 1979. 45 х.

² Жаңһр. М., 1978. II боть. 45—46 х.

³ Шатинова Н. Об одной разновидности заклинаний в алтайском

фольклоре (постановка вопроса) // Улагашевские чтения. Горно-Алтайск, 1979. Вып. I. С. 94—103.

⁴ Жаңһр. I боть. Элст, 1978. 89 х.

⁵ Доржин Б. Чик хаалһ. Элст, 1963. С. 72.

⁶ Корсункиев Ц. К. О терминах родства у калмыков // Культура и быт калмыков (Этнограф. исследования). Элиста, 1977. С. 59—71.

⁷ Монголо-ойратский героический эпос / Пер. и вступит. ст. Б. Я. Владимирцова. Пг.-М., 1923. С. 102.

⁸ Душан В. Обычай и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнограф. сб. Элиста, 1976. С. 28.

⁹ Информатор Бамбышева А. Д., 1926 г. р., проживает в пос. Большой Царын Октябрьского р-на, Республика Калмыкия.

¹⁰ Эржэнэ К. Указ. соч. С. 82.

¹¹ Информатор Джукаев Наймин. Запись Эрдни-Горяева М. Э.-Г., 1992 г.

¹² Очиров Н. Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд "хар келе утулган" // Живая старина. СПб., 1909. Вып. II—III. С. 70—78.

¹³ Эржэнэ К. Цецн булг. Элст, 1972. 68 х.

¹⁴ Архив КИГИ, фонд Дорджиева, ед. хр. 287.

¹⁵ Жаңһр. II боть. М., 1978. 45—46 х.

¹⁶ Хальмг туульс. III боть. Элст, 1974. 25 х.

¹⁷ Бурдуков А. В. Каракольские калмыки (Сарт-калмыки) // Совет. этнография. М.-Л., 1935. С. 48.

¹⁸ Монголо-ойратский героический эпос. С. 78.

¹⁹ Там же. С. 83.

²⁰ Там же. С. 84.

²¹ Хальмг һазрин дуд / Барт бедснь Б. Б. Оконов. Элст, 1987. 85 х.

²² Цебигов Л. И. 100 калмыцких песен. Элиста, 1991. С. 118.

²³ Хальмг поэзин антолог. Элст, 1960. 80—85 х.

Б л а г о п о ж е л а н и я

¹ Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности (Северо-Западная Монголия). Л., 1926. С. 8—9.

² Очиров Н. Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд "хар келе утулган" // Живая старина. СПб., 1909. Вып. II—III. Кн. 70—71. С. 84—87.

³ Кара Д. О неизданных монгольских текстах Г. Балинта // Народы Азии и Африки. 1962. № 1. С. 161—164.

⁴ Голстунский К. Ф. АВ ИВ РАН, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 5.

⁵ Жаңһр. I—II боть. М., 1980.

⁶ Хальмг фольклор / Бүрдэснь Шалвра һ., Леежнэ Ц. Элст, 1941. 12—18 х.

⁷ *Мацаков И. М.* К вопросу о калмыцких йорелах // Ученые записки КНИИЯЛИ. Элиста, 1962. Вып. 2. С. 103—108.

⁸ Хальмг поэзин антолог / Бүрдэснь Калян С., Мацга И., Сацган Л. Элст, 1962. 73—75 х.

⁹ *Эрнжэнэ К.* Цецн булг. Элст, 1980.

¹⁰ *Бадмин А.* Мүкөвүн. Элст, 1972; Он же. Зултрнн — теегин ноһан; *Басцга Б.* Бумбин орн. Элст, 1980; *Доржин Б.* Чик хаалһ. I—II боть. Элст, 1973; *Илжин Л.* Ольдан күүкн. Элст, 1971; *Нармин М.* Хар келн тоһрун. Элст, 1982. *Эрнжэнэ К.* Анһучин көвүн. Элст, 1974; *Һалан хадһл.* Элст, 1979; *Амур-Санан А.* Мудрешкин сын. Элиста, 1983.

¹¹ *Шалхаков Д. Д.* Семья и брак у калмыков. Элиста, 1982.

¹² *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста, 1998.

¹³ *Борджанова Т. Г.* К проблеме обрядовой поэзии калмыков // Калмыцкая народная поэзия. Элиста, 1984. С. 74—97; Она же. О жанровом составе калмыцкой обрядовой поэзии // Калмыцкий фольклор. Проблемы издания. Элиста, 1985. С. 28—37.

¹⁴ *Овалов Э. Б.* Благопожелания (йорелы) — жанр калмыцкого фольклора // Вопросы систематизации и публикации // Калмыцкий фольклор. Проблемы издания. Элиста, 1985. С. 109—125; Он же. Калмыцкие йорелы. Архив КИГИ (рукопись).

¹⁵ *Эрдни-Горяев М. Э.-Г.* Материалы полевых экспедиций 1990—1995 гг.

¹⁶ Эмд булг: Ц. К. Джаргаеван репертуарас. Элст, 1993.

¹⁷ Монгол ардын аман зохиолын дееж. (М. Гаадамба, Д. Церенсодном). Улаанбаатар, 1978. 124—127 х.

¹⁸ *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. М., 1892. С. 23—25.

¹⁹ *Михайлов Г. И.* Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1971. С. 18.

²⁰ Там же. С. 22—24.

²¹ *Козин С. А.* Джангариада. М., 1940. С. 103, 198.

²² *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа (Середина IX—1-я четверть XVIII в.). М.—Элиста, 1994. С. 73—93.

²³ *Санжеев Г. Д.* О сущности шаманства. АЛОАН, ф. 282, оп. 1, д. 66, л. 1—5; Кичгэ Төлө. Угин туск үг. Элст, 1979. 92—93 х.

²⁴ *Михайлов Г. И.* Указ, соч. С. 23.

²⁵ *Рабинович М. Г.* Боевые кличи "ураны" // История археологии и этнографии Средней Азии. М., 1968. С. 299—307.

²⁶ *Балдаев С. П.* Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959. С. 48—49.

²⁷ *Хабунова Е. Э.* Указ. соч. С. 85.

²⁸ Цацлын дееж / Барт белдснь Намжавин Содмн. Элст, 1998. 78 х.

- ²⁹ Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма с древнейших времен по 18 в. Новосибирск, 1980. С. 178.
- ³⁰ Житецкий И. А. Указ. соч. С. 38.
- ³¹ Банзаров Д. Черная вера, или шаманство у монголов. СПб., 1891. С. 48—50.
- ³² Житецкий И. А. Указ. соч. С. 48.
- ³³ Бакаева Э. П. Праздник Зул у калмыков // Мандала. 1993. № 2. С. 13—14.
- ³⁴ Козин С. А. Указ. соч. С. 173.
- ³⁵ Алексеева П. Э. Светлый праздник Цаган Сар // Мандала. 1990. № 2. С. 16—17.
- ³⁶ Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российского государства (1772—1773). СПб., 1978. Ч. III. С. 190.
- ³⁷ Смирнов П. Несколько слов о хурулах и празднествах, отправляемых калмыками, кочующими в Астраханской губернии // Астрахан. епархиальные ведомости. 1879.
- ³⁸ Бадмин А. Мукөвүн. Элст. 1972. 78 х.
- ³⁹ Эмд булг: Ц. К. Джаргаеван репертуарас. С. 39.
- ⁴⁰ Информатор Шаженбатуева. Запись Б. Б. Оконова. Полевая экспедиция. 1967 г.
- ⁴¹ Козин С. А. Гесериада. М.-Л., 1935. С. 44—45.
- ⁴² Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб., 1852. С. 56.
- ⁴³ Монголо-ойратский героический эпос. Пг.-М., 1923. С. 78.
- ⁴⁴ Цацлын дееж. 56 х.
- ⁴⁵ Житецкий И. Указ. соч. С. 19—20.
- ⁴⁶ Балыков С. Девичья честь. Элиста, 1990. С. 123.
- ⁴⁷ Там же. С. 125.
- ⁴⁸ Козин С. А. Джангариада. М., 1940. С. 82.
- ⁴⁹ Там же. С. 83.
- ⁵⁰ Информатор Б. Э. Хонинова проживает в Астраханской области, запись М. Э.-Г. Эрдни-Горяева, экспедиция 1992 г. Личный архив.
- ⁵¹ Архив М. Э.-Г. Эрдни-Горяева. Материалы полевых экспедиций 1990—1995 гг.
- ⁵² Житецкий И. Указ. соч. С. 48.
- ⁵³ Эрнжөнө К. Цецн булг. 72 х.
- ⁵⁴ Там же. 72 х.
- ⁵⁵ Душан У. Суеверие и вредные обычаи у калмыков. М., 1931. 97 х. (на калм. яз.).
- ⁵⁶ Хальмг фольклор. Элст, 1941. С. 85.
- ⁵⁷ Житецкий И. Указ. соч. С. 288.
- ⁵⁸ Очиров Н. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Серия II. № 2. СПб., 1913.

- ⁵⁹ Хальмг туульс. III боть. Элст, 1974. С. 6—8.
- ⁶⁰ Козин С. А. Гесериада. С. 73, 109.
- ⁶¹ Родники народной мудрости / Сост. Б. Б. Оконов. Элиста, 1984. С. 92.
- ⁶² Архив КИГИ, фонд Номинханова.
- ⁶³ Душан У. Указ. соч. С. 110.
- ⁶⁴ Там же. С. 112.
- ⁶⁵ Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 101.
- ⁶⁶ Душан У. Указ. соч. С. 114.
- ⁶⁷ Орчлцгин хурвнтс — калмыцкие трехстишия / Предисл. и сост. Т. Г. Борджановой. Элиста, 1987. С. 16.
- ⁶⁸ Хорлоо П. Народные песни монголов. Новосибирск, 1989. С. 89, 148.
- ⁶⁹ Монгол ардын аман зохиолын дееж. Улаанбаатар, 1978. 182 х.
- ⁷⁰ Эрдниев У. Калмыки. Элиста, 1980. С. 114—118.
- ⁷¹ Хальмг үлгүрмүд болн төөлвртө туульс. Элст, 1960. С. 267.
- ⁷² Бичкүдүдин амн үгин поэзин антолог / Барт белдснь Б. Б. Оконов. Элст, 1992. С. 8.
- ⁷³ Душан У. Указ. соч.
- ⁷⁴ Хабунова Е. Э. Магталы в эпосе "Джангар" // Калмыцкая народная поэзия. Элиста, 1984. С. 98—132.
- ⁷⁵ Монголо-ойратский героический эпос. Пг.-М., 1923. С. 28.
- ⁷⁶ Душан У. Указ. соч. С. 98.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. *Алексеева Прасковья Эрдниева*, 1924 г. р., проживает в г. Элисте.
2. *Амбекова Боовуш Пюрвеевна*, 1927 г. р., проживает в г. Элисте.
3. *Бамбышева Александра Доржиевна*, 1924 г. р., проживает в пос. Большой Царын Октябрьского р-на.
4. *Басангова Цаган Тихоновна*, 1913 г. р., проживает в г. Элисте.
5. *Бокова Киштя Борджановна*, 1916 г. р., проживает в г. Элисте.
6. *Борджанова Бова Хюрмеевна*, 1926 г. р., проживает в г. Элисте.
7. *Бюрчиев Пильджа Лиджиевич*, 1927 г. р., проживает в пос. Бага-Чонос Целинного р-на.
8. *Дандырова Нина Манджиевна*, 1932 г. р., проживает в с. Троицкое Целинного р-на.
9. *Джалаев Аркадий*, 1916 г. р., проживает в г. Элисте.
10. *Джаргаева Цаста Коклдаевна*, 1922 г. р., проживает в г. Элисте.
11. *Джукаев Наймин Джукаевич*, 1924 г. р., проживает в пос. Цаган-Усн Яшкульского р-на.
12. *Дорджиев Санджи Антонович*, 1921 г. р., проживает в пос. Тугтун Кетченеровского р-на.
13. *Дорджиева Зинаида Басанговна*, 1952 г. р., проживает в пос. Тугтун Кетченеровского р-на.
14. *Михайлова Лидия Михайловна*, 1921 г. р., проживает в пос. Комсомольский Черноземельского р-на.
15. *Муниева Делгир Хейчиевна*, 1924 г. р., проживает в пос. Тугтун Кетченеровского р-на.
16. *Нандышев Дорджи Бадмаевич*, 1957 г. р., проживает в пос. Кетченеры Кетченеровского р-на.
17. *Насунов Антин*, 1925 г. р., проживает в пос. Яшкуль Яшкульского р-на.
18. *Обгенова Тевкя Санджиевна*, 1921 г. р., проживает в пос. Тугтун Кетченеровского р-на.
19. *Убушиев Надвид Убушиевич*, 1919 г. р., проживает в пос. Малые Дербеты Малодербетовского р-на.
20. *Уланова Нина Санджарыковна*, 1928 г. р., проживает в г. Элисте.
21. *Хонинова Бося Эренценовна*, 1921 г. р., проживает в пос. Астраханский Астраханской обл.

22. *Хохлова Александра Михайловна*, 1921 г. р., проживает в пос. Зензели Астраханской обл.

23. *Шушунова Лидия Бадминовна*, 1930 г. р., проживает в пос. Аршань Целинного р-на.

24. *Эрдни-Горяев Манджи Эрдни-Горяевич*, 1923 г. р., проживает в г. Элисте.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М., 1992.

Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.

Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (Середина IX — четверть XVIII в.). М., 1994.

Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.

Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX века. Новосибирск, 1975.

Алексеева П. Э. Цаган Сар — светлый месяц // Мандала. 1993. № 2. С. 16—17.

Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.

Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

Арутюнов С. А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989.

Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1; 1868. Т. 2.

Бадмаев А. В. Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста, 1975.

Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии, Элиста, 1992.

Бакаева Э. П. Джангарчи и задычи: к проблеме мифологического и религиоведческого исследования эпоса "Джангар" // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М., 1996. Вып. II. С. 8—29.

Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М. Магия в обрядах родинного ритуала калмыков // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 89—100.

Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959.

Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов. Спб., 1891.

Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексика. Элиста, 1979.

Бардаханова С. С. Малые жанры бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1982.

Бардаханова С. С. Система жанров бурятского фольклора. Новосибирск, 1992.

- Бисяева К. Д.* Буряты // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.
- Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят (Вторая половина 19 — начало 20 века). Новосибирск, 1980.
- Богатырев П. Г.* Очерки теории народного искусства. М., 1974.
- Борджанова Т. Г.* Виды обрядового фольклора калмыков // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. Черновцы, 1984. С. 122—124.
- Борджанова Т. Г.* Жанр проклятий в фольклоре монгольских народов // Теоретические проблемы литератур Дальнего Востока. М., 1986. С. 19—22.
- Борджанова Т. Г.* Калмыцкие заклинательные песни // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. Сухуми, 1989. С. 82—84.
- Борджанова Т. Г.* К вопросу о жанровой системе калмыцкого фольклора // Традиционная культура и среда обитания (1-я Международная конференция). М., 1993. С. 29—32.
- Борджанова Т. Г.* К проблемам обрядовой поэзии калмыков // Калмыцкая народная поэзия. Элиста, 1984. С. 74—97.
- Борджанова Т. Г.* О жанровом составе обрядовой поэзии калмыков // Калмыцкий фольклор. Проблемы издания. Элиста, 1985. С. 28—37.
- Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- Вайнштейн С. И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
- Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
- Владимирцов Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос. Пг.—М., 1923.
- Владимирцов Б. Я.* Образцы монгольской народной словесности (Северо-Западная Монголия). Л., 1926.
- Гаадамба Ш.* К вопросу об особенностях монгольских пословиц и поговорок // Специфика жанров в литературе Центральной и Восточной Азии. М., 1985. С. 8—76.
- Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.
- Далай Ч.* Монголия в 13 и 14 веках. М., 1974.
- Джарылгасинова Р. Ш.* Введение // Календарные обычаи и обряды народов Востока. М., 1983. С. 3—8.
- Дугаров Д. С.* Исторические корни белого шаманства. М., 1991.
- Дулям С.* Система символик в монгольском фольклоре и литературе. М., 1990.
- Душан У.* Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Элиста, 1976. С. 5—39.

- Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков Хошеутовского улуса. Спб, 1852.
- Жуковская Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М., 1976.
- Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. Москва, 1988.
- Жуковская Н. Л.* Найр. Найр. Найр // Азия и Африка сегодня. 1979. № 12.
- Зориктуев Б. Р.* К истории рода хухыд // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Элиста, 1983. С. 134—142.
- Итс Р.* Шепот земли и молчание неба. М., 1990.
- Календарные обычаи и обряды у народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985.
- Калмыцкая народная поэзия. Элиста, 1984.
- Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
- Калмыцкий фольклор. Проблемы издания. Элиста, 1985.
- Калмыцко-русский словарь. М., 1977.
- Козин С. А.* Джангариада. М., 1940.
- Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста. 1972.
- Кравченко И. И.* Фольклор калмыцкого народа // Народное творчество Калмыкии. Сталинград — Элиста, 1940. С. 3—31.
- Левинтон Г. А.* К вопросу о функциях словесных компонентов обряда // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 162—170.
- Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.
- Мавжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978.
- Мацаков И. М.* К вопросу о калмыцких йорелах // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1962. Вып. 2. С. 103—108.
- Мелетинский Е. М.* Поэтическое слово в архаике // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 81—109.
- Митиров А. Г.* К вопросу о культе собаки // Культура и быт калмыков (Этнографические исследования). Элиста, 1977. С. 40—58.
- Михайлов Г. И.* К вопросу о шаманской поэзии // Аман зохиол судлал. Улаанбаатар, 1968. С. 73—86.
- Михайлов Г. И.* Литературное наследство монголов. М., 1971.
- Михайлов Г. И.* Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1971.
- Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма с древнейших времен по 18 век. Новосибирск, 1980.
- Монгольская литература. Очерки истории первой половины 19—20 в. М., 1997.
- Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М., 1991.
- Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. Спб., 1852.

Неклюдов С. Ю. Мифология монгольских народов // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 170—173.

Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюрко-монгольский сборник — 1971. М., 1981. С. 183—202.

Нефедьев Н. И. Подробные сведения о волжских калмыках. Спб., 1839.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М., 1989.

Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984.

Овалов Э. Б. Благопожелания (йорелы) — жанр калмыцкого фольклора. Вопросы систематизации и публикации // Калмыцкий фольклор. Проблемы издания. Элиста, 1985. С. 109—125.

Оконов Б. Б. Калмыцкие народные пословицы и поговорки. Элиста, 1974.

Омакаева Э. У. Культ созвездий и планет у монголов // Этнокультурная лексика у монгольских языков. Улан-Удэ, 1989. С. 44—49.

Омакаева Э. У. Некоторые запреты и избегания у калмыков // Шамбала. 1994. № 2. С. 25—27.

Очиров Н. О. Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд "хара келе утулган" у калмыков // Живая старина. Спб., 1909. XVIII. Вып. II—III. Кн. 70—71. С. 84—87.

Очиров Н. О. Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Спб., 1910, С. 61—75.

Очиров Н. О. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Спб., 1913. № 2. С. 78—97.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства (1772—1773 гг.) / Пер. В. Зуева. Спб., 1778. Ч. III. С. 194—195.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. Материалы этнографические. Спб., 1883.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.

Проблемы славянской этнографии: (К 100-летию Д. И. Зеленина). Л., 1979.

Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.

Пропп В. Я. Принципы и классификации фольклорных жанров // Сов. этнография. 1964. № 4. С. 78—85.

Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста, 1996.

Пюрбеев Г. Ц. Эпос Джангар: культура и язык. Элиста, 1993.

Ревуненкова Е. В. Миф. Обряд. Религия. М., 1992.

Родники народной мудрости. Элиста, 1984.

Романова Е. Н. "Люди солнечных лучей с поводьями за спиной". Якутск, 1997.

- Русские народные приметы и поверья. Спб., 1997.
- Сагалаев А. М.* Мифология и верования алтайцев. Новосибирск, 1984.
- Салмин А. И.* Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1996.
- Сампилдэндэв Х.* Жанр благопожеланий в монгольском фольклоре // Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. М., 1955. С. 54—57.
- Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985.
- Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980.
- Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
- Токарев С. А.* Сущность и происхождение магии // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 7—75.
- Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
- Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Традиционная обрядность монгольских народов. М., 1992.
- Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.
- Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной лексики // Studia Slavica. Budapest, 1983. С. 3—69.
- Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Фольклор и этнография. Связи фольклора с древнейшими представлениями и обрядами. Л., 1977.
- Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. М., 1990.
- Фрезер Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980.
- Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста, 1998.
- Хорлоо П.* Народная песенная поэзия монголов. Новосибирск, 1989.
- Цебикив Л. И.* 100 калмыцких народных песен. Элиста, 1991.
- Церенов В.* Эркетени. Земля и люди. Элиста, 1997.
- Цыбикив Г. Ц.* Цагалган // Избр. труды. Новосибирск, 1981. Т. 2. С. 183—185.
- Шалхаков Д. Д.* Семья и брак у калмыков. Элиста, 1982.
- Шаракшинова Н. О.* Бурятское народно-поэтическое творчество. Иркутск, 1975.

- Шаракшинова Н. О.* Мифы бурят. Иркутск, 1980.
Шатинова Н. Об одной разновидности заклиний в алтайском фольклоре // Улагашевские чтения. Горно-Алтайск, 1979. С. 34—103.
Шахнович М. И. Приметы верные и суеверные. Л., 1984.
Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.
Эрдниев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. Элиста, 1985.
Эрецдженов К. Золотой родник. Элиста, 1990.
 Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста, 1981.
Яцковская К. Н. Народные песни монголов. М., 1988.

На калмыцком языке

- Өмд булг: Ц. К. Джаргаеван репертуарас / Барт белдснь Н. Ц. Биткеев. Элст, 1993.
Бадмин А. Сарин герл. Хальмг литературин дурсхлмуд (XIII—XX зун жилмүд). Элст, 1991.
 Бичкүдүдин амн үгин поэзин антолог / Барт белдснь Б. Б. Оконов. I—II боть. Элст, 1990.
Жаңдр. Хальмг баатрлыг дуулвр (25 бөлгин текст). М., 1978.
Кичгө Төлө. Үгин туск үг. Элст, 1979.
Кичгө Төлө, Әсрө Нина. Оюн түлкүр. Элст, 1998.
 Саглр ээжин туульс / Барт белдснь Борджанова Т. Г. (Бичкүдүдин фольклор). Элст, 1990.
 Төрскн назрин дуд / Барт белдснь Окна Б. Элст, 1989.
 Хальмг поэзин антолог (Цуглрад барт белдснь Калян С., Мацга И., Саңган Л.). Элст, 1962.
 Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртө туульс (Барт диглснь Басңга Б.). Элст, 1960.
 Хальмг фольклор (Бүрдөһэд, нүр үгинь болн темдгүдинь бичснь Шалвра Г., Леежнө Ц.) Элст, 1971.
 Цацлын дееж (Барт белдснь Намжавин Содмон). Элст, 1998.
Эрнжөнө К. Цецн булг. Элст, 1980.

На монгольском языке

- Монгол ардын аман зохиолын дееж (Барт белдснь Ш. Гаадамба, Д. Церенсодном). Улаанбаатар, 1978.
Гаадамба Ш., Самнилдэндэв Х. Монгол ардын аман зохиол. Улаанбаатар, 1978.
 Монгол ардын ёс заңшалын дунд тайлбар толь (Аръялсурэн, Х. Нямбуу). Улаанбаатар, 1991.
Церенсодном Д. Монгол ардын домог улгэр. Улаанбаатар, 1989.
 Монгол-орос толь. Улаанбаатар, 1960.
Содном Ч. Бэлэг демберлэг үгсээс // Аман зохиол судлал. VI боть. Улаанбаатар, 1969. 63—78 х.

Содном Ч. Монголын шившлэг // Аман зохиол судлал. VI боть. Улаанбаатар, 1988. 48—56 х.

Сэрээндорж. Мал ахуйн холбогдогын дом шившлэг // Аман зохиол судлал. IX боть. Улаанбаатар, 1975. 78—85 х.

Хорлоо П. Монгол ардын ёроол. Улаанбаатар, 1969.

Статьи из газет

Борджанова Т. Г. Хүрмин йөрөлмүд // Хальмг үнн. 1990. Туула сарин 16.

Борджанова Т. Г. Үрн һархла, тэвдг йөрөлмүд // Хальмг үнн. 1989. Така сарин 28.

Муутян И. Экэцкдөн өлзэтэ үрн болтха // Хальмг үнн. 1994. Така сарин 15.

Насна А. Һал тээлһн // Хальмг үнн. 1992. Моһа сарин 28.

Насна А. Хүрмин йөрөлмүд // Хальмг үнн. 1989. Һаха сарин 21.

Насна А. Һазр ус тэклһнэ тускар // Хальмг үнн. 1992. Ноха сарин 14.

Овшин Н. Эркин долан цацлын туск түүк (Бичж авснь Эрднь-Һэрэн М.) // Хальмг үнн. 1994. Така сарин 15.

Архив КИГИ

Материалы фольклорной экспедиции по Приозерному и Каспийскому р-нам Калм. АССР. Собр. Борджановой Т. Г. 1984 г. Ф. 5, оп. 1, 2, ед. хр. 87.

Материалы фольклорной экспедиции по Приозерному и Октябрьскому р-нам Калм. АССР (йорелы, харалы, загадки). Собр. Борджановой Т. Г. 1984 г. Ф. 5, оп. 1, 2, ед. хр. 92.

Фольклорный материал (йорелы). Собр. к.ф.н. Оваловым Э. Б. Ф. 5, оп. 1, 2, ед. хр. 94.

Материалы, записанные от Джаргаевой Ц. К. Запись Шивляновой В. К. 1987 г. Ф. 5, оп. 1, 2, ед. хр. 98.

Материалы полевой экспедиции в Приозерный р-н Калм. АССР. Собр. Борджановой Т. Г. 1987 г. Ф. 5, оп. 1, 2, ед. хр. 99.

Произведения калмыцких писателей

Бадмин А. Алтн шорад даргддо. Элст, 1990.

Бадмин А. Мукөвүн. Элст, 1984.

Басцга Б. Бумбин орн. Элст, 1981.

Доржин Б. Мини отк. Элст, 1968.

Доржин Б. Чик хаалһ. I—II һарг. Элст, 1973.

Инжин Л. Ольдан күүкн. Элст, 1972.

Нармин М. Манц хол. Элст, 1963.

Нармин М. Хар келн тоһрун. 1-гч д. Элст, 1972; 2-гч д. Элст, 1980;
3-гч д. Элст, 1982.

Эрнжэнэ К. Анһучин көвүн. Элст, 1974; Һалан хадһл. Элст, 1979;
Дууч шар хөөч. Элст, 1934.

СОКРАЩЕНИЯ

АЕВ — Астраханские епархиальные ведомости

КНИИЯЛИ — Калмыцкий научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории

КИГИ — Калмыцкий институт гуманитарных исследований

АВ Спб. ФИВ РАН — Архив Востоковедов Санкт-Петербургского
филиала Института Востоковедения Российской академии наук

С.Э. — журнал "Советская этнография"

БИОН — Бурятский институт общественных наук

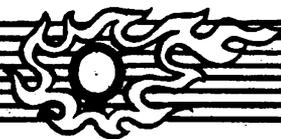
РГО — Русское географическое общество

Полевые записи автора — записи материалов, сделанные автором
в экспедициях по Кетченеровскому, Малодербетовскому, Юстинско-
му, Ики-Бурульскому, Приютненскому, Целинному, Октябрьскому
районам в разные годы.

Приложение

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ
ТЕКСТЫ**

ЙОРМУД * ПРИМЕТЫ

Бичкн көвүн, күүкн нөөртән инэхлэ — эврәннь заячдан инэжәнэ гидм.

Нурвн насн күртл бичкн күүкдин тускар ”бурхнла эдл” гидг бөөж.

Меңгтэ күүкдиг — кишгтэ күн гидг бөөж.

Күүнэ өмн — үснд бөөдг бөөж.

Зөрм күн нерән даадмн биш. Эн нериг бичкн күүкнд, көвүнд өгхлэ, тер нерн зөрм улст зокдмн биш. Тер күн гемнэд бөөхлэ — неринь сольдмн.

Утх, шөвгин үзүр болн бууһин амиг күүнүр хэлэлһж өгхэс цеерлнэ.

Көлдөн өрөсн һос, өрөсн өөмс өмсдмн биш — гергн хулхач болх.

Толһадан давхр махла өмсдм биш — хойр дөкч күн гер авдмн.

Хойр һаран салваһад дерлж кевтдго. Тернь кеер хонж, кец дерлхин темдг гиж цеерлдг.

Булгин уснд киртэ хувцан уһахла, лусын хааниг бузртна гиж цеерлдг.

Кевтсн күүнэ толһаг, бийинь алхдмн биш — күн өссдго.

Махлаг буруһар төвхлэ, ораһинь дор төвхлэ — махлан эзн бас ундмн.

Хөөнэ толһа чанж идхдөн таңнаһинь салһж авад, бичкдүдин һарин альхинь делглүлэд: ”Бөр, бөр, үрн бол, цецн бол”, — иигж келдг бөөж.

Көвүн-берин орн деер хадм эцк, хадм ахнрнь суухиг цеерлнэ.

Гергн гиигрхлэ сурдмн ”ямаран олз?”. Хэрүднь келнэ: күүкн болхла ”товч хадгч” — гиж, көвүн болхла ”бууч, мөр тохгч” — гиж келдг.

Ик дууһар ду һархла, хальмг улс келдг бөөж: ”Бичө му ду һарһад бө”.

Күн суухларн, хормаһарн көлөн бүркдмн.

Усыг хар ус гиж нерэддг.

Налд өөк, шар тос, мах хайдмн.

Цээһин дееж бичкн күүкдт өгдмн.

Орн деер күн эс унтхла, утх тэвдмн, иртө юм тэвдмн.

Ордан орчкад ду дуулдмн биш, жирһл тогддмн биш.

Зүүд зүүдлхлэрн, өрлө босад зүүдэн келдмн.

Күн нээтхклэ, хальмг улс келдмн: "Бурхн аш".

Күүнэ зүүднд шүдн унхла — му йор.

Барун чикн жинцхлэ — му йор, зүн чикн жинцхлэ — сэн йор.

Теңгрэс одн унхла — му йор. Күн өңгрх гидг темдг.

Раху гидг бурхн нар-сар хойриг хавлхла — ноха, үкр дууһан харһдмн. Төмр авад төмриг цокдмн. Бурхнд зул өргөд зальврх кергтө.

Көрө ду хархла — му йор.

Нарн суусн цагт хальмг улс ишкэ герэн үлдэдмн биш.

Оран хоосар, юмн угаһар үлдэдмн биш. Шулм тер орд орад бээдмн. Герин эзнэ орд иртө юм тэвх бээж — сүк. Герин эзнэ чидл гидмн.

Сө цагла нүүдм биш.

Күн эврәннь герт уга болхла — гер ахулдмн биш.

Герэс юм үүрн хардмн биш. Хуучн цагин хальмгудын медсэр тер герэс юм харһжах күн герин кишг авчана гиж сандмн.

Сохр ном шин герт орхла бас му йор.

Махлаг деегшэн хэлэлһэд тэвдмн биш — толһа өвдх.

Залу күн мөрн деерэс цаһалдго.

Хуучн хувцн күүнд туста болдмн.

Хальмг улс насн ирхлэ — нас утдулдмн, "нас утдуллһн" келдмн. Зөрм әмтн хар өңгтө өөмс гүрэд, өскәһинь хар утцар гүрдмн. Дәкәд "хар кел утлһ" гидг ном хурлд умшдмн.

Герт күн ишкрэд бээхлэ, бас му йор.

Һазр деер нульмхла, бас му йор.

Герт бичкн күүкд дегәд альвлад, дөгәд бээхлэ — бас му йор.

Үүдн хоорнд суудмн биш.

Теңгр ду хархла, хальмгуд үстә ааһ авад, гер эргәд — гериг үсәр цацдм.

Әкнһ бичкн күүкдин киисиг авад, хагсаһад, бичкн күүкдин захд уйдг бээж, үүдн хоорнд тәвдг бээж.

Герт бичкн күүкд өнгрэд бөөхлэ, көвүнд күүкнэ хувц өмсдг бээж, күүкнд көвүнэ хувц өмсдг.

Темәнэс икр ботхн хархла — сән йор болжана, тер эзн авлһ өгшго.

Моһа герт орхла — му йор. Гелнр ном умшдм.

Гиич герт орж ирхлэ, тер күүнэ өмнэс үмс болн герин бог авч хардм биш.

Нарн сууж одхла, гертэс үс өгдм биш.

Күн эврәннь харсн жилин нертэ аһурс алдм биш. Хөн жиллэ харсн улс, хөөг алдм биш.

Дүүнр ахиннь нериг келдм биш.

Үал алхдм биш, үал деер ус асхдм биш.

Гүүдг уснд төмр орулдм биш, үс асхдм биш.

Угата кү өөлүллһн — му йор.

Өңрсн кү дуудхла — му йор.

Хара зөндән һазр малтдм биш.

Хурһарн, һарарн одд үзүлдм биш. Ямаран болв чигн одн эврәннь нертэ. Килнц уга улсын өмн онд төрдмн. ”Талдан орчлнгд төрв”, — өңрсн күүнэ тускар келдм.

Хот кедг шаңһиг хотд үлдэдм биш. Өрк-бүл хоосрдм.

Бий бийдән хувц уйдг утц өгхлэ, тер утц өгсн күн тер утцыг амндан авчаһад, шүдэрн зууһад өгдм.

Күүнэ тускар сән зөңг келхлэ, нүдн күрхиг эәһэд үг келдг бээж: ”Келн амн бурудтха”.

Гесн деерән хойр һаран бәрдм биш — күүкд уга болдм.

Нурһан тевердм биш — күн өңгрх.

Өскөһөрн йовдм биш — экән авдм.

Учгта утцн дегд ут болхла — ут хаалһта күн гһһэд келдм.

Ааһиг һарарн кемтрэд авдм биш — харал әдл юмн бээж.

Если маленькие дети смеются во сне, они улыбаются своему ”заячи” (покровителю).

Про ребенка до 3-х лет говорят, что он подобен бурхану.

Если у ребенка есть родинки, то говорят, что он родился счастливым.

Душа человека находится в волосах.

Некоторым людям не подходит их имя, из-за этого они начинают плохо себя чувствовать. И если человек постоянно

болеет, имя ему меняют (на другое — более легкое по значению).

Нельзя давать острые предметы острием на человека, которому подаешь этот предмет.

Нельзя ходить, надев только на одну ногу сапог или носок, — жена будет воровка.

На голову нельзя надевать две шапки — придется два раза жениться.

Нельзя спать, раскинув обе руки на подушке. Это означает, что будешь ночевать в степи на пригорке.

Нельзя стирать в воде родника грязную рубашку, вещи. Этим самым загрязняешь хана лусов — драконов, обитающих в водоемах.

Нельзя перешагивать через голову спящего — человек не будет расти.

Если шапку положить неправильно, вниз дном, — то хозяин шапки тоже упадет.

Если режут барана, то от челюсти отделяют нёбо и отдают ребенку с благословением: "Бери, бери, стань мудрым ребенком".

Нельзя свекрови и свекру садиться на кровать невестки и сына.

Когда роженица разродится, спрашивают: "Что за прибыль?" В ответ говорят — если девочка: "Та, которая пришивает пуговицы", — а если мальчик: "Охотник и всадник".

По калмыцким обычаям не принято было громко разговаривать, в этих случаях делали замечание: "Не говори дурным голосом".

Если человек садится, то подолом нужно прикрыть колени. Простую воду называют "черной водой".

В огонь обычно бросают масло и жирное мясо.

Чай, бывший жертвоприношением, обычно отдают детям.

Если никто не спит на кровати, то на постели оставляют острый предмет, чтобы злые духи не поселились на ней.

Не поют в кровати: плохая примета — не будет счастья.

Если приснится сон, то его тут же рассказывают и истолковывают.

Если человек чихнет, то ему говорят: "Бурхн аш!" ("Да благословит тебя бог!")

Если во сне упадет зуб — плохая примета: кто-то из близких умрет.

Звенит в правом ухе — плохо, в левом — хорошо.

Если с неба падает звезда — плохая примета: кто-то умер. Это предвестие смерти.

Если бог Раху (Араха) поймает луну или солнце (происходит затмение), то собаки лают, коровы мычат. В этом случае нужно взять железо и ударить по нему. А затем молиться всем бурханам.

Если каркает ворона — плохая примета.

После захода солнца нельзя было выходить из кибитки.

Нельзя оставлять кровать пустой. В ней поселяется шулмус. Вместо хозяина дома на его кровати оставляли топор. В нем заключалась сила хозяина.

Нельзя было ночью кочевать.

Если хоть один человек в доме отсутствовал — нельзя было в нем убирать.

Не полагалось уносить из дому что-либо на плече — в старину считалось, что человек уносит счастье из своего дома.

Если в новый дом залезет крот — это плохая примета.

Шапку нельзя класть дном кверху — будет болеть голова.

Мужчина не должен поздравлять людей с Цаган Сар, сидя верхом на коне.

Ношенная одежда считается полезной человеку.

Калмыки в год повторения 13-летнего жизненного цикла вяжут черные носки с белым мыском. Совершают обряд "отрезание черного языка".

В доме не свистят — не будет счастья.

Плевать на землю — это тоже плохая примета.

Если дети в доме сильно шалят, озорничают — это тоже плохой признак.

Спотыкаться о порог — дурное предзнаменование.

Когда гремит гром, калмыки берут чашку с молоком и брызгают на юрту.

Берут пуповину (после рождения младенца), высушивают ее, пришивают к воротнику ребенка в качестве оберега или закапывают под дверь юрты как оберег.

Если в доме умирают дети, мальчика переодевают девочкой и наоборот, чтобы обмануть злых духов.

Если у верблюдицы появляется двойня — это хороший признак. Раньше ее хозяин освобождался от дани.

Если змея заползет в дом — это плохая примета. Гелюнг должен прочитать молитву.

Если в дом заходит гость, нельзя ему навстречу сыпать золу или мусор.

После захода солнца не дают из дома молоко.

Человек не должен убивать животное, чье название носит год его рождения (по калмыцкому календарю). Родившемуся в год овцы нельзя резать овец.

Младшие не должны взрослых звать по имени.

Нельзя перешагивать через огонь, лить воду на огонь.

Нельзя класть железо в проточную воду.

Если обидишь неимущего — это плохая примета.

Если позовешь умершего — это плохая примета.

Нельзя понапрасну копать землю.

Пальцем нельзя показывать на небо. Каждая звезда имеет свое название. Безгрешные люди живут на звездах. Переродился на другой земле — так говорят об умерших.

Нельзя поварешку оставлять в кастрюле. В этом случае говорят, что опустеет дом.

Когда отдают иглу с продетой в нее ниткой, то дающий должен эту нитку прикусить, подержать во рту.

Если говорят о ком-либо хорошо, то, чтобы не сглазить, произносят: "Келн, амн бурудтха!" ("Пусть язык и рот повернутся!").

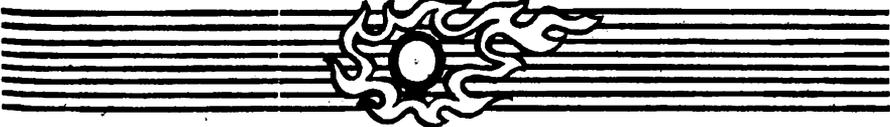
Нельзя скрещивать на животе руки — лишишься детей.

Нельзя сводить крест-накрест руки на спине — умрет отец.

Нельзя ходить на пятках по полу — умрет мать.

Если вдетая в иглу нитка слишком длинная, то говорят, что девушка выйдет замуж далеко-далеко.

Пиалу не держат за края, а только снизу (за доньшко), иначе это равносильно проклятию.

ТӨРНС * ЗАГОВОРЫ

Долан Бурхнд келдг уг

Долан Бурхн,
Долан Бурхн,
Нег ик буйн!
Тү, тү, тү!

Слова, обращенные к Большой Медведице

Семь Бурханов (Большая Медведица),
Семь Бурханов,
Одно большое благодеяние!
Ту, ту, ту!

Заклинание, произносимое на одном дыхании семь раз

Долан одн,
Долан Бурхн,
Дола дэкж
Давтад келхлэ,
Килнц уга!
Семь звезд,
Семь Бурханов!
Если повторить семь раз,
Исчезнут все грехи!

Теңгрэс одн унхла келдг уг

Мини одн унсн уга,
Чини одн унв.

Слова, произносимые при падении звезды с неба

Это не моя звезда упала с неба, а твоя.

Тенгр ду нархла келдг үг
Слова, произносимые при ударе грома

1. Хээрхн!
Хайрхан!
2. Жахн-жахн холаһур!
Хойр толһан өмнөһүр!
Подальше от нас!
Впереди двух наших голов!
3. Бидн беркт.
Мы беркуты, мы из рода орла.
4. Жахн-жахн холаһур,
Жанжин хурлын цааһур!
(Төмрөр жиндүлдг.)
Немного-немного подальше от нас,
Подальше от Джанджин-хурула!
(Греметь железом.)
5. Джахо! Джахо!
Яси мини — шар меркд,
Ора мини — дааһн,
Нойн мини Мазн-Баатр!
Джахо! Джахо!
Я из племени "желтые меркиты",
Мой герб — жеребенок-одногодок,
Мой нойон — Мазан-баатыр.

Күн нээтххлэ келдг үг

1. Бурхн өршөтхэ!
Буурл сахлта өвгн бол!
Зу нас насл,
Зуухд бүдр,
Ханцн уга девл өмс,
Хамр уга темэ ун!
2. Бурхн арш!
Будаһар цад!
Мини наснд күрсн
Буурл сахлта өвгн бол!

Слова, произносимые при чихании

1. Да прославятся бурханы!
Стань глубоким старцем!
Проживи сто лет,
Спотыкайся о порог,
Надевай шубу без рукавов,
Оседлай безносого верблюда!
2. Пусть благословит тебя бог!
Насыться буданом!
Достигни моих лет!
Стань беловласым старцем!

(Хальмг күн көлиннь хумс авад тараж, хайл уга хамад һазрт булна. Һазрт утхар нүк малтад, үг келнэ. Дэкэд барун көлиннь өскөһэрн давтад дарна.)

Хумс булхла келдг үг

Би чамаг үкрт бичэ заасв,
Чи намаг үклд бичэ за,
Би цал уга буурл сахлта өвгн болсув,
Чи цэңкр цаһан хад бол.
Текин өвр теңгрт күрсн цагт,
Темөнэ сүүл һазрт күрсн цагт,
Би чамд мөрн хошта,
Хөн күмстэ ирнэв!

(Калмыки никогда не разбрасывали ногти, а выкапывали ямку и бросали в нее срезанные ногти, затем пяткой правой ноги притаптывали ямку.)

Заговор при закапывании ногтей

Я не укажу это место корове,
А ты меня спаси от смерти,
Я стану седовласым стариком,
А ты стань прозрачной белой скалой,
Когда козлиные рога дорастут до неба,
А верблюжий хвост достигнет земли,
Я к тебе приду с конем с поклажей
И кормом для овец!

Керэ ду нархла келдг үг

1. Сэ кел! Сэ кел!
Сэн зэңг кел,
Сэн зэцг келхлэчн
Сэцгрцгэр дүүрңг өөк өгнэв.
Му зэңг келхлэчнь,
Модн маляһар һурв цокад көөнэв!
2. Сэ кел! Сэ кел!
Сэн зэңг кел,
Сэн зэңг келхлэчн
Сэңгрцгэр дүүрңг өөк өгнэв.
Му зэңг келхлэчнь,
Модн маляһар
Му толһа деерэн,
Шаргулж цокнав.

Слова, произносимые, когда каркает ворона

1. Говори о хорошем!
Говори о хорошем!
Говори о хороших вестях,
Я принесу тебе жира в сычуге.
А будешь сообщать плохие вести,
Ударю три раза ручкой от плетки и прогоню.
2. Говори хорошее!
Говори хорошее!
Если принесешь хорошую весть —
Дам тебе жира полный сычуг,
Если скажешь плохое —
Ударю тебя деревянной палкой!

Лун сумн

Һазрас олдсн хуучн цагт эмтн эдлж йовсн саадгин сумиг олж авад, соньмсад, өврглг кеһэд юн гидг юминь медгдж эс чадад бөөхлэрн, гелңг улс иигж даалһвр өгч болна. Эн "лун сумн" гидг юмн, тегэд түүнэс авн тер сумиг олж авсн күн жодван һарһад, малин болн күүнэ көкн хавдсн цагт домндм.

Хавдрта кекиг "лун сумн дом" болтха гиж нег хатхад, "хорн-шүүһин һазр автха" гиж дэкч һазр нег хатхад бөөж.

Эн кевэр һурв дэкч давтдг бөөж.

Стрела дракона

В старые времена, люди, найдя в степи колчан со стрелами, понимаете, проявляли к нему интерес, советовались, удивлялись, не знали, что с ним делать. Обычно гелюнги давали такое объяснение: "Это "стрелы Лу" (лу — дракон). Если какой-либо человек найдет такую стрелу, то он должен хранить ее в ларце для хранения молитв". "Стрела Лу" излечивала опухоли у человека и животных. Опухоль груди излечивали так — приговаривая: "Возьми яд, земля", — "стрелу Лу" втыкали в землю. И эту процедуру повторяли три раза.

Өвдг эмиллһнд келдг үг

Мини нүднд өвдг кезэ һарла?

Туурһин өвсэр кезэ домнла?

Тиигэд келэд нүднэ өвдгиг нег хатхад, "Өвдг, өвдгән ав", — гиж келэд, көлиннь өвдгиг тер өвсәнннь үзүрэр хатхна. Тер кевэр һурв давтж домндг бөөж.

Излечение ячменя

Если появится на глазу ячмень, надо взять травинку, которая прилепилась к кошме кибитки. Кончиком стебелька касаются ячменя и приговаривают: "Когда у меня на глазу появился ячмень? Когда же, с какого времени стали лечить травой, зацепившейся за покрывало верхней части кибитки?"

Приговаривая: "Колено, возьми ячмень", — дотрагиваются также кончиком травы до колена. И это лечение повторяют три раза.

Кун шуукрад бөөхлэ келдг үг

Слово, произносимое человеку, когда он тяжело вздыхал

Если человек постоянно беспричинно вздыхал, шумно втягивая воздух (шуукрад бөөхлэ), то произносили: "Чеежичнь темән ишкг!" — "Пусть на твою грудь наступит верблюд!"

Еще одна заговорная формула:
"Саналгод! Киилгичнь үкр ид! Шуукрлгод!" — "Не вздыхай
тяжело! Пусть твою рубашку съест корова!"

* * *

Бичкн күүкдин шүдн унхла, тер унсн шүдиг өдмгт орачкад,
нохад өгхлэрн келдм иим үг:

Му шүдиг ав!
Сэн шүдиг өг!

Когда у маленьких детей падал зуб, его заворачивали во что-
нибудь съестное (хлеб), отдавали собаке и говорили:

Возьми плохой зуб!
Дай мне хороший!

Хө кирһдг цагтан келдг үг

Хөөчнь хурц, хөөчлсн хөнъ
Миңһн түмн күрч бэг!
Тонь түмн күрч!
Тооснь онтрһуд күрч!

Слово, произносимое в начале стрижки овец

Пусть ножницы
Будут острыми,
А количество овец
Пусть будет несметным!
А пыль от их ног
Пусть достигнет небес!

Кун шүлсэрн цахкла келдг үг

Өглц! Өөктө мах ид!

*Слово, произносимое в тот момент, когда человек подавится
едой*

Поделись со мной! Ешь всегда жирное мясо!

Ишкэ кехлэ келдг үг
Кесн ишкэ цав уга болтха!

Слово, произносимое при выделке войлока
Пусть этот войлок будет ровным и плотным!

Утх хэрвлхлэ келдг үг
Мини дээснэ күзү керчнэв!

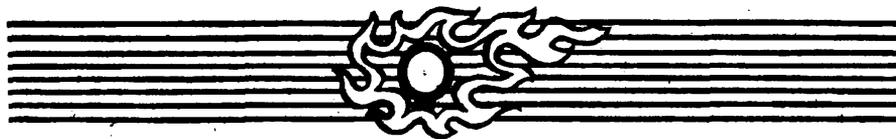
Слово, произносимое при точке ножей
Полосну по шее моего врага!

Тэрэ хурахла келдг үг
Хадсн ик хадур
Мука болтха!

Слово, произносимое при посеве зерновых
Пусть затупится серп,
Который жнет урожай!

Наран хээрхлэ келдг үг
Халха! Халхачк!

Слово, произносимое, когда обожжешься огнем или раскаленным железом
Крапива!

ТӨРНӨ ДУД * ПЕСНИ-ЗАКЛИНАНИЯ

Хөн хурһан авхулдг дун

Манахн, манахн маңһдур нүүх,
Манцин салан һатли нүүх,
Хурһан хайсан чи
Хатрнь тавлад йовхич.

(Хойр дөкж давтх.)

Песня, приручающая овцу к ягненку

Завтра наша семья начнет кочевать,
Пересекая реку Маньч,
Ты, бросившая своего ягненка,
Будешь скакать и прыгать галопом.

(Повторить два раза.)

Хөөнэ тэри

Тай-һа, тай-һа, тай-һа.
Экэн дахрлсэн элсн-деесн болач,
Эцкэн салхларнь киитн болнач.
Тай-һа, тай-һа, тай-һа.
Хөн дахулсн хурһн ямаран болнай?
Эцкэсн салсн көвүн ямаран болнай?
Тай-һа, тай-һа, тай-һа,
тайһан хөн бөөжичэ.
Болсн һазртан сөөхн суунач,
Эс болсн һазртан элсн болнач.

Заклинание овцы

Тай-га, тай-га, тай-га.

Оставив мать, ты станешь пылью,
Расставшись с отцом, лишишься тепла.

Тай-га, тай-га, тай-га.

Какова овца, ведущая за собой ягненка?

Каков сын, потерявший отца?

Тай-га, тай-га, тай-га.

На земле, где удобно тебе, ты хорошо живешь,
На земле, где тебе плохо, превращаешься в песок.

Тай-га, тай-га, тай-га.

Темэнд ботх авхуллһн

Буулич, буулич, ингн мини,

Бульгһсн нульмсан асхрулич.

Боожһан, боожһан, боожһаһич,

Бульгһсн нульмсан асхрулич.

Уулич, уулич, ингн мини,

Ботхндан ээлтэ боличи.

Боожһан, боожһан, боожһаһич.

Ботхндан ээлтэ боличи.

Буулич, буулич, ингн мини,

Ботхндан эңкр боличи.

Уулич, уулич, ингн мини,

Ботхндан дурта боличи,

Боожһан, боожһан, боожһаһич,

Ботхндан дурта боличи.

Буулич, буулич, ингн мини,

Ботхндан хару боличи,

Боожһан, боожһан, боожһаһич,

Ботхндан хару боличи.

Песня, приручающая верблюдицу к верблюжонку

Плачь, плачь, моя родная,

Проливай кипящие слезы.

Боджган, боджган, боджган,
Проливай кипящие слезы.
Плачь, плачь, моя родная,
Стань доброй к своему верблюжонку.
Плачь, плачь, моя родная,
Стань милой для своего верблюжонка.
Боджган, боджган, боджган,
Плачь, плачь, моя родная.
Полюби своего верблюжонка.
Боджган, боджган, боджган.

Үкрг туһл авхулһн

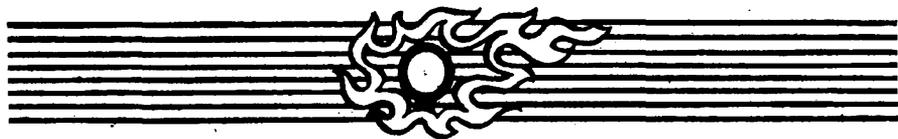
Хоов, хоов, хоов,
Хач, хач, хач.
Увлин хорн киитнд
Хажудан кенән дажулначи?
Өнчн юмн кевтөһәр
Өрәд йовад йовнчи?

Хоов, хоов, хоов,
Хач, хач, хач.
Хаврин хар салькнднь
Хажудан кенән дажулначи?
Өнчн юмн кевтөһәр.
Эргәд йовад йовнчи?
Хоов, хоов, хоов,
Хач, хач, хач.

Песня, приручающая теленка к корове

Хоов, хоов, хоов.
Хач, хач, хач.
Холодной зимой
Кто будет идти рядом с тобой?
Идешь ты одна, как сирота.

Хоов, хоов, хоов,
Хач, хач, хач.
В раскаленный летний зной,
При весеннем суховее,
Кто будет идти рядом с тобой?
Будешь бродить, как сирота, одна.
Хоов, хоов, хоов,
Хач, хач, хач.

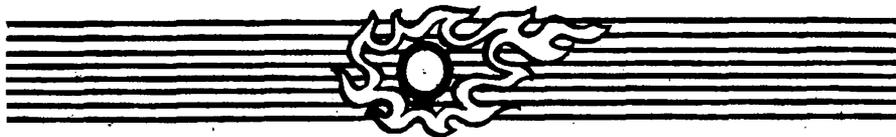
ХАЛЬМГУДЫН УРА * УРАНЫ КАЛМЫЦКИХ РОДОВ

- Манлахн. — Мал гихлэ — гекс,
Махн гихлэ үкс — гидг манлахн.
- Манлахины. — Когда говорят о скоте — отступают,
Когда говорят о мясе — спешат.
- Талтахн. — Тавн зун өрк.
Талтахины. — Состав их — пятьсот семей.
- Үлдчнэхн. — Миңһн өркин утан.
Ульдючины. — Дым из тысячи юрт.
- Заамуд. — Заглма бичкн болв чигн,
Бийиннь өмнд шовуд тэвдг уга,
Заамуд цөөкн болв чигн,
Бийснь түрүлж күүнд үг өгдг уга.
- Заамуды. — Кобчик ”загалма” —
Хоть и маленькая птичка,
Никого из птиц не пропустит вперед,
Число заамудов хоть и невелико,
Никому не дают слова раньше себя.
- Тугтун шевнр. — Э, тадн туһлын туруһар ус уудг,
Туурһин хаһрхаһар нар үздг,
Тугтн шевнр эсийт?
— Уга, бидн Алта хаани
Алг-цоохр тугиг
Арвн хойр үйдән бәрсн
Алдр тугтн шевнрвидн.

Тугтун-шебинеры. — Э, это не те ли тугтун-шебинеры,
Что пьют воду из телячьего копытца
И видят солнце через дыру
В кошме кибитки?
— Нет, это те великие шебинеры,
Которые желто-пестрое знамя
Алтан-хана
Сумели удержать до двенадцатого
колена.

Баатуд. — Туула тоха урата,
Баһ монһл яста,
Келн уга,
Улан-баатрин үддл,
Ундасхларн уудгинь
Улан чаһр билә,
Уудьвран һарһдгнь —
Уулын серкш.

Батуды. — С кличем "локоть зайца",
По происхождению из "малых
монголов",
Потомки Улана-богатыря,
Жажду утоляющие красным вином,
Им забавой служат
Горные черкесы.

ХАРАЛМУД * ПРОКЛЯТИЯ

Иә болг!— Будь он неладен! Да провались!
Нар үзлго од!— Пусть не увидишь ты солнца!
Насан насслго од!— Чтоб ты не прожил отведенный тебе век!
Теңгр цокг!— Да покарает тебя небо!
Темән девсг!— Да лягнет тебя верблюд!
Харачнь хамхртха!— Да поломаются матица его юрты!
Зел тасртха!— Пусть порвется твоя коновязь!
Хар һазрт ор!— Да провались сквозь землю!
Келндчнь моом һарг!— Пусть на твоём языке появится сибирская язва!
Сүмсән зальг!— Проглоти свою душу!
Шуурха һазрт ор!— Провались сквозь землю!
Турута мал төрүц чамд бичә узгтхә!— Пусть у тебя никогда не будет копытного скота!
Нооста толһаһан ноһад кемлүлтн!— Пусть ваши волосатые головы разгрызут собаки!

* * *

Элкәрнь һазр шудрг,
Толһадчн моом һарг,
Махичн ноһа чирг,
Кишгнь зәәлтхә,
Нүдичнь шовун чөңкг,
Оошкдчн хорһа буутһа,
Зүркнчн хаһртһа,
Мөөртәд үкмр,
Ардасчн цусн асхрдг,
Һарчнь мөкрдг,
Келнчнь керчдг,
Уульмр!
Пусть животом ты упадешь на землю,
Пусть на твоей голове будет язва,

Пусть твое мясо съест собака,
Пусть твое счастье уйдет прочь,
Пусть твои глаза выключет ворон,
Пусть в твоих легких заведутся черви,
Пусть твое сердце разорвется,
Помучившись, умри!
Пусть прольется твоя кровь,
Пусть искривятся твои руки,
Пусть твой язык отрежут,
Пусть будешь ты плакать вечно!

* * *

Ахр наста бол!
Төгрг хар нүднчнь
Гедргән цокгдг,
Гилгр хар толһачнь,
Гедргән хажиг,
Кезән кергий әмтнә мууд орж йовснчн
Орчлң деер ик зовлңган үз!
Пусть у тебя будут короткие года!
Пусть твои круглые черные глаза окосеют!
А твоя блестящая черная голова повернется назад.
Всеми своими делами досаждай людям,
Во вселенной — познай большие грехи!

* * *

Ардан хәләлго од!
Оһтр шалврта бол,
Омха нүдтә бол,
Орсн һазртан бичә багт,
Одсн һазртан оңһрхә нүкнд ун,
Ардан хәләл уга од!
Хәрү үг:
Чи эврән үдрн-бүдрн йов!
Иди и не поворачивай назад!
Пусть у тебя будут короткие штаны,
А глаза твои пусть будут выпученными,
Пусть ты не найдешь мира на земле

И в доме, где ты живешь!
Упади в глубокую яму, вырытую в земле,
Не возвращайся назад!

* * *

Хөөһм идсн күн
Алтнас шарар,
Арһмжас утар һожг!
Назринчн дундурт мөрнчн үк,
Насна дундурт гергнчн үк!
Кто съел мою овцу,
Пусть страдает поносом много дней,
Пусть одолеет его понос, который длиннее веревки
И желтее золота.
Посреди пути пусть падет его лошадь,
В середине века его пусть умрет жена!

* * *

Назринчн дундурт
Мөрнчн мууртжа,
Наснанчн дундурт
Авальчн үктхэ.
Йовсн һазртчн
Өвсн бичэ урһдтха.
Хар ус уухар хээхлэчн,
Халун чолун долагдтха,
Хээртэ саднаннь ормд
Хамхул теврх бол!
Кеер, кеер сөөһүдэр
Яснчн тарх болтха,
Келкэ, келкэ толһасар
Үснчн бүлтрх болтха!
В середине пути
Пусть погибнет твой конь,
В середине лет твоих
Жена твоя пусть умрет,
На земле, по которой ты пройдешь,
Пусть трава не растет,
А когда тебя настигнут болезни,

Пусть не найдется лекарь,
А вместо простой воды
Будешь лизать горячий камень,
Вместо своих любимых родственников
Будешь обнимать перекасти-поле.
Пусть темной ночью в степи
Растреляются твои кости,
А на черепе твоём
Пусть волосы одни останутся!

Мал хулжалси залуд тэвси харал

Мини авалин нульмси,
Өлсэд уульжах күүкдинм
Халун нульмси,
Өнчрэд, экэн хөөһэд,
Энрэд мөөржөх һалзн,
Туһлын нульмси
Ниилэд мини харалын
Шү дамб болж
Хар бийэрчн һартха!
Хавснчн дегэ болтха!
Үрнь-төрнь болтха!
Үмснд хүврж,
Салькнд нис!

Проклятие вору скота

Пусть слезы моей жены,
Горячие слезы моих маленьких детей,
Пестрых телят, которые
Жалобно ревут
И ищут своих матерей,—
Все эти слезы пусть сольются воедино
И войдут в тебя!
Пусть твои кости скрючатся,
А затем рассыпятся, превратятся в золу
И полетят по ветру!

* * *

Үртө-садта болхла,
Үрдэсн э!
Тохм таср!
Орчлңгин шар нар үзл уга од!
Турута мал төрүц чамд бичэ үзгдтхэ!
Если у тебя есть дети —
Бойся детей своих!
Пусть прервется твой род!
Пусть ты не увидишь больше желтого солнца,
Освещающего всю Вселенную!
Пусть у тебя не будет скота с копытами!

Харал келсн күүнд келдг үгмүд

1. Сэ келснчн үснчн цэ,
Му келсн яснчн цэ!
2. Харалчн йөрэл болг,
Хэрү эргэд бийэрчн нар!
3. Келэри келдүр кеһэд,
Хойр нүдэри керэд цокул!
4. Харалчн хар һазр авг.
Эргж, эргж бийэрчн нарг,
Келсн үгчн эргж-эргж ээмэрчн орх,
Төөрж, төөрж толһаһарчн орх!
5. Нэ, харасн харалчнь йөрэл болг,
Хавснчнь дегэ болг,
Хар һазр үзл уга,
Хөөлж деегшән нис,
Хорхад төрж йов!

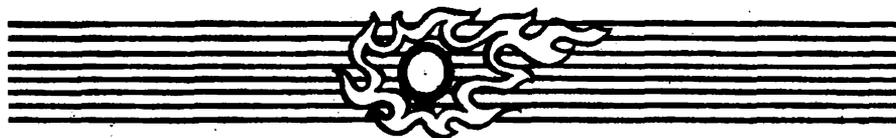
Ответы человеку, произнесшему проклятие

1. Кто сказал хорошее — доживет до белых волос,
Кто сказал плохое — пусть кости его белеют.
2. Пусть твое проклятие станет благопожеланием.
Произнесенное в мою сторону проклятие
Пусть обернется против тебя же!

3. Сделай из своего языка лопату,
Пусть твои глаза выключет ворон!
4. Пусть тобой произнесенное проклятие
Возьмет черная земля!
Произнесенное тобою проклятие
Пусть обернется против тебя,
Произнесенные тобою слова проклятия
Пусть вернуться к тебе,
Поблуждав, пусть войдут в голову!
5. Пусть произнесенный тобой харал станет йорелом!
А ребра твои станут дугами,
Пусть не увидишь ты черной земли,
Растаяв, улети в небеса
И воплотись в червяка!

Харалы-клятвы

Хар назрт орнав!— Провалюсь сквозь землю!
Намаг теңгр цокг!— Пусть небо меня покарает!
Нар үзлго одсв!— Пусть я умру, не увидев солнца!
Теңгр цокг!— Пусть небо меня покарает!
Темән девсг!— Пусть верблюд меня лягнет!

ЙӨРӨЛМҮД * БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

Назр төклһнэ йөрэл

Нэ, хээрхн,
Жилин нег өлзэтэ өдр
Цуһарн кишг сурчач седклэсн
Зункваһан тэкхэр бөөх,
Эрһн керг — төрмидн
Цаһан хаалһта болж,
Окн-Тенгр, оһн бурхдын
Сәкүсн байсж,
Байрта-бахтаһар кергән күцәх болцхай!

Йорел в честь умилоствивливания земли

О, хайрхан,
Пусть будет благословен этот день года,
Будем просить счастья всем сердцем,
Поклонимся Дзонкаве,
Пусть наши главные дела
Будут благословенными.
Пусть им сопутствует удача,
Пусть души Окон-Тенгри
И множества бурханов восторжествуют.
Будем праздновать с радостью!

Назр төклһнэ йөрэл

О, хээрхн.
Өргн көк Окн-тенгр,
Оһн бурхдын сәкүсн,
Мандлһн шар нарни гегән,
Төрг сарин, түмн одна гегән,

Ончлж күндлсн Усн-Лу хаани эзн —
Цаһан Авһ — бурхн.
Эндр өдрин сөөнд теңгрин сетрә малар дееж өргж,
Көк цаһан соллгта сал кеж,
Тандан нерәдж төкжөх төклин ууриг эдлж,
Зооглж,
Өөрдн йисн зүсн кишг буйиг делгрүлж,
Ундассн амг тоот чилшго ундарн теткж,
Үргждөн наласн цевр сөөхн уурхан саң
Уснантн кишгт цугтнд оньдин күртж,
Эдл-тежөлмүдн элвг болж,
Асрулин эзнәһәр аль чигн залсн зөөритн
Аддлго асрж,
Хадһлж бидн бөөх болж,
Усн һалин аюлла маниг харһуллго,
Өмтәхн ундта,
Амулң менд бөөхмидн дөң-нөкд болхитн эрж,
Сурж мөргжәнәвидн.

Благопожелание при обряде жертвоприношения земле

О, хайрхан.
Высокое синее небо, о, Окон-Тенгри,
О, покровитель множества бурханов,
О, свет высокого желтого солнца,
О, свет круглой луны, о, свет тысячи звезд,
О, величественный хозяин водных драконов —
Бурхан Цаган-Авга.
Вознесем приношение жертвенными небесными
Животными в лучший день,
Сине-белой радугой сделав связь между мирами,
Чтобы запах от такилгана, адресованного Вам,
Дошел до Вас.
Чтобы девять видов счастья ойратов
Распространились,
Чтобы все, кто испытывает жажду, утолили ее
Из широкого чистого неиссякаемого источника,
Чтобы счастье, которое воплотилось в воде,
Достигло вас,
Чтобы у Вас было много еды,

Чтобы весь богатый приплод скота
Был выращен без потерь и сохранен.
Чтобы мы не были подвластны воде и огненной кальпе,
Будем жить в счастье и благоденствии,
Испытывая наслаждение.
Об этом молим и просим.

Нал тэклнэ йөрөл

Моһлицг толһаһан гекж,
Мохр өвгән сөгдж,
Сарин сәәһинь сәкч,
Өдрин сәәһинь оньслж
Шар толһата цаһан хөөһәр һал тәкжәнәв.
Налта Окн-Теңгр танд кишг буй сурж эржәнәв.
Хүрә! Хүрә!
Асхрсн алдрсн хәрү ирж бүүрлх болтха.
Хүрә! Хүрә!
Алд өвртә, аршм ташата,
Арслң эрәтә шар цоохр үкр малын
Кишг төршж болтха.
Хүрә! Хүрә!
Төв сүүлтә, тевг семжтә,
Торһн нооста, күрңг улан хөөдин
Кишг тогтх болтха.
Хүрә! Хүрә!
Савһр делтә,
Сагсхр урлта,
Шарһ алтн адун малын
Кишг тогтх болтха.
Хүрә! Хүрә!
Налһвр ботхта,
Хар, шар атн темәнә кишг тогтх болтха.
Хүрә! Хүрә!

Йөрөл при жертвоприношении огню

Склонив голову,
Опустившись на колено,

Выбрав лучший из месяцев,
Выбрав лучший из дней,
Приношу в жертву белого барана с желтой головой,
Прошу у огненной Окон-Тенгри
Счастья и благоденствия.
Хурей! Хурей!
Да возвратятся оторвавшиеся, заблудившиеся.
Хурей! Хурей!
Пусть утвердится благополучие
От желто-пестрых коров,
Похожих на львов, с саженными рогами
И аршинными бедрами.
Хурей! Хурей!
Пусть будет счастье от красно-коричневых овец
С шелковистой шерстью, красивым хвостом и брюшиной.
Хурей! Хурей!
Пусть будет счастье от солого-желтого табуна лошадей
С растрепанными гривами и длинными хвостами.
Хурей! Хурей!
Пусть будет счастье от черного холощенного верблюда.
Хурей! Хурей!

Ус тэклһнэ йөрэл

О, хээрхн.
Окн-Теңгр,
Олн бурхдын сәкүсн,
Мандлсн сәэхн шар нарни гегән,
Төгрг сарин түмн одна гегән,
Ончж күндлсн Усн Лу хаани эзн.
Цаһан Авһ-бурхн.
Эндр өдрин сәэнд
Теңгрин сетрә малар дееж өргж,
Көк-цаһан солһнта цацал кеж,
Өөрдин йисн зүсн кишг-буйиг
Ундасн хамг тоот чилшго ундарн ууж,
Үрглждән наласн усвр сәэхн
Ууржан саңг уснантн
Кишг цугтад оньдин күртж

Эдл-тежълмидин элвг болж,
Асрулин эзнѳлор аль чигн,
Заясн зѳеритн аддлго асрж,
Хадлһлң бидн бѳѳж болж,
Усн-нелии аюлла харһуллго,
Ѳмтѳхн ундта, амулңг менд бѳѳхвидн,
Дѳң-нѳкд болжитн эрж,
Сурж мѳргжѳнѳвидн.

Благопожелание при обряде жертвоприношения воде

О, хайрхан.
Окон-Тенгри,
Гении-хранители множества бурханов,
Свет высокого желтого солнца,
Круглой луны, а также свет тысячи звезд,
Достоцимый хозяин земли и воды,
Бурхан Белый старец.
В один из лучших дней
Вознесем благословенную пицу-дееджи
Жертвенным бараном,
Сине-белой радуге возведенной радуюсь —
Девяти видам счастья айратов.
Тем, кто жаждет испить воды, —
Чтобы источник воды неиссякаем был,
А вода в нем была чиста и свежа,
Пусть счастье будет для всех,
Еды пусть будет множество,
Пусть ваше богатство сохранится на века,
Пусть мы будем защищены от стихии воды и калпы,
Пусть напитки наши будут сладкими,
Будем помогать друг другу.
Помолимся за все это.

Зульгн йѳрѳл

Ирсн мана зулмдн
Ѳлзѳтѳ, цаһан хаалһта болтха,

Олн му күүкдмдн
Шин жилэ насинь авч,
Кен икчүдиннь наснд күрч,
Кен икчүдиннь кишгт багтж,
Бэесн назр-уснаннь сэкүсн өршэж,
Буусн бүүринь буйн-кишгнь ирж,
Кезэ болв чигн ханлтн — тоолж уга,
Амулнг, зала тиньгр цуһарн бээж,
Ях, — гиж өвчн уга,
Йов, — гиж зарһ уга,
Кеер — назра йовх му үрдүд болв чигн.
Эн — тер, түрү-зүдү уга,
Һар, көлдөн шарх-шав уга йовж,
Аав-ээждөн өлзөтө үрдүд болж,
Амулнг — менд йовх болтха, хээрхн,
Хуучн жилмдн һарч,
Шин жилмдн оржана,
Олн эмтн байрта-бахта бээхиг
Шин жилин сэкүсн өршөтхө.

Йорел Зулу

Пусть пришедшему празднику 'Зул
Будет благословенная, белая дорога,
Пусть все мои "плохие" дети
В Новом году получают еще по одному году,
Пусть доживут до возраста старших,
Пусть присоединятся к счастью старших,
Пусть их земле и водам
Покровительствуют духи-хранители,
А на месте их кочевки пусть распространится
Счастье и добродетель,
Во все времена года живите без болезней,
Живите в мире, пусть не омрачается
Ваше чело плохими мыслями.
Живите без болезней и страданий,
Те, кто находится в степи,
Пусть их руки, ноги, головы будут целы,
Пусть в их доме будет достаток,
Родители пусть будут благословенны детьми,

Живите в счастье и благополучии.
Ушел старый год,
Пришел Новый год,
Пусть все люди будут счастливы,
Пусть дух Нового года распространит милосердие!

Зулын йөрөл

Цә шиңгн болв чигн
Хотын дееж болдг,
Цаасн нимгн болв чигн
Номин кәлгн болдг,
Буур жил һарад,
Ботхн жил ордг,
Авсн насгнн өлзәтә болж,
Альк чигн цагт оln өмтн
Амулң төвкнүн бәәж,
Айта сәәхн жирһл эдлтхә,
Хуучн наснь өлзәтә болж,
Шин жилән байртаһар тосч,
Ончта цәәһәри дееж бәрж,
Орсн Зулан сәәнәр кеж,
Амулң жирһл цугтан эдлүлхиг
Олар деедс бурхд өршәх болтха!

Йөрөл празнику Зул

Чай, хоть и прозрачен,
Это священная пицца.
Бумага, хоть и тонка,
Передаёт знание.
Ушел год верблюда,
Начался год верблюжонка,
Пусть ваши года будут благословенны,
Пусть во все времена
Народ живет спокойно,
Пусть "взятые" годы будут счастливыми,
А старые годы благословенными,
Встретим радостно Новый год,

Вкусным чаем сделаем дееджи;
Отметим Зул,
Пусть все испытают счастье и блаженство,
Обэтом попросим верховных небожителей и бурханов.

Цаһан Сарин йөрөл

О, хөөрхн, Оки-Тенгр, оли Деедс.
Оки-Тенгрин сөкүсн евөж,
Оли өмтн төвкнүн бөөж
Онъдин иигж Цаһаһан кеж
Оки-Тенгрөн дуудж, күңгшү һарһж,
Халун уурта хотан кеж,
Ур-деежинь Оки-Тенгртөн һерөдж
Уух-идх элвг-делвг болж,
Кезөчн иигөд байрта-байртаһар бөөж,
Зуд-зурхн уга, зовх-түрх угаһар,
Мал-өмтн уга, зовх-түрх угаһар,
Мал-өмтн уга үвлөс у сөөхн һарч
Толһа бүтн, то күңц бөөж,
Цуһар мөндөн медлж,
Үргөн-чочан уга, ях гиж өвчн уга.
Кезөн кергт аав-эжиннь бөрц бөрж,
Оли кү орулж, оли кү һарһж,
Ю санна, сансн номин йосар бүтж.
Бурхн евөж, һазр-уснаннь сөкүсн евөж,
Өргн Зулын гер мет ууһар
Өңгтө сөөхн болж,
Өр жөөли болж,
Өсж-өргж йовхитн
Оли деедс евөтхө.
Бидн, көгшдүд,
Оли тана жирһл үзж,
Оли жилд өмд йовж,
Хуучна авг-бөрц үзүлж,
Күүнд мууһан үзүллго
Өдрин сөөнлө, һазрин жөөллилө
Харһх болый, хөөрхн!

Йорел в честь праздника Цаган Сар

О, хайрхан, Окон-Тенгри, множество всевышних.
Умилостивливаю хранителя Окон-Тенгри,
Пусть все живут в мире и благоденствии,
Будем ежегодно праздновать Цаган,
Совершим обряд очищения в честь Окон-Тенгри,
Приготовим горячую пищу,
А главную пищу — жертвоприношение
Посвятим Окон-Тенгри.
Пусть еды и питья будет в досталь,
Проживем без непогоды — "зуд", без горя и болезней,
Пусть скот и все другие животные
Благополучно выйдут из зимы,
Пусть головы наши будут целы,
Будем приветствовать друг друга,
Проживем без горя и войн,
Сохраним законы предков.
Пусть в каждом доме будет множество гостей:
Одни выходят из дома — другие пусть заходят,
Пусть все желания сбудутся у них,
Пусть все будут красивы в этот день,
Как зажженные светильники зул.
Чтобы вы росли без горя, в радости,
Будем молиться всем всевышним бурханам сегодня.
Пусть старики созерцают счастье молодых,
Будем жить множество лет,
Обучая всех законам предков,
Скрывая все плохое,
В один из лучших дней,
Когда земля станет мягкой,
Встретимся.
О, хайрхан.

Цаганла төвдг йөрөл

Цөөки мал бүрн-бүтн,
Цуг өркөрн эрүл — менд,
Зуд — турхи угаһар
Зовлңг — зөвүр угаһар.

Эн үвлэс мeнд һарад,
Цаһаһанкежэх,
Өрин байрта бөөх...
Эңкр нутгни хормад

Малын төлнь өсклнг,
Маңна тиньгр амулнг,
Энжл эдү кевөрн
Элдв, байрта цаһалж...

Эсрндгән энүнәсн үлү
Эрүл-мeнд седкл тарһн,
Дүүгж — дүрклж цуһарн
Дембрлттә Цаһа кeх болыя.

Йорел в честь Цаган Сар

Пусть небольшое стадо будет целым,
Пусть тела и души наши будут здоровыми,
Без зуда и бедствия,
Без страданий и болезней будем жить.

Выйдем благополучно из этой зимы,
Отпразднуем Цаган Сар,
Будем жить все
В своем любимом нутуке счастливо.

Пусть растет благополучно молодое стадо,
Пусть души наши будут спокойными,
В этом году
Будем радостно праздновать Цаган Сар,

А на будущий год
Будем праздновать еще лучше
И в здравии и благополучии,
Будем праздновать шумно и радостно,
И торжественно Цаган Сар.

Цаһанд келдг йөрөл

А! Хээрхн!

Хан теңгр хадһлж,
Хамг оln бурхиг евөтхө!
Эзн теңгр хөөрлж,
Дөрвн ээж-аавин сөкүсн,
Цуһар Окн-Теңгр бурхн
Маңһсин орн дөөсөн дарад,
Шар хар уга байрлж-бахдж,
Ур деежөн бөржөнөвидн!
Манд нас хөөрлж болтн
Оln ачнр-жичнр нас евөтхө болтха,
Һазр-усна сөкүсн евөтхө,
Оln-әмтн амулц болтха!
Идж, ууж, цадж, ханж,
Оln манд нас хөөрлтхө!

Благопожелание, произносимое на празднике Цаган Сар

О, Хайрхан!

Храня в сердце Хана-тенгрия,
Пусть благословят нас множество бурханов!
Почитая хозяйина — тенгрия,
Пусть души отца и матери,
Пусть Окон-Тенгри-бурхан победят
Врагов из страны мангасов.
Будем радоваться все без черных мыслей,
Поднимем чашу с дееджи,
Благословляем наши года,
Будем просить множество лет своим внукам,
Пусть духи-хранители земли и воды благословят нас.
Пусть люди живут в спокойствии.
Пусть будем мы сыты,
Пусть года наши будут долгими.

Цаһана йөрөл

О, хөөрхи, Оки-Тенгр,
Оли Деедс,
Оки-Тенгрин сөкүси евож,
Онъдин иигж Цаһаһан һарһж,
Оли өмти амулң-менд бөөж,
Ур деежөн өргж,
Уух-идхнъ элвг-делвг болж,
Кезе чигн төвкнүн бөөж,
Зуд-зовлң угаһар,
Зовх-ичх угаһар,
Мал өмн үвлөс сөн һарч,
Толһа бүрн, тонъ күцц бөөж,
Цуһарн мендөн медлцж,
Кезе болв чигн аав-ээжиннь
Авьяс бөрж,
Кен-негөн тоож,
Көгшнөн күндлж,
Вичкнөн энкрлж,
Көрг-үүлнъ күцж,
Юн санси болна,
Санси үүлнъ номин йосар бүтж
Оли бурждын номар
Орчлң ни-негн,
Дөн-дажг уга
Амулң менд бөөх болтжа.

Йөрөл праздику Цаган Сар

О, хайрхан, Окон-Тенгри,
Множество всевышних,
Почитая Окон-Тенгри,
Будем ежегодно встречать радостно Цаган Сар,
Пусть все на свете живут в мире и согласии,
Преподнося бурханам первое приношение,
Пусть всего, что едим, будет множество,
Будем жить в мире и спокойствии,
Без непогоды, мучений и болезней, без страданий.
Пусть скот также благополучно

Выйdet из зимы,
Пусть головы животных будут целы,
А число их пусть останется таким же,
Будем соблюдать заветы и законы предков,
Будем угождать друг другу,
Стариков уважать,
Младших ласкать,
Пусть ваши дела также исполнятся благополучно,
А задуманное пусть совершится по закону Учения,
По Учению бурханов,
Пусть будет земля едина,
Будем жить без войн и вражды,
Будем жить в благополучии.

Цаһан Сарик өдрт төвдг йөрөл

Өмнөи нар мандлулж,
Ардан үвлөн үлдөж,
Хамг сөөһөн өмнөн тууж,
Хамг мууһан ардан үлдөж,
Өмөр өнр-өсклиг болж,
Аһрусар байн болж
Кезөд чигн шар-бор
Шантг-шарвг уга,
Эрүл-менд амулнгтаһар
Сөн жирһлөр жирһж
Санси хамг санантн күцж бүтөж
Келси үгтн кезөд чигн төв,
Кесн кедлмштн кезө чигн кемтрхө уга,
Аюл бичө үзгтхө,
Дөн-дажг бичө соңгсгдтха,
Өөх өөмшг угаһар,
Дүүгж дүрсмж йовх болцхатн.

Благопожелание на праздновании Цаган Сар

Чтобы всегда светило солнце впереди,
Чтобы зима оставалась позади,
Чтобы все хорошее было впереди,

Чтобы все плохое было позади,
Чтобы было множество живых существ,
Чтобы было множество животных.
Чтобы не было ничего плохого,
Чтобы все были здоровыми,
Чтобы все жили счастливо,
Чтобы Ваши все желания сбылись,
Чтобы Ваши слова всегда были спокойными,
Работа, сделанная Вами, чтобы была совершенно безупречна,
Живите без войн,
Живите без болезни,
Живите в радости.

Үрс сарин йөрэл

Эн жилд болжах
Үр сартн үрвр утта-батта
Мөңк болтха.
Сансн — седсн санан күцж,
Кесн келдмшән күцмж диилвр бәрж, күцж,
Дунднь дүүрч,
Дән уга төвкнүнәр бөөцхэж,
Даңгин ярлзсн инэдтә-наадтаһар
Өмәрн өнр-өсклң болж, эрүл-менд бөөцхэж,
Мал аһрусарн байн дала-нала болж,
Цуг төвкнүн жирһләр жирһцхэж,
Кезэд чигн дүүгж — дүргкж йовцхатн!

Йорел в честь Урюс Сар

Наступивший в этом году праздник Урюс Сар
Пусть будет вечным,
Пусть осуществляются все ваши помыслы,
Пусть будут успешными ваши дела,
Живите в радости и благоденствии,
Живите в счастье, не знайте печали,

Пусть будет крепким ваше тело,
Живите в радости и благоденствии,
Живите в счастье, не знайте печали,
Пусть будет крепким ваше тело,
Живите в здравии и благополучии,
Пусть ваши дворы будут наполнены скотом,
Живите в мире, спокойно и счастливо,
Во все времена веселитесь и смейтесь,
Живите без войн, в вечном мире и спокойствии.

Нилхд нер өгжлэ, тэвдг йөрэл

Эк эцк хойрин нер өгчэх үрн
Көгшдүдин ардас дахж,
Эгч — дүүнрэн дахулж,
Парнь һанзһд күрч.
Ухань шулун-хурц,
Сурх, медхд — сүзгтө,
Кех-күцэхд — гүүңгү,
Үүрмүд дундан тоомсрта,
Зандн эдл нурһта,
Аңһучлһнь оньдин
Диилвртө, байрта-бахта болж,
Үүрмүд, элгн-садн дунднь
Дуута Эрднь нернь
Насни турштан мөңкртхө!

Йорел в честь наречения новорожденного именем

Пусть этих родителей дитя, которое нарекают именем,
Ступает по светлому пути предков.
Да родятся за ним сестры и братья.
Пусть ноги его коснутся стремян,
А руки достанут до тороков,
Пусть он будет разумом одарен,
Пусть он будет послушным.

Пусть будет уважаем и достоин похвал.
Пусть будет строен
И красив, как сандал,
Пусть сопутствует ему удача на охоте.
Пусть триумфальными будут его победы,
И пусть среди ровесников и родни
Громкое имя его Эрдни
Будет славно навек!

Шин төрси күүкдт нер өгліһнэ йөрөл

Не, эк эцк хойрин
Нер өгчөх үрн өсж-босж,
Эгч-дүүнрөн дахулад,
Экин хормаһас бөрж,
Ажин ардас дахж,
Аав-эцкин тохминь дуудулж,
Оли дундан тоомсрта,
Отк-өөмгтөн күндтө,
Ухань шулун-хурц,
Урн эрдмөр дасмч,
Сурж-медхд сүэгтө,
Көх-күцөхд гүүңгү
Занди өдл нурһта,
Заң, төвкнүн бөрцтө,
Экин авъясар һарнь өөтө болж,
Эцкөн дахад
Үүрмүдтөһөн зерглдөд,
Көлнй дөрөд күрч,
Һарнь һанзһд күрч,
Һазаран һаржлари
Һанзһнь улан ирж,
Хам-хошадан,
Хамг нутгтан
Туурж көвүнөнтн нернь болтха!

Йорел новорожденному при наречении именем

Пусть славное дитя, которому нарекают имя,
Будет иметь много братьев и сестер,
Пусть в детстве он держится за материнский подол,
Пусть следует он по стопам старшего брата,
Пусть своими поступками возвышает имя своего рода,
Пусть среди своего отока пользуется уважением,
Пусть ум его будет острым,
Руки пусть будут мастеровыми,
Пусть на все вопросы он находит ответ,
А цели его пусть будут достижимыми,
Пусть ростом он будет как сандал,
А характер его пусть будет спокойным,
Руки его пусть будут ловкими, как у матери.
Пусть в своих добрых делах следует за отцом!
Пусть ноги его достигнут стремян,
А руки пусть достанут до тороков,
Пусть в хотоне ему сопутствует удача,
Пусть во всем нутуке
Имя его будет прославленным!

Балчрин үсид хөөчин ир күргх йөрөл

Эрдни мет күүнө бийиннь өлгсн,
Эн балчр үрнө
Экин алти уург шиндрсн үсинь авхин төлөд,
Ахир, дүүнр, ард — оли бүгдөн
Урһц авч ирж,
Ээж, ав, эк, эцкиннь өмн
Ээжин деед болгч — хадг делгөд,
Евөл иктө һарар
Эрдни һаң хөөчиг
Эн үрнө үсиднь күргжөнөв!
Ээж, аав, эк, эцк!
Дөчн дөрви гем — өвчи тоот,

Нурвн зун жирн түрү-зүдү тоот,
Э һаң хөөчин хурц ирлө
Харһж, тоньлж хөөһж йовтха!
Үрнтн кишгтә сән баатр болж өстхә!

**Йорел, произносимый
при обряде пострижения волос младенцу**

Мы, братья и сестры, все собрались,
Вместе с родителями.
Чтобы постричь младенческие волосы
Нашему ребенку, который подобен драгоценности.
Золотыми ножницами, поднесенными на хадаке,
Дотронемся до волос,
Пусть эти золотые, драгоценные, точеные ножницы
Предостерегут от сорока четырех несчастий,
От трехсот шестидесяти невзгод.
Пусть младенец ваш станет мужественным богатырем
И доживет до глубокой старости!

Бички күүкдн нерәдси йөрәл

Нилж күүкдт төрхлө, йөрәх йөрәл

Кииснь акчж,
Көлнь шоратж,
Эк-эцкдән өлзәтә үрн болж
Өсч өргж болтха!

Жил болад йөрәх йөрәл

Ут наста,
Бат кишгтә болж,
Көлнь дөрәд,
Һарнь һанзһд күрдг болтха!

Арв һарси хөр күрэд уга наста көвүд йөрөх йөрөл

Кишгнь делгрж,
Килнцнь тонь иктхә!
Сән мөңгн дөрөтлә (сән күүкнлә) ханьцж,
Урдк көгшдүдин авъяс бәрц бәрэд
Жирһкинь олн Деедс евәж өршәтхә!

Йорелы детям

Йорел новорожденному

Пусть пупок быстрее заживет!
А ножки пусть будут в пыли.
Пусть будешь для родителей благословенным ребенком!

Йорел ребенку, которому исполнился год

Живи долго,
Пусть будет постоянным твое счастье,
Пусть ножки быстрее достигнут стремян,
А руки пусть дотянутся до тороков!
(Пусть будет добычливым, хорошим ребенком!)

Йорел ребенку, которому от десяти до двадцати лет

Пусть благополучие его приумножится,
Пусть будет он безгрешным,
Пусть встретится с хорошей девушкой,
Пусть в жизни своей соблюдает обычаи предков,
А счастье его пусть охраняют всевышние бурханы!

Шин һарси күүкдин йөрөл

Һарси көвүһән һар деерән бәрж,
Хучлһинь хагсаж,
Нурһинь илж,
Уургарнь гесинь цадхж,
Уульхлань, саатулж,
Кәлинь дөрэд күргж,

Наринь хананд күргж,
Күүнэ уха медүлж,
Келн-амнд орулж,
Орн-нутгтан туста.
Олн-өмтнд туста,
Баатр ер жөөлн седклтө,
Өвкиннь сөн авъяс,
Заңгинь өгч,
Олн дүүнр дахулж,
Орчлнгийн жирһлд багтж,
Көгшн аав-ээж болтха!

Йөрөл новорожденному

Рожденного ребенка возьмем на руки,
Пусть его покрывало обсохнет,
Погладим его по спине,
Накормим его материнским молоком,
А когда заплачет — убаюкаем,
Ноги пусть его достигнут стремени,
А руки его пусть достигнут добычу,
Пусть он познает законы предков, человеческий разум,
Пусть он быстрее заговорит,
Пусть будет достойным своей родины,
Пусть будет полезен людям.
Пусть будет он богатырского роста,
Пусть будет он человеком с мягким сердцем,
Пусть доживет до глубокой старости.
Пусть он будет наследником добрых традиций предков.
Пусть за ним родятся еще братья и сестры,
Пусть живет при всеобщем благоденствии,
Доживет до старости и обнимет внуков!

Күргн бер хойрт тэвгдсн йөрөл

Не, күргн күүкн
Эн өдрөс авн
Тади нег өрк-бүл болад,
Көх көдлмшөн келһөд,

Нег-негдөн дөң болад
Эж-ааван күндлж,
Күүнд келүлл уга,
Нокад хуцулл уга,
Менд амулц йовцхати
Гиж йөрөжөнөв!

Йорел жениху и невесте

С этого прекрасного дня
Вы стали семьей,
Живите дружно,
Помогая друг другу,
Выполняя дружно работу.
Пусть люди говорят о вас хорошие слова,
Живите в счастье и благоденствии!
Так я вас благословляю!

Хураши йорел

Эрэн томан уга,
Элгн-сади хурж,
Сарин сөөһинь сөкж,
Өдрин сөөһинь ончлж,
Энд өдрин елзэд,
Эрөтө цоохр эдөн
Эвдж эдлх эздүдтнь
Эклж ишкж уйжанавидн,
Эднь элтхэ,
Эздүднь ут наслтха!

Йорел свадебному шру

Соберемся с радостью
В начале месяца,
В хороший благословенный день,

Пеструю ткань раскроем
И сошьем свадебный подарок.
Пусть ткань изнашивается,
А хозяин одежды пусть проживет много лет!

Худирин йорэл

Нэ, худир,
Тач — тасршго,
Матилһж — матишго,
Хажуһин хов-хууж уга,
Ях, гих өвчн уга
Йов, гих уул-төр уга,
Батта сөөхн саддуд болж,
Байрта, жирһлтэ, көвүн күүкн хойр
Өркән өндөлһж,
Өнр өсклц,
Ачнран таньшго өнр,
Агтан таньшго байн болж,
Йорэл бүттхэ!

Йорел, посвященный сватам

Сваты,
Станьте дружными,
Чтобы вашу дружбу не разорвали,
Чтобы ее не искривили,
Живите без болезней,
Живите без трудностей,
Живите в радости.
Пусть созданная вами семья
Будет крепкой,
Пусть ваша семья будет многочисленной, процветающей,
А табуны богатыми.
Пусть исполнится йорел!

Хурмин йөрөл

Окн-Тенгртән мөргсн,
Алтн шар нардан мөргсн;
Эж-аавдан мөргсн,
Өрк өндөлһсн мана көвүн бер хойр
Бәрсн гернь бәәшң болж
Өркәснь буурл утан бичә хөөһтхә,
Эмәлтә мөрд эркнәс бичә тасртха,
Өрлә босж, өркән хәрүлж,
Гер-бүл болсн күүкн көвүн хойр
Эмәрни оһ өнр өсклң
Мал аһрусарн байн болж,
Кен икчүдинь үгинь соңгсч, күндлж,
Кен бичкдүдән эрклүлж,
Матилһв чигн матишго,
Татв чигн тасршго,
Хойр худнр ханьцдг уга элгн-садн болж,
Гер-бүл мал болсн, күүкн көвүн хойр кезәд чигн,
Чирәннь тиньгр ярлзж инәлдж,
Эн кенәхмб гихлә, теднә тер гиж
Нер дуудулж йовцхатн!

Йөрөл свадьбе

Молимся Окон-Тенгри,
Золотому солнцу,
Отцу и матери.
Создавшие семью
Невестка и сын,
Пусть дом ваш станет дворцом,
Пусть из дымника вашего дома
Всегда вьется дым.
Пусть у вашего порога всегда стоит
Хорошо оседланный конь,
Создавшие семью девушка и юноша,
Пусть у вас будет множество детей,
Пусть ваш двор будет полон скота,
Прислушивайтесь к совету старших,
Почитайте старших,

Будьте нежны с младшими,
Пусть ваш союз станет крепким,
Сваты же пусть станут родственниками,
Пусть улыбка не сходит с ваших лиц.
Пусть ваша семья будет всегда в почете!

Шин берин йөрөл

Орулж авси мана бер
Оли мади дундан өлзэтө болж,
Ор гихлө, орж,
Нар гихлө, нарч.
Өмнк өвкнрин авц-бөрц бөрж,
Мана шавхрт күртж,
Барун хормадан күүкдөн авч,
Зүн хормадан хөн-хурһан ишкөж,
Көгшдөн күндлдг,
Баһинь эрклүлдг,
Батта өркин эзлгч,
Олнд евалтө сән өрк болж,
Авси авальтаһан амрад-жирһэд,
Йовх болтха!
Йөрөл бүттхә!

Йөрөл невестке

Невестка, только что введенная в наш дом,
Среди нас будь благословенной,
Когда скажут "войди" — входи,
Когда скажут "выйди" — выйди,
Следуй законам предков,
Пусть всегда ты будешь сытой,
У правого края твоего подола пусть бегают дети,
У левого края твоего подола пусть бегают ягнята,
Почитай стариков,
Балуй младших,
Крепко держи счастье своей семьи,
Пусть твоя семья будет дружной!
Пусть исполнятся пожелания моего йорела.

Сөөһөн хөөсн аавдан нерөдсн хотын йөрөл

Сөөһөн хөөсн ик аавмдн
Эн нерөдсн хотын ур, деежинь
Ууж, идж, ханж,
Цааран хөлөж йовж,
Гегөтө-герлтө һазрар йовж,
Күрх һазртан күрч,
Ардан үлдсн ачнр, зеенртән, жичнртән
Ик насан, кишгөн үлдөж,
Аавас үлдсн хотын шавхрнь
Уусн манд аршан болтха,
Бурхн болсн аавмдн
Хәрж ирөд, нег ач-жичиннь негнд төрх болтха.

Йөрөл, произносимый на поминках умершего старца

Умерший наш старец (нашедший лучшую жизнь),
Испробуйте нашей главной пищи — дееджи,
Попробуйте, попейте, насытитесь ею,
Идите все дальше и дальше от нас,
Достигните светлой земли,
Достигните земли, которую вы желаете достигнуть,
Оставьте счастье свое внукам и правнукам,
Даруйте им свой возраст,
А пицца, которая осталась от поминального стола,
Пусть будет нам аршаном,
А наш старец, ставший бурханом,
Пусть воплотится в своих внуках и правнуках!

Өвгүрсн медөтө куунд нерөдсн йөрөл

Үннәннь һазр талан хөләсн көктө
Ардан өңгөл-тачал уга,
Чик хаалһдан орж,
Ардан үлдсн-үрн садуддтан

Кишг, насан өгж,
Күрх һазртан күрч,
Элгн-саднаннь седклд
Наснь туршар нернь мөңкртхә.

Йорел умершему старцу

Вступивший на праведную землю,
Пусть после Вашего ухода не будет притяжения Вашего,
Чтобы Вы не повели за собой своих близких.
Вступите на праведную землю,
Передайте счастье людям,
Оставшимся после Вас,
Пусть Ваше имя будет вечным,
Пусть Ваша душа достигнет желаемого места.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Приметы	10
Заговоры	23
Песни-заклинания	46
Проклятия	49
Благопожелания	65
Заключение	111
Библиографические ссылки	113
Список информантов	121
Литература	123
Сокращения	130
Приложение (Фольклорные тексты)	131
Йормуд. Приметы	132
Тэрис. Заговоры	138
Тэрис дуд. Песни-заклинания	145
Хальмгудын ура. Ураны калмыцких родов	149
Харалмуд. Проклятия	151
Йөрәлмуд. Благопожелания	157

Научное издание

Бордиашова (Басакаева) Тамара Гараман

МАГИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ КАЛМЫКОВ

На русском и калмыцком языках

Редактор *В. Л. Толкагидова*

Художник *Ф. М. Дубров*

Технический редактор *Л. Е. Германова*

ЛР № 010037

ИБ № 1635

Сдано в набор 25.03.99. Подписано в печать 24.05.99.

Формат 60 x 84/16. Бумага типографская № 2.

Гарнитура школьная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,7. Усл. кр.-отт. 10,95. Уч.-изд. л. 8,26.

Тираж 500 экз. Заказ 1010. "С" 002

Калмыцкое книжное издательство,

358000, г. Элиста,

ул. Ленина, 243. Дом печати.

АПП "Джангар" Республики Калмыкия,

358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.

